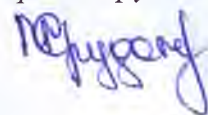

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

РУДОМЕТОВА Светлана Михайловна

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ
ПРОЦЕССЫ В ОСТРОВНЫХ МЕЩЕРСКИХ
ГОВОРАХ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.02.01 – русский язык

Научный руководитель:

доктор филологических наук,

профессор

Брысина Евгения Валентиновна

Волгоград – 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ГОВОРЫ ИЗОЛИРОВАННОГО ТИПА	12
1.1. Территориальная изоляция говоров (Исследование мещерских говоров).....	12
1.2. Мещерские говоры Рязанской области: языковые особенности.....	19
1.3. Мещерские говоры Пензенской области: языковые особенности.....	33
1.4. Мещерские говоры Волгоградской области: история возникновения, диалектное окружение.....	40
ВЫВОДЫ	48
ГЛАВА II. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ И ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМ ОСТРОВНЫХ ЦОКАЮЩИХ ГОВОРОВ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	50
2.1. Фонетические особенности.....	50
2.2. Грамматические особенности.....	69
2.2.1. Глагол.....	69
2.2.2. Имя существительное.....	71
2.2.3. Имя прилагательное.....	76
2.2.4. Местоимение.....	79
2.2.5. Частицы.....	80
2.2.6. Предлоги.....	82
ВЫВОДЫ	91
ГЛАВА III. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОСТРОВНЫХ ЦОКАЮЩИХ ГОВОРОВ С. ПЕРЕЩЕПНОГО И С. КРАИШЕВА: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ	95

3.1. Названия дома, его внутреннего убранства, двора и его частей говора с. Перещепного.....	96
3.2. Названия дома, его внутреннего убранства, двора и его частей говора с. Краишева.....	100
3.3. Названия орудий труда и предметов, связанных с бытом.....	104
3.3.1. Названия орудий труда и предметов, связанных с бытом говора с. Перещепного.....	105
3.3.2. Названия орудий труда и предметов, связанных с бытом говора с. Краишева.....	108
3.4. Названия растений, животных и природных явлений.....	114
3.4.1. Названия растений, животных и природных явлений говора с. Перещепного.....	114
3.4.2. Названия растений, животных и природных явлений говора с. Краишева.....	117
3.5. Лексика народного костюма.....	121
3.5.1. Лексика народного костюма говора с. Перещепного.....	122
3.5.2. Лексика народного костюма говора с. Краишева	126
3.6. Названия изделий из теста и других блюд.....	130
3.6.1. Названия изделий из теста и других блюд говора с. Перещепного.....	131
3.6.2. Названия изделий из теста и других блюд говора с. Краишева.....	134
3.7. Обрядовая лексика.....	138
3.7.1. Обрядовая лексика говора с. Перещепного.....	138
3.7.2. Обрядовая лексика говора с. Краишева.....	143
3.7.3. Обрядовые изделия из теста говора с. Краишева.....	147
3.8. Названия игр и развлечений.....	151
3.9. Термины родства.....	152

ВЫВОДЫ	152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	159
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	164
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	165
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ.....	187

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе изучения диалектной речи, когда интерес к народному слову не только не угасает, но и наоборот, обретает целенаправленность и мотивированность, обращение исследователей к диалектам представляется своевременным и актуальным.

Диалект, являясь некой формой сохранения и передачи этнокультурной информации, точно и полно отражает в себе самобытные черты духовной и материальной культуры, истории народа, выражая обобщенные знания о его прошлом и настоящем в языковом знаке.

Изучение диалектов во многом способствует и изучению национального языка в целом. Говоры хранят и передают веками накопленный опыт, мудрость народа, культуру и традиции. Осознание значимости и важности исследования русских народных говоров как сокровищницы национального своеобразия, создает благоприятные условия для их изучения.

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению истории появления на территории Волгоградской области цокающих мещерских говоров и их развитию в условиях инодиалектного окружения, а также исследованию современного состояния указанных говоров и выявлению особенностей языковых процессов в них на разных уровнях языковой системы.

Актуальность данной работы определяется тем, что островные мещерские говоры Волгоградской области не подвергались комплексному исследованию на всех уровнях языка на современном этапе своего развития. Были проведены отдельные наблюдения над их фонетическими, морфологическими, лексическими особенностями, частично описаны традиционные черты указанных говоров в работах Р.И. Кудряшовой, Е.В. Кузнецовой и Л.М. Орлова. Однако с течением времени под влиянием

окружающих диалектов и литературного языка традиционная система говоров могла претерпеть изменения.

Комплексное исследование современного состояния мещерских диалектов Волгоградской области позволило проанализировать изменения, которые произошли в языковой системе за последние 40 лет, выявить сходство и различие современных систем говоров двух сел. Для более полного описания современного состояния волгоградских цокающих говоров был проведен сопоставительный анализ типичных черт мещерских говоров, характерных как для материнских, так и для дочерних говоров разных ступеней отделения – пензенских и волгоградских. Анализ разноуровневых языковых признаков этих трех групп говоров позволил выявить наличие-отсутствие материнских черт в дочерних волгоградских говорах на современном этапе их развития.

В течение трех лет (2009-2011 гг.) в рамках диалектологических экспедиций в села Перещепное и Краишево Волгоградской области автором собирался материал, положенный в основу диссертационного исследования. Результаты данной работы вносят определенный вклад в изучение мещерских говоров, в развитие русской диалектологии в целом, дополняют и уточняют диалектные данные по Волгоградской области.

Объектом настоящего исследования являются территориально изолированные мещерские говоры Волгоградской области.

В качестве **предмета исследования** выбраны фонетические, грамматические и лексические особенности исследуемых говоров на современном этапе развития.

Цель исследования: выявить современное состояние островных цокающих говоров Волгоградской области, сравнив с исконным мещерским диалектом, определить тенденции их дальнейшего развития.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач исследования:**

1) проанализировать современное состояние фонетических, грамматических и лексических систем говоров сел Перещепного и Краишева с учетом исторических факторов;

2) выявить степень влияния окружающих диалектов и литературного языка на систему территориально изолированных говоров Волгоградской области;

3) путем сравнения установить общие и различные черты говоров сел на разных языковых уровнях и определить основные тенденции их дальнейшего развития.

Гипотеза исследования. Предполагаем, что общие по происхождению говоры с. Перещепного и с. Краишева на современном этапе развития, несмотря на воздействие различных языковых и внеязыковых факторов, сохраняют по большей части исконные типичные черты, но имеют тенденцию к расхождению между собой на всех языковых уровнях.

Материалом исследования послужила авторская картотека, собранная путём интервьюирования носителей говоров в рамках диалектологических экспедиций. В настоящее время проанализировано свыше 1700 контекстов, собранных в экспедициях 2009-2011 гг.

Методологическую основу исследования составили научные работы, которые посвящены изучению говоров русского языка, в частности рязанских, мещерских и волгоградских. В исследовании мы опирались на труды Р.И. Аванесова, Л.И. Баранниковой, Н.Б. Бахилиной, Е. Будде, Н.С. Ганцовской, А.Н. Гвоздева, Р.И. Кудряшовой, Е.В. Кузнецовой, Л.М. Орлова, В.Н. Сидорова и др., касающиеся различных аспектов изучения островных, изолированных и цокающих мещерских говоров.

Основными методами и приемами исследования являются: 1) описательный, предполагающий приемы наблюдения, анализа, интерпретации и классификации исследуемого материала; 2) приемы диалектографии (сбор, обработка и лингвистическая интерпретация

диалектного материала с опорой на исследовательскую интуицию); 3) элементы историко-сравнительного метода, включающего установление внутриязыковых причин наблюдаемых фонетических и морфологических изменений.

Научная новизна данного исследования состоит в том, что в нём впервые произведен комплексный анализ островных говоров с. Перещепного и с. Краишева на современном этапе развития, выявлены изменения, произошедшие в традиционной системе говоров, установлены причины изменений, сопоставлены языковые системы современных говоров двух сел и установлены определяющие тенденции в их развитии.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она вносит вклад в изучение говоров Волгоградской области, а также в изучение территориально изолированных (островных) говоров, в изучение мещерских диалектов, современных процессов, происходящих в них.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его материалов в вузовском курсе русской диалектологии, для самостоятельного изучения в студенческих курсовых и выпускных квалификационных работах, при разработке спецкурсов и спецсеминаров по диалектной лексикологии и региональной лингвистике, в лексикографической практике при составлении диалектных словарей, а также в практике школьного преподавания при проведении факультативов по русскому языку, на занятиях по лингвокраеведению.

Положения, выносимые на защиту:

1) Говоры с. Перещепного и с. Краишева на современном этапе развития сохраняют свои исконные южнорусские черты на всех уровнях языковой системы. В говорах обоих сел достаточно полно представлены также черты, характерные для материнских мещерских говоров – ассимилятивное яканье, цоканье, твердые долгие звуки [ш], [ж], «шепелявое» произношение звуков [с'] и [з'], замена в слове начального звука [о], [а] на

[и], перенос ударения с окончаний глагола на основу; переход [в] в [ў], отпадение начального звука [в] в начале слова у местоимений, особые формы местоимений: *тае, сае*. Лексические особенности говоров двух сел ранее практически не изучались.

2) На современном этапе развития мещерских говоров Волгоградской области были обнаружены черты, ранее не отмечавшиеся исследователями. На фонетическом уровне: произношение на месте мягкого литературного [ш'] сочетания твердых звуков [шч]; смешение [р'] и [р], переход ударного [а] между мягкими согласными в [е]. На грамматическом уровне: переход среднего рода в мужской, особенности образования формы множественного числа у некоторых существительных с конечным ударным [а] на месте литературных [и] или [ы]; употребление особых форм прилагательных с суффиксом *-им*, постпозитивные частицы *-та, -ту*. Лексика говоров двух сёл тематически разнообразна, в основе своей совпадает с лексикой материнских говоров, хотя имеет и уже сформировавшийся фонд «собственных» лексем, отличающихся не только от лексики материнских говоров, но и друг от друга.

3) На современном этапе своего развития перещепновский и краишевский говоры претерпевают изменения на всех языковых уровнях как под влиянием литературного языка и инодиалектного окружения, так и в результате воздействия внеязыковых факторов. Постепенно утрачиваются наиболее яркие черты: чистое цоканье, «шепелявые» звуки [с'] и [з'], переход ударного [а] в [э], реже употребляются традиционные формы местоимений *тае, сае, мя, тя*.

4) Говоры с. Перещепного и с. Краишева на современном этапе развития сохраняют типичные **общие** языковые особенности – переход ударного [а] в [о]; произношение [и] на месте [а] в начале слова; произношение фрикативного [γ], оглушающегося в [х]; переход [в] (и в качестве предлога или приставки, и в середине слова) в [ў], а на месте [в]

начале слова перед согласным обычно является [у]; произношение [j] на месте [ф']; замена звука [ф] на [х], [хв]; переход [к] в [х], исключительно, в словах с корнем – *крест*; долгие твердые шипящие [ш], [ж] на месте литературных мягких, произношение мягкого [т] в окончаниях глагола 3 лица.

Однако на фонетическом и грамматическом уровнях существует ряд черт, различающих говоры. Перещепновский говор сохраняет твердое цоканье, «шепелявые» согласные [с'] и [з'], лексикализованный переход ударного [а] между мягкими согласными в [э] в слове *мец*, формы местоимений: *тае*, *сае*, но утратились энклитические –*мя*, –*тя*. В краишевском говоре редко звучит твердое цоканье, оно заменяется на [ч] твердый, утратились «шепелявые» согласные [с'] и [з'], утрачиваются местоимения: *тае*, *сае*, но сохраняются формы –*мя*, –*тя*. Лексика говором двух сел разная, лишь незначительный процент (7%) рассмотренных лексических единиц является общим для перещепновского и краишевского говором. Это, как правило, широко распространенная лексика, характерная и для других русских говором.

5) Сопоставительный анализ говором двух сел дает возможность предположить, что говор села Перещепного оказывается более устойчивым в плане сохранения материнских признаков, в то время как говор села Краишева утрачивает многие из них и развивает тенденцию к постепенной ассимиляции с окружающими его неостровными южнорусскими говором.

Оценка достоверности результатов исследования

Результаты исследования, проведенного в диссертации, достаточно обоснованы и научно аргументированы; обеспечиваются анализом большого спектра научных источников и корректностью исследовательских методов, методологической обоснованностью исходных позиций, надежностью теоретических положений; единством общенаучных и лингвистических методов исследования, адекватных объекту, цели, задачам и логике исследования.

Апробация и внедрение результатов исследования: Результаты исследования островных мещерских говоров к настоящему времени отражены в 15 публикациях, в том числе 3 из списка журналов, рекомендованного ВАК РФ, которые вышли в Архангельске, Брянске, Донецке, Волгограде, Воронеже, Москве, Ярославле.

Основные положения исследования прошли проверку в виде докладов и сообщений на ежегодных внутривузовских, региональных конференциях молодых ученых: «XVII региональной конференции молодых исследователей Волгоградской области» (Волгоград, 2012г.), «Кирилло-Мефодиевские чтения» (Волгоград, 2017г.), на II межрегиональной конференции молодых исследователей «Богословие и наука» ЦПУ (Волгоград, 2014 г.), на Волгоградских областных краеведческих чтениях (Волгоград, 2011, 2012, 2014, 2017, 2018 гг.), на Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIII Кирилло-Мефодиевские чтения» (Москва, 2012г.), II Международной заочной научной конференции «Русское слово в контексте этнокультуры XX-XI вв.» (Белгород, 2012 г.), на Международной конференции Донецкого университета в режиме онлайн (Донецк, Волгоград, 2017г.), XXXIV Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 2018» (Санкт-Петербург, 2018 г.), на различного рода выступлениях и встречах: выступление в библиотеке им. В. М. Шукшина на мероприятии, посвященном Неделе русского языка, встречи со студентами и преподавателями в читальном зале библиотеки Арчединского лесного колледжа Фроловского района Волгоградской области.

Структура работы: работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, лексикографических источников, списка условных сокращений.

ГЛАВА I. ГОВОРЫ ИЗОЛИРОВАННОГО ТИПА

1.1. Территориальная изоляция говоров (исследование мещерских говоров)

Территориальные говоры – разновидность языка, которая характеризуется ограниченностью употребления на определенной территории.

Изолированные говоры занимают особое место на территории распространения русского языка. Они бытуют как в ареале исконного поселения восточных славян (центр России, где жили русские люди до конца XVI в.) в окружении однородных диалектов, так и на территории позднего заселения (в местах расселения русских после XVI в.) среди говоров неоднородных переселенческих, вторичного образования. К их числу относятся, например, акающие говоры «чухломского острова» в Костромской группе северного наречия, Онежская группа межзональных говоров северного наречия и недостаточно изученные островные диалекты территорий позднего заселения [Кудряшова, 1998, с. 3].

Территория распространения изолированных говоров может быть различной. Они могут занимать как большую площадь, так и незначительную. Окружение изолированных говоров может состоять из гомогенных диалектов либо соседствовать с гетерогенными говорами. Это все и определяет дальнейшую судьбу изолированных говоров.

В своей работе «Лексика говоров Костромского акающего острова: проблемы типологии» Н.С. Ганцовская дает такую классификацию типов языковых островов с дальнейшей судьбой их развития:

- острова, отделенные от основной области своего распространения политической границей, окруженные иноязычным большинством, например, немецкое поселение на Неве и в Поволжье (А.И. Домашнев, В.М.

Жирмунский). Их дальнейшая судьба – перекрытие языка острова языком окружающего большинства;

- острова в условиях близкородственного соседства, такие говоры, как русский говор с. Пилипы-Боровские на Украине, русский говор³⁶ русских сел на Одесщине и т.п. Такие острова, если они достаточно велики и крепко культурно организованы, могут долго сохранять свою языковую автономию.

- говоры территорий позднего заселения (саратовское Заволжье, донские и заволжские говоры Нижнего Поволжья, старожильческие говоры Сибири, Алтая, говоры среднего Приобья, русские диалекты в окружении аборигенных языков северо-восточной Сибири и др. Говоры позднего заселения в большей или меньшей степени сохраняют свои основные черты на протяжении длительного времени [Ганцовская, 2007, с. 9].

К последнему типу классификации Н.С.Ганцовской относятся волжские островные цокающие говоры Волгоградской области.

В работе «Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа» Р.И. Кудряшова говорит о социальной изоляции донских говоров и территориальной изоляции волжских островных говоров.

Социальная изоляция донских говоров обусловлена тем, что носители диалекта, казаки, имели независимый дух, осознание особого положения, чувство превосходства над другими. Из-за своеобразного обособленного образа жизни, практически исключалось воздействие других диалектных систем, т.к. они просто отторгались носителями донских говоров. Таким образом, социально-историческая изоляция донского казачества, чувство социальной исключительности повлекли за собой языковую изоляцию [Кудряшова, 1998, с. 5].

Волжские диалекты активно взаимодействуют с соседними говорами, вследствие чего их языковые особенности весьма изменчивы. Но среди волжских диалектов Волгоградской области существуют и территориально изолированные, островные говоры, которые находим в двух крупных селах:

Перещепное Котовского района и Краишево Еланского района. В прошлом эти села относились к Саратовской губернии Камышинскому и Аткарскому уездам.

В течение двух веков данные говоры окружены разнотипными как среднерусскими, так и южнорусскими говорами и должны были бы претерпеть значительные изменения, находясь под влиянием соседних диалектов, однако, до сегодняшнего дня сохраняют свои яркие языковые особенности, например, цоканье. Это можно объяснить тем, что с.Перещепное и с.Краишево территориально удалены друг от друга и от других населенных пунктов, особенно это касается с.Перещепного. Жители указанных сел вели обособленный образ жизни и старались не контактировать с жителями других населенных пунктов, осознавая свое языковое отличие. Таким образом, фактор стеснения, сокрытие своей речи от других, а также территориальная удаленность повлекли за собой языковую изоляцию.

Впервые говоры сел Перещепное и Краишево были обследованы Л.М. Орловым в 50-е годы XX в., повторное исследование говоров, уточнение и дополнение некоторых данных было осуществлено Р.И. Кудряшовой в 1980г. [Орлов, 1984; Кудряшова, 1997]. В течение последующих 30 лет комплексного обследования состояния волгоградских цокающих говоров не осуществлялось.

В 2009 – 2011 гг. в рамках диалектологических экспедиций преподавателями и студентами филологического факультета Волгоградского государственного социально-педагогического университета проводилось обследование говоров указанных сел.

Села Перещепное и Краишево располагаются на территории более чем 100 км друг от друга, находятся в разных районах Волгоградской области, имеют разное диалектное окружение, которое влияет на системы говоров, хотя и в меньшей степени, чем литературный язык. Данные населенные

пункты сильно отличаются как по степени развитости инфраструктуры, так и по количеству и составу населения, что в той или иной мере оказывает влияние на состояние диалектных черт в современном говоре. В данном случае к рассматриваемым говорам применимо понятие «диалектный остров» [Кузнецова, 2010, с. 209].

Диалектный остров может иметь территориальную удаленность между своими частями, находиться в инодиалектном окружении, не смотря на это, он сохраняется как диалектное единство. При том условии, что части диалектного острова имеют языковые, культурные и психосоциальные схожие черты. Диалектный остров, находящийся в окружении гетерогенных диалектов, претерпевает процессы сближения, а иногда и полного растворения в наречии материка, но, как правило, специфические особенности диалектного острова тормозят этот процесс.

Цокающие перещепновский и краишевский говоры образуют диалектный остров на территории Волгоградской области. Жители с. Перещепного и с. Краишева не знают друг о друге, о своем языковом сходстве. Кроме того, рассматриваемые островные цокающие говоры, сохраняют в инодиалектном окружении свои основные языковые черты. Сохранилось не только твердое цоканье, но и многие грамматические особенности, и некоторые особенности лексики. Если брать во внимание психологический фактор [Кудряшова, 1998], то мы учитываем следующее: местные жители стесняются такой яркой фонетической особенностью своей речи (твердого цоканья), и стараются не контактировать с жителями других населенных пунктов. Известно, из рассказов жителей с. Перещепного, что в давние времена женились и выходили замуж только за «своих», т.е. браки заключались между жителями внутри села.

Мы предполагаем, что в сохранении до сегодняшнего дня яркой, исконной для мещерских говоров фонетической черты: твердого цоканья, а также основных диалектных особенностей, поспособствовал не только

фактор территориальной изоляции, но и психологический фактор: фактор стеснения, сокрытия своей речи от других.

Данные говоры (перещепновский и краишевский) по своему происхождению восходят к говорам рязанской Мещеры, следовательно, являются мещерскими. Известны и другие мещерские диалекты, например: говор с. Мелехова Чучковского района, с. Кидусово и д. Нагорной Спасского района Рязанской области, касимовские говоры Рязанской области, говор с. Ушинки Пензенской области, которые на протяжении нескольких веков сохраняют свои исконные языковые особенности, находясь под воздействием как литературного языка, так и других диалектов. То есть являются говорами изолированного типа.

В работе В.Н. Сидорова находим понятие «диалектный остров», применительно к цокающим мещерским говорам. Цокающие говоры Рязанской, Московской и Ивановской областей образуют обособленный диалектный остров, окруженный нецокающими говорами. Это дает основание выделить рассматриваемую цокающую группу в качестве отдельной диалектной единицы и распространить на всю эту группу название мещерских говоров [Сидоров, 1949, с. 132]. В.Н. Сидоров подробно описал мещерский говор с. Мелехова Рязанской области, который в результате территориальной обособленности сохраняет целый ряд архаизмов в материальной и духовной культуре [Сидоров, 1949, с. 94].

Таким образом, рассматриваемые говоры, к которым применимо понятие диалектный остров сохраняют на протяжении длительного времени свои типичные языковые черты.

Как говорилось выше, перещепновский и краишевский говоры имеют непосредственное отношение к говору рязанской Мещеры. Говор рязанской Мещеры является материнским как для пензенских дочерних первого уровня (далее дочерних) мещерских говоров, так и для волгоградских мещерских дочерних говоров второго уровня (далее дочерних) говоров.

Работы Р.И. Аванесова, Н.Б. Бахилиной, Е.Будде, В.Т. Ванюшечкина, А.Н. Гвоздева, Р.И. Кудряшовой, Л.М. Орлова, В.Н. Сидорова и др., дают описание мещерских говоров, их фонетическим, морфологическим, лексическим особенностям, а также указывают на ареалы распространения.

История Мещеры чрезвычайно интересна. По свидетельству русских историков и диалектологов, на этой территории в XI-XII вв. жило древнейшее финское племя, которое было ассимилировано древними руссами (потомками вятичей), колонизировавшими Мещерский край. Впоследствии здесь образовался особый южнорусский диалект, обрусевшие финны полностью усвоили славяно-русскую языковую систему. Однако в структуре мещерского диалекта утвердились отдельные угро-финские фонетические черты [Кудряшова, 1998, с. 29].

Расселение финно-угорских племен, принадлежавших к уральской языковой семье, на обширнейшей территории и взаимодействие их с различными племенами иных языковых семей привело к дифференциации финно-угров. От прафинского языка отделилась восточная ветвь финно-угров, которая легла в основу угорских языков и племен, затем пермская группировка (прикамско-финские племена), позднее дифференцировались еще две группировки – прибалтийско-финская и поволжско - финская (к которой и относится интересующее нас племя мещера, жившее в северной части среднего Поочья) [Финно-угры и балты в эпоху Средневековья, 1987, с. 67].

Мещера – поволжско-финское племя, заселявшее междуречья Клязьмы, Москвы и Средней Оки (Мещерскую низменность). Язык мещеры не сохранился, население к началу II тысячелетия н.э. полностью было славянизировано [Финно-угры и балты в эпоху Средневековья, 1987, с. 92].

Археологические памятники мещеры впервые выявлены в XIX в. близ бывшего Егорьевского уезда Рязанской губернии. В начале XX в. во владимирской мещере были найдены аналогичные находки, которые такие

ученые как А.А. Спицын, П.П. Ефименко, отнесли к культуре мещерских могильников. В той же части Мещерской низменности, которая входит в пределы Московской области, также найдены характерные для мещерских племен вещи. Другими учеными-археологами были найдены элементы мещеры в могильниках Касимовского уезда Рязанской губернии. Однако ученые-археологи указывают на то, что границы распространения культуры мещеры при малом числе известных памятников определить трудно [Финно-угры и балты в эпоху Средневековья, 1987, с. 92].

Мещерская низменность, на которой в прошлом селились мещерские племена, охватывает ареал трех областей: Московскую, Владимирскую и Рязанскую. Следовательно, на данной территории хранятся не только остатки материальной культуры финского племени, но и духовной, а именно языковой культуры в говорах народа, потомки которого в далекие времена ассимилировали мещерское племя. Переселенцы с территории Мещерского края распространили мещерские говоры на территории Тамбовской, Пензенской, Волгоградской и других областей.

По материалам исследования ученого-лингвиста В.Н. Сидорова, в XX в. к территории, именовавшейся «мещера», относились лишь селения северной, заокской части Рязанской области, а также её селения по правобережью Оки на территории Касимовского уезда [Сидоров, 1949, с. 132].

Р.И. Аванесов указывает на то, что территория рязанской мещеры находится на лесных и болотистых пространствах левобережья Оки и ее притоков, где в довольно поздние времена рязанцы (потомки вятичей) ассимилировали финское племя мещеру [Аванесов, 1940, с. 229].

Видим некоторое разногласие в территориальном распространении говоров рязанской мещеры среди исследователей-лингвистов.

В языковом аспекте говоры, которые обычно называют мещерскими, не представляют однородной группы. Общим для всех них является только цоканье [Сидоров, 1949, с. 132]. Однако, по словам ученого, границы

распространения цоканья расширяются, и название мещерских говоров распространяется далее. Оно охватывает примыкающие к территории рязанской мещеры северо-восточные районы Московской области и южные районы Ивановской. Тем самым, образуя обособленный диалектный остров русских говоров (Рязанской, Московской, Ивановской областей), географически расположенный на территории Мещерской низменности, окруженный некокающими говорами [Сидоров, 1949, с. 132].

Из всего вышесказанного видно, что ареал бытования мещерских диалектов достаточно широк. Целостного исследования, которое рассматривало бы мещерский говор как систему, с характерными для нее языковыми особенностями, указывающего также ареал распространения, не существует. Учеными Р.И. Аванесовым, Н.Б. Бахилиной, А.Н. Гвоздевым и др. были проанализированы наиболее яркие типичные черты, характерные для мещерских говоров Пензенской области и говоров рязанской Мещеры.

1.2. Мещерские говоры Рязанской области: языковые особенности

Волгоградские переселенческие мещерские говоры (перешепновский и краишевский) практически не исследованы на современном этапе. Для более или менее полного описания современного состояния этих говоров, оказывается необходимым рассмотреть типичные черты мещерских говоров, характерные как для материнских мещерских, так и для дочерних говоров разных ступеней отделения – пензенских и волгоградских.

Поскольку наша цель – выявить современное состояние волгоградских дочерних мещерских говоров, сравнив их черты с чертами материнских говоров, нам необходимо, проанализировав данные, изложенные в трудах известных исследователей, соединить эти данные воедино, сравнить,

сопоставить и выявить базовые черты, свойственные всем (или большинству) мещерских говоров. Только так можно установить, сохраняют ли современные волгоградские говоры сел Перещепное и Краишево черты материнских говоров, какие черты утрачены, что появилось нового, чего не было зафиксировано в материнских мещерских говорах. Решению этих вопросов и посвящен данный параграф. Рассмотрим языковые особенности, характерные для мещерских говоров Рязанской области.

В работах В.Г. Орловой и И.А. Оссовецкого отмечается неоднородность говоров Рязанской области и говорится о разделении говоров на западную и восточную части. В западной части говоров распространены преимущественно черты южновеликорусских по происхождению говоров – аканье, ассимилятивно-диссимилятивное яканье, [г] фрикативный, [т] мягкий или формы без т в глаголах, формы местоимений: *мене, тебе, себе*, некоторые особенности южновеликорусской лексики. В восточной части Рязанской области распространены говоры с чертами северновеликорусского происхождения: [г] взрывной, [т] твердый в глаголах, утрата интервокального [j] и стяжение гласных, формы местоимений *меня, тебя, себя* [Бахилина, 1957, с. 276].

Мещерские говоры встречаются как в восточной, так и на западной части Рязанской области. Следовательно, языковые особенности не идентичны.

По словам В.Н. Сидорова, говоры, которые обычно называют мещерскими, не представляют однородности в языковом отношении. Общим диалектным признаком для всех них является цоканье как явление, образовавшееся на почве взаимодействия фонетической системы языка финских племен и фонетической системы языка русских племен, колонизовавших Мещерский край и ассимилировавших его финское население, летописную мещеру [Сидоров, 1949, с. 133].

Волгоградские говоры, исследуемые нами, так называемые перещепновский и краишевский – мещерские южнорусские говоры, в которых главная отличительная черта – твердое цоканье.

Н.Н. Дурново во «Введении в историю русского языка» указывает, что довольно значительная часть говоров на юго-западе средневеликорусской территории и небольшая часть говоров лесной части Рязанской, Тамбовской и Пензенской губерний, так называемых «мещерских», имеет [t'] в 3-м лице глаголов, а говоры мещерские также и фрикативный [ɣ]: на северновеликорусскую основу этих говоров указывает цоканье и некоторые другие северновеликорусские черты [Дурново, 1969, с. 169]. Следовательно, Дурново указывает, что мещерские говоры по своей основе севернорусские. Еще ранее, в 1896 году, о северновеликорусской основе касимовского говора, относящегося к мещерским, говорил Е.Будде в своей работе «К истории великорусских говоров» [Будде, 1896].

Р.И. Аванесов, критикуя вывод Дурново, опровергает мнение ученого о том, что мещерские говоры, имеющие преобладающее количество южнорусских черт, относятся к среднерусским говорам с северновеликорусской основой.

То обстоятельство, что цоканье характеризует значительную часть северно-великорусских говоров, – историческая «случайность», а не необходимая черта структуры: оно объясняется давним тесным взаимодействием северно-русских говоров с финскими языками. Однако известны северно-великорусские говоры, не знающие цоканья. С другой стороны, можно себе представить южно-великорусские говоры, приобретшие цоканье независимо от цоканья северно-великорусского. Таким именно представляется мне цоканье южно-великорусских говоров рязанской мещеры [Аванесов, 1940, с. 229].

Следовательно, цоканье в мещерских говорах, по словам Р.И. Аванесова, не северная черта, а фонетическая особенность, которую унаследовали говоры от финно-угорского языка-основы.

Цоканье мещерских говоров – местное явление, никак не связанное с цоканьем других русских говоров. Цоканье – наследство древней мещеры. Данное явление образовалось на почве взаимодействия фонетической системы языка исчезнувших дославянских насельников края, принадлежавших одному из финских племен, и фонетической системы языка русских племен, колонизировавших Мещерский край и ассимилировавших его финское население, летописную мещеру [Сидоров, 1949, с. 133]. Данная точка зрения представляется нам наиболее убедительной, и в своем исследовании мы будем исходить из данного положения, учитывая тот факт, что в волгоградских переселенческих говорах сел Краишево и Перещепное цоканье сохраняется и на современном этапе как базовый признак мещерских говоров.

Еще одной общей чертой мещерских говоров, обнаруженной нами при сравнительном анализе материала, как в материнских, так и в дочерних говорах является ассимилятивное яканье.

Среди говоров рязанской мещеры известно яканье и ассимилятивно-диссимилятивное и ассимилятивно-умеренное. Это свидетельствует о том, что в прошлом они отличались друг от друга диссимилятивным или умеренным яканьем, но в дальнейшем пережили общий процесс ассимилятивности, который и создал существующие в них сейчас разновидности яканья [Аванесов, 1940, с. 224].

Ассимилятивное яканье второго типа (гласный [а] произносится перед твердыми согласными; перед мягкими, когда в ударяемом слоге находится [а]; при иных ударяемых гласных перед мягкими согласными произносится [и]) известно восточным говорам среднерусской группы. Сюда же относятся и говоры рязанской Мещеры. Ассимилятивное яканье второго типа было

отмечено А.Н.Гвоздевым в среднерусских говорах Пензенской области, в говорах Керенского уезда [Сидоров, 1949]. Поскольку нам известно, что жители мещерских селений Пензенской области пришли с территории рязанской мещеры, следовательно, ассимилятивное яканье принесено из мещерских рязанских говоров. Это подтверждается материалом исследования В.Н. Сидорова.

По словам ученого, такое яканье действительно найдено в рязанских говорах. Один из говоров с ассимилятивным яканьем второго типа – это говор д. Степанова Гиблицкой волости Касимовского уезда. Другой мещерский говор с данным типом яканья – это говор с. Мелехова Чучковского района Рязанской области [Сидоров, 1949, с. 130].

Ученый считает, что пензенский говор с. Ушинки и говор с. Мелехова – это разновидность одного и того же типа говоров. Он выделяет ряд общих языковых черт:

- ассимилятивное яканье, при котором гласный [а] произносится перед твердыми согласными и перед мягкими, когда в ударяемом слоге находится [а]: *сяло, сляпой, вялят, дсятый*; при иных ударяемых гласных перед мягкими согласными произносится [и]: *бирёт, систре*;

- произношение в начале слова [и] на месте [о]: *ибадрал, ибдадут, идяло*;

- цоканье с твердым [ц]: *пец, цалнок*;

- «шепелявое» произношение мягкого [с̣]: *носуут, нябоси нї прасшекла*;

- твердые долгие шипящие [ш] и [ж]: *гушша, вѣшшы*;

- отсутствие фонемы [ф], замена ее на [х]: *хунт, ханарь*;

- сохранение мягкости губных согласных на конце слова: *семь, восемь*;

- мягкий [т] в окончаниях 3-го лица единственного и множественного числа глаголов: *стаить, маготь, завуть*;

- перенос ударения у глаголов 1 л. с окончания на основу: *кУню, хОдю*;
- форма родительного и винительного падежа личных и возвратных местоимений на [а]: *м'inya, т'ибя, с'ибя*;

Некоторыми чертами отличается говор с. Ушинки от говора с. Мелехова:

- редукция гласных, в том числе и [y]: *замаш, с кышаком*;
- произношением [γ];
- замена [в] на [ў] в окончаниях родительного падежа множественного числа существительных.

Две последние языковые особенности (произношение [γ] и замена [в] на [ў] в окончаниях родительного падежа множественного числа существительных) встречаются в других говорах рязанской мещеры [Сидоров, 1949, с. 131].

Результаты сопоставительного анализа, приведенные в работе В.Н. Сидорова, показывают, что говор с. Мелехова Рязанской области и говор с. Ушинки Пензенской области имеют много общих языковых черт. Это обусловлено тем, что мещерские говоры Пензенской области – переселенческие с территории рязанской Мещеры, следовательно, говор с. Ушинки сохраняет типичные материнские черты, характерные одному из говоров рязанской Мещеры: говору с. Мелехова Рязанской области.

Далее обратимся непосредственно к говорам рязанской мещеры, сопоставим яркие языковые особенности, представленные в работах Р.И. Аванесова «Очерки диалектологии рязанской мещеры» (1940 г.), В.Т. Ванюшечкина «Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры» (1983 г.) и Е. Будде «К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии» (1896 г.), В.Н. Сидорова «Наблюдение над одним из говоров рязанской мещеры (1949 г.)». С помощью сопоставительного анализа

языковых черт, выделим общие особенности, которые назовем типичными для материнских говоров рязанской Мещеры.

В работе Р.И. Аванесова представлены языковые особенности другого мещерского говора с. Кидусово и д. Нагорной Спасского района Рязанской области. Данные населенные пункты находятся на западной части рязанской Мещеры. Р.И. Аванесов утверждает, что говор с. Кидусова и д. Нагорной можно считать типичным для целого района, так как говоры близлежащих населенных пунктов почти тождественны и имеют незначительные отличия. Автор указывает на изоляцию говоров, так как несмотря на развитое отходничество, близость к Рязани и Москве, говор с. Кидусово и д. Нагорной сохраняет яркие основные черты.

Р.И. Аванесов выделяет яркие языковые особенности говоров:

- непереход [э] в [о]: *принёс, лён, церёмыха*;
- в ударной позиции [а] между мягкими согласными может переходить в [э]: *пётёра, урёсь*;
- ассимилятивно-диссимилятивное яканье: *нясу, сяло, литела*;
- произношение [γ];
- переход [о] в [и] в абсолютном начале слова;
- цоканье;
- замена [ф] на [х, хв];
- долгие твердые шипящие [ш] и [ж];
- переход [ц] перед звонкими согласными в [дз]: *атёдз, ба, прішол*;
- переход [в] в [ў];
- утрата начального [в]: *се спахали*;
- переход [в] в [у]: *унук, удава*;
- употребление как твердого, так и мягкого [р]: *зёркала, верка*;
- смягчение [к] после мягких согласных и j: *данкя, в банкю*;
- перенос ударения на основу у глаголов 1 л.: кУрю, скАжу;

- глаголы 3-го лица единственного и множественного числа оканчиваются на [т];

- существительные среднего рода переходят в женский;

- прилагательные на -уя и -аю: *такуя, плахуя*;

- личные и возвратное местоимения родительного и винительного падежей оканчиваются на -е: *мене, тебе, себе(сйбе), сае* и др.

Из исследования Р.И. Аванесова видно, что мещерские рязанские говоры с. Кидусово и д. Нагорная отличаются от мещерского говора с. Мелехова той же Рязанской области. Хотя и имеют общие черты: произношение в начале слова [и] на месте [о]; цоканье; замена [ф] на [х, хв]; долгие твердые шипящие [ш] и [ж]; мягкий [т] в окончаниях 3-го лица единственного и множественного числа глаголов [Аванесов, 1940, с. 155]. По-видимому, лишь цоканье можно назвать типичной чертой, объединяющей мещерские говоры, остальные, в преобладающем количестве, – общие южнорусские черты, которые подтверждают тип говоров рязанской мещеры.

Рассмотрим еще один тип говоров рязанской Мещеры, так называемые куршинские говоры, описанные В.Т. Ванюшечкиным во вступительной статье к Словарю русских народных говоров рязанской Мещеры. В данной работе материалом исследования послужили 12 населенных пунктов: села Малахово, Ветчаны и деревни Андроново, Борисково, Иванково, Сергеево, Култуки, Акулово, Дмитриево, Колесниково, Немятово, Норино, находящихся близ реки Курша Спас-Клепиковского района Рязанской области. Дополнительным материалом послужила лексика других мещерских сел и деревень: деревни Вырково, Кочемары, Четаево Касимовского района и село Барснево Клепиковского района [Ванюшечкин, 1983, с. 5]. Не смотря на то, что основной материал исследования В.Т. Ванюшечкина составляет лексика мещерских говоров, он кратко обозначил и фонетико-морфологические особенности куршинских говоров. Обозначим

выделенные ученым черты мещерских куршинских говоров и сопоставим их с чертами других мещерских говоров.

- ударные гласные -а(я) в положении между мягкими согласными переходят в –е(э): *взѣли* (взяли), *прѣли* (пряли), *сѣдит* (сядет);

- добавочный звук [а] в начале слова: *абадья* (бадья), *амакать* (макать), *ахоццы* (хочется);

- типы яканья в говорах различны: ассимилятивное яканье в д. Колесниково: *взяла*, *сястра*, *съяная*; в д. Култуки отмечено яканье ассимилятивно-диссимилятивное Кидусовского подтипа (гласные неверхнего подъема после мягких согласных выступают в своем варианте [а], если под ударением гласные [у, и, ы, о, а], если под ударением [э, о], то в предударном слоге выступает [и]: *сястру*, *лясок*, *к рѣкѣ*, *вѣлѣл*. На остальной территории преобладает яканье ассимилятивно-умеренное: *цвяты разводям*, *у рябова стырѣика спраси*, *на бяду прийехал*.

- редукция гласных в соседстве с плавными в безударном положении, часто гласный полностью исчезает: *прасѣнак*, *вѣртяно*, *пѣрнасить*;

- начальный [и] на месте [о]: *иднава*, *иддахнут*, *итварѣласъ*;

- цоканье: *цудок*, *палуцу*, *буцка*; иногда слышится аффриката [цч];

- [г] взрывной;

- в формах местоимений родительного падежа [в], как правило, выпадает: *сао*, *цао*, *со*;

- произношение переднеязычных согласных с фрикативным свистящим и шипящим элементом: *зжимой*, *сѣшем*, *тѣагло*, *тѣсѣха*;

- долгие шипящие [ж], [ш] являются твердыми: *вожжы*, *тѣшша*, *пушшу*;

- сочетание [ст] переходит в [ш, шт]: *шаштой*, *шашнаццать*, *шашток*;

- переход [ф] в [х, хв];

- звук [в] перед глухими звучит как [х], перед звонкими [γ]: *лахка*, *хторѣник*, *дѣхка*;

- переход [к] в [х]: *хрѡст, трахтар, хто*;

- смягчение [к]: *толѣи, сколѣи, Колѣа*;

- мягкие сонорные: *агурѣы, сѣнѣо, вѣнѣо*;

- существительные женского рода ед.ч. на –а имеют окончание –е в родительном падеже: *у даске, у снахе, у сястре*; сущ. 3 скл. ед.ч в дательном и предложном падеже имеют окончание –е: *х ѣще, ны лышыде*; род.падеж сущ. муж .р и ср.р, а иногда и женского оканчиваются на –ов, -ох: *трубов, гадох, старѣкох*; творительном падеже сущ. женского рода множ.ч на –и имеют окончание –ими: *са сноѣими, зывалѣли бумаѣми*;

- множ.ч. от кратких прилагательных рад, богат, сыт, молод образуется с помощью –и: *радѣи, багатѣи, сытѣи, молодѣи*;

- смешение родов имени существительного.

По замечанию В.Т. Ванюшечкина, яркие черты, общие для куршинских говоров: аканье, [г] взрывной, ассимилятивно-умеренное яканье, цоканье, твердый [т] в окончании глаголов 3 лица – черты средневеликорусских говоров. Но существенный ряд признаков не является общим для всех куршинских говоров, следовательно, говор распадается на обособленные микродиалекты [Ванюшечкин, 1983, с. 20].

Обратимся к исследованию 1896 года говоров левобережья Оки Рязанской губернии, чтобы выделить исконные черты говоров, относящихся к территории рязанской Мещеры и проследить изменения, происходящие на протяжении многих лет в рязанских говорах мещерской принадлежности, в том числе и в говорах сел Перещепное и Краишево Волгоградской области. Е.Будде в работе «К истории великорусских говоров» рассматривает говоры Касимовского и Спасского уезда заокской стороны северо-восточной части Рязанской губернии. Эта территория входит в состав так называемой Мещерской стороны. Следовательно, говоры Касимовского уезда и части Спасского уезда являются мещерскими.

Е.Будде не называет касимовский говор мешчерским. Он указывает на заметное отличие данного говора на левой стороне Оки от остальных говоров Рязанской губернии, находящихся на правой стороне и рассмотренных им говоров южной стороны Рязанской губернии. «Касимовский край – древнее поселение. Касимовский говор хранит архаические черты лесных жителей, а не занесенных говоров. Это остатки типичных особенностей, свойственных говору, когда-то сильного и многочисленного, но дикого народа» [Будде, 1896, с. 153]. Кроме того, Е. Будде говорит о схожести касимовского говора и вятского, указывает на северо-великорусскую основу касимовского говора, несмотря на характерные южнорусские черты. Так как рассмотренные говоры Касимовского и Спасского уездов Рязанской губернии ученый рассматривает как исконный тип говора древнейшего племени, предположительно вятичей, проживавшего на этой территории. Он приводит доказательства схожести рассматриваемых им говоров с вятским говором и опровергает мысль о принесенных из других говоров (например, новгородского) языковых черт. Единственными, по его словам, принесенными из окружающих южных говоров Рязанской области, являются особенности – аканье, яканье и [γ]. Предполагает, что рассматриваемый им касимовский говор имеет северо-великорусскую основу и аканье развилось из оканья, и исконным является [г] взрывной. Будде называет наследственными, присущие туземным говорам в древнейшем их состоянии следующие черты: долгие гласные, дифтонги, средние звуки [ч] и [ц], небнозубные (переднезубные, шипящие и свистящие) звуки [дз, дж, тс, тш], мягкие согласные перед суффиксом –ск (-ьск), звук [ў], [г] взрывной. Говор относит к умеренно-акающему шепелявого типа со звуком [ў̣]. По словам ученого, γ, как и аканье, это влияние окружающих говоров [Будде, 1896, с. 176]. Выделим языковые особенности, характерные для касимовского говора:

- дифтонги уо, уа;
- дифтонгические сочетания ie;

- долгие гласные;
- аканье, яканье, иканье;
- звук [e] под ударением на месте литературного [o];
- добавочный звук [a] в начале слова;
- выпадение гласного;
- [т] мягкий в окончаниях глагола 3 лица ед.ч и мн.ч, преобладает и [т] твердый в глаголах 3 лица или вовсе без окончания;
- [γ] и [г] взрывной;
- [в] переходит в [ў], который местами слышится и вместо [л];
- цоканье и чёканье, и так называемые средние звуки, твердый звук [ч], который звучит как [тш];
- шепелявые согласные: [с'] с оттенком [ш], [з'] с оттенком [ж];
- твердые долгие [ш] и [ж];
- замена [в] на [j];
- ассимиляция звуков [шься] у глаголов переходит в [шша] или [сся(сси)];
- мягкий звук [к];
- мягкий звук [р] на месте твердого и наоборот;
- замена [ф] на [х, хв];
- замена [к] на [х];
- отпадение звука [в]: *си, сякая, се*, выпадение звука: *цао, яо*;
- глагольные формы 1 лица ед.ч с губным звуком основы без смягчающего звука [л] из [j] после губного: *тОтю, устУтю*;
- перенос ударения с окончания на основу у глаголов 1 лица ед.ч.;
- формы местоимений: *ми, ти, си, мя, тя, ся, тае*;
- постпозитивные частицы-та, -ту, -ти [Будде, 1896, с. 377].

Из полученных данных видно, что рассмотренные рязанские говоры мещерской принадлежности не являются однородными, но имеют большое

количество общих ярких языковых черт, которые сохраняются на протяжении долгого времени. Выделенные в 1896 г. ученым Е. Будде особенности говоров Касимовского уезда и части говора Спасского уезда встречаются в говоре с. Кидусова и д. Нагорной Спасского района, рассмотренных Аванесовым в 1940 г., в куршинских говорах, описанных Ванюшечкиным в 1983 г., в говоре с. Мелехова Касимовского района, описанного Сидоровым в 1949 г. Черты будут указаны нами ниже.

Таким образом, рязанские говоры, которые относятся к мещерским (по территориальным и языковым признакам), не являются полностью идентичными по своим языковым особенностям, но имеют общие яркие типичные черты, которые сохраняются на протяжении веков.

Выделим общие особенности, полученные в результате сопоставительного анализа, характерные для всех говоров рязанской Мещеры:

- ассимилятивное яканье;
- замена начального [о] на [и];
- цоканье;
- выпадение звука [в] в середине слова и отпадение его в начале;
- шепелявое произношение свистящих и шипящих [с'], [з'];
- долгие твердые шипящие [ш] и [ж];
- переход [ф] в [х, хв], [к] в [х];
- смешение твердых и мягких [р'] и [р];
- переход сущ. среднего рода в женский;
- особые формы местоимений;
- перенос ударения у глаголов 1 л. ед.ч. на основу;
- замена [в] на [ў] или [j].

Данное сопоставление указывает на изолированность в языковом плане мещерских говоров, которые на протяжении многих веков сохраняют

типичные языковые особенности. Это проявляется в том, что, находясь в окружении гетерогенных говоров, они сохраняют яркие языковые черты, например, твердое цоканье, указывающее на их фино-угорское происхождение.

В данном исследовании проводится анализ языковых черт, которые были выявлены учеными в 19 – 20 вв., характерных для материнских говоров рязанской Мещеры. Во-первых, это обусловлено тем, что мещерские говоры недостаточно изучены и представленные работы являются практически исчерпывающей информацией о рязанских мещерских говорах. Во-вторых, чем старше исследование, тем больше вероятность выделить исконные черты, проследить историю развития языка и культуры носителей мещерского говора.

Таким образом, выявленные черты, характерные для рязанских мещерских говоров, будем рассматривать как типичные материнские особенности.

В следующем параграфе будут рассмотрены языковые черты, характерные для мещерских говоров Пензенской области, т.к. перещепновский и краишевский говоры – переселенческие с территории Пензенской области, а мещерские пензенские говоры – с территории рязанской Мещеры. Следовательно, мещерские пензенские говоры также являются материнскими по отношению к волгоградским мещерским диалектам.

Данное исследование языковых особенностей мещерских говоров Пензенской области позволит проследить изменения в их языковой системе, а также рассмотреть типичные черты, характерные для материнских говоров рязанской Мещеры. Такое последовательное и подробное изучение материнских говоров-основы поможет нам сделать точные и правильные выводы о современном состоянии волгоградских дочерних мещерских

говорах, позволит выявить исконные черты и проследить процессы, происходящие в их языковой системе.

1.3. Мещерские говоры Пензенской области: языковые особенности

В данном параграфе в сопоставительном анализе будут рассмотрены типичные черты мещерских дочерних первой ступени говоров Пензенской области (Салтыковский район: Кириллово, Красная Дубрава, Сядемка; Заметчинский район: Вяземка, Ушинка, Большая и Малая Ижмора; Башмаковский район: Знаменское, Куземкино, Троицкое, Кандиевка, Колесовка) [Бахилина, 1957].

Материал исследования мещерских говоров Пензенской области представлен в работах А.Н. Гвоздева «Описание говора села Ушинки Спасского (б. Керенского) уезда Пензенской губернии», 1927 г., «Типы великорусских говоров Пензенской губернии», 1925 г. и Н.Б. Бахилиной «Мещерские говоры на территории Пензенской области», 1957 г.

В работе А.Н. Гвоздева 1927 г «Описание говора с. Ушинки Спасского (б. Керенского) уезда Пензенской губернии» отмечены следующие фонетические черты, присущие говору:

- ассимилятивно-умеренное яканье или ассимилятивное яканье 2-го типа (по Дурново);
- редукция гласных, в том числе и [y] (*замаш, с кышаком*);
- переход начальных [o], [a] в [и];
- стяжение в области гласных (*маво, вырязата*);
- цоканье;
- твердые долгие [ш], [ж];
- [γ] фриктивный;

- замена [ф] на [х];
- переход [в] в [ў] или в [у];
- сохранение [р'] перед твердыми губными и задненёбными, и перед [ц], [ш];
- губные в конце слова мягкие;
- единичные случаи перехода [ч] в [к] (*кумак*, *удака*) [А.Н. Гвоздев, 1927:81].

Выделим фонетические особенности мешчерских пензенских говоров, указанные в работе Н.Б. Бахилиной:

- яканье: ассимилятивно-умеренное яканье (села Ушинка, Б. Ижмора, М. Ижмора, Куземкино): *принясла*, *пикли*, *систерЕ*, *самья*, *дир'ав'Яный*, *да вяңца*, *нялзЯ* и умеренное яканье (с. Знаменское, с. Вяземка, с. Троицкое, с. Кандиевка, с. Колесовка): *нясУ*, *вядУ*, *убярУ*; *в'илУ*, *пр'ин'исИ*, *на ст'инЕ*;

- в абсолютном начале слова [и] на месте [а] или [о] только в говоре с. Ушинки, в остальных селах - [а]: *иддыхАеть*, *итказАлось*, *ибрат'Илось*, *ибажд'И* (с. Ушинка); *ноуи атымАлись*, *абманУл*, *адявАлись* (Куземкино);

- произношение в некоторых случаях неполного, неясного звука, близкого к редуцированному [ь], но еще короче на месте гласных неверхнего подъема: *ьуур'цЫ* в *ьуарОди*, *ьбм'латИ* (Знаменское); *ьтапр'Итя* (Кандиевка); *ьтламИ*, *ьтн'исИ*, *ьзарнИк* (Колесовка);

- гласный в начале слова может совсем утрачиваться: *кал'Ела*, *уарОт*, *вБ'и'ал д'икалОну* (Ушинка); *уарОт рОит'* (М. Ижмора); *лим'Енты*, *кајАнай* (Знаменское);

- фрикативный [γ], кроме одного села – Колесовки. В Колесовке [г] взрывной, оглушающийся в [х];

- замена звука [ф] на [х], [хв]: *кохта*, *хунт*, *сарахван*;

- регрессивная диссимилиация: появление [х] на месте взрывного [к]: *х папу*, *х каров'и*;

• перед согласными в середине слова, в конце слова звук [в] произносится как [ў]: *лаўка, дёўка* (Ушинка); *праўда, дйучонка* (Вяземка); *коўш, заўтра, дйрёўня* (Б.Ижмора);

• в начале слова и на месте предлога [в], перед согласными произносится [у] или [ў]: *унук, умёста, у Маскву*, (Вяземка); *удаваја, унук, укуснѣја, у лёс* (Б.Ижмора);

• в начале слова в ряде случаев [в] утрачивается в местоимениях: *сò, сè*, и кроме того, в ряде других слов: *з'ала, ставай, здумгль, з'ат' д'вè даш'оцк'и* (Ушинка);

• переход [ф] в [й]: *любой, трайки, д'ейки, на лайки* (Ушинка); *крой, маркой, д'ейки* (М.Ижмора); *спрайки, у Саснойки, на трайки* (Куземкино);

• «шепелявое» произношение звуков [с'] и [з']: *с'ò, садимс'и, с'ела, з'ала, з'атку (взятку)* (Ушинка); *с'у (всю), с' вазалгс'', нас'ил'и, жану з'ал саје* (М.Ижмора); *пес'ни, с'тйрала, с'е дома, з'ала, аз'абла* (Знаменское); *с'ини, бајус'', бьс'иком, з'али, ваз'ми, з'ипун, з'имля, з'ил'онай, аз'абла* (Куземкино);

• твердое цоканье: *цасы, пацом, в р'ецк'е, каробъцка, коц, бахца, доцка*. В Б. Ижморе зафиксировано произношение твердого [ч] на месте литературного мягкого [ч]: *закрычыт', чай, надъ лёч, пълучыл*. Такой же звук произносится в с. Никольском Сердобского р-на Пензенской области, относящемся к группе сел, которые условно названы саратовской мешчерой. Н.Б. Бахилина предполагает, что данный звук является переходным от цоканья к правильному различению аффрикат.

• долгие твердые шипящие [ш], [ж], в словах *счет* и *счастье* кроме долгого твердого [ш] произносятся [сц] и [сс]: *сцыслйвай, ссйслйвай, дашоцки, дрожы*;

• мягкость сонорных согласных перед отвердевшими согласными: *канцы, с'ерце*, перед старыми суффиксами -ьц, -ьш, -ьск: *ушынск'и, кузёмска, ижморск'ий*. Сохраняет мягкость [р] в старых сочетаниях редуцированных с

плавными: *цѣрква, дѣрѣнка, пѣрвай*. В некоторых словах, наоборот, звучит твердый [р]: *урѣп, скрѣпѣл, стрѣпѣли* [Бахилина, 1957, с. 232].

Рассмотрим характерные морфологические особенности, указанные Н.Б. Бахилиной, в пензенских мещерских говорах.

Склонение существительных мужского и среднего рода пензенских мещерских говоров.

- существительные мужского рода в именительном падеже мещерских говоров Пензенской области имеют нулевое окончание. В родительном падеже - флексии – *а* и –*у*: *два воза, лѣсу, корму, пясочку (Ушинка), мноуо народу, край лесу (Знаменское)*. В дательном падеже – *у*. В винительном падеже – без окончания, либо флексии – *а(у)*. В творительном падеже – *ом*. В предложном падеже – *е* и –*у*: *нѣ канѣе, на рынокѣ, у супу, у лѣсу (Ушинка)*;

- существительные среднего рода склоняются, как и в литературном языке. Но существительные, которые перешли в женский род, могут склоняться как существительные женского рода;

- в говоре пензенской мещеры категория ср. рода разрушается: *какаја лицѣнѣ, адна имѣ (Ушинка); какајѣ платѣ, врѣмѣ сырајѣ, уса рукадѣлѣ, са тѣла (Вяземка); здаровѣ плахаја, нѣтанѣ плахаја (М. Ижмора)*;

- единичные случаи перехода сущ. ср. рода в мужской: *озѣр љубокај (Знаменское); вес'утрѣ, белый облѣк (Куземкино); облѣк сѣнѣй (Колесовка)*;

- отмечены два случая перехода сущ. жен. рода в мужской: *мѣладѣш вѣс' набралѣ, оцѣрѣт' балѣшой* [Бахилина, 1957, с. 243].

Склонение существительных женского рода

- существительные женского рода на –*а* в родительном падеже с предлогом имеют окончание –*е* под ударением и окончание – и без ударения: *у жынѣ, вазлѣ нарѣ, ат мамѣ, с работѣ (Ушинка)*. Существительные без предлога чаще употребляются с флексией –*ы(-и)*: *зимы, жаны, зѣмлѣ (Ушинка, Колесовка)*;

- в дательном и предложном падежах существительные имеют флексию – епод ударением(без ударения –и): *к сїстрѣ, к кумѣ*(Вяземка), *к рубахї, к Хрїстїнї*(Ушинка);

- в винительном падеже флексия –у: *карову, картоху, в бутылку*. В творительном падеже существительные имеют окончание –ой под ударением(-ьї,-ай без ударения): *с сїстрой, зїмой, за бабушкай, шубай*;

- Существительные женского рода с нулевой флексией имеют те же падежные флексии, что и существительные на – а [Бахилина, 1957, с. 247].

Множественное число имени существительного

- во множественном числе существительные мужского и женского рода в именительном падеже имеют флексии ы(и), в ряде случаев –а: *плътїнака, двірї, шалї, дынї*;

- ряд существительных множественного числа образуются с прибавлением суффикса – j – к основе множественного числа: *сынїЯ, сватїЯ, двОрїЯ*;

- в творительном падеже множественного числа отмечена флексия –ими в селе Ушинка, Б.Ижморы и М.Ижморы при ударении на основе после задненебного: *з дїйкїми, нїткїми, сї старухїми* [Бахилина, 1957, с. 252].

Имя прилагательное

- полные прилагательные мужского рода в именительном падеже имеют окончание - ой под ударением, -ьї(-ай) – без ударения, среднего рода - оја (без ударения -ьї, -ьја). В родительном падеже – ова (ьва, -ьвь). В дательном и творительном - ому (-ьму), -ым(-им). Винительный совпадает с именительным. В предложном падеже – ом (-ьм,-ам) и ым(-им): *другої ют, крикливай малчонак, вїдро худоїа*;

- полные прилагательные женского рода имеют в именительном падеже окончание – аја(без ударения – ьї, -ьја), после мягкой согласной - ија. В родительном, дательном, творительном и предложном падежах – флексию –

ой(без ударения –ый, -ай) и –уй. В винительном падеже – ују: *нираднaјъ св'акрова, авувка ур'аскѣъ*;

•широко употребляются стяженные прилагательные в говоре с.Колесовки. В остальных селах отмечены отдельные примеры употребления стяженных прилагательных: *харошынку дѣвѣчку, ман'инка дѣвѣчка, саха калхозна* [Бахилина, 1957, с. 253].

Местоимения

•личные местоимения 1-го и 2-го лица в родительном падеже имеют флексию – а. В родительном и винительном падежах возвратного местоимения и местоимения 2-го лица отмечены формы с утратой звонкого губного и развитием средненебного согласного j (*т'ија, с'ија*). В родительном и винительном падежах употребляются краткие формы личных(1-го и 2-го) и возвратного местоимений (мя, ты, ся). В дательном и предложном падежах формы личного местоимения 1-го лица совпадают с литературной, а 2-го лица и возвратное имеют в основе гласный –а и окончание – е (*табѣ, сабѣ*), наряду с этими употребляются формы с j (*таје, саје*) [Бахилина, 1957, с. 255].

Глагол

•формы инфинитива образуются с суффиксом –ть или –ц(ч), единично –ти,-цы: *пабаить, сирчать, талоц, плести*;

•глаголы 3 –го лица единственного и множественного числа оканчиваются на [т̄] мягкий.

•переход ударения с окончания на основу, при отсутствии чередования согласных на стыке основы и окончания: *схОдю, брОсю, хОдю, лАвю, кУню, уатОвю*;

•глагольные формы со стяжением гласных, которое наблюдается только в заударных слогах, в некоторых населенных пунктах, в том числе Ушинки, отмечены: *здѣлыш, сваи д'ала дѣлыт, наказѣвѣт', он вымыт', пѣбисѣдум*;

•возвратные формы образуются следующим образом: к формам глаголов, оканчивающимся на гласный, прибавляется частица –сь(с), характерная для

литературного языка: *боюсь, училась, слухались*. Если же форма глагола оканчивается на согласный (кроме [т]), то употребляется частица –си на месте литературной –ся: *взялси, жанилси, боимся* [Бахилина, 1957, с. 257].

По материалам исследования Н.Б. Бахилиной видно, что пензенские мещерские говоры не являются однородными. Сам автор условно делит пензенские мещерские диалекты на говоры саратовской, тамбовской и пензенской мещеры (это связано с административным делением территории Пензенской области). По мнению Н.Б. Бахилиной, говор сел тамбовской мещеры имеет значительное сходство с говорами сел западной части Рязанской области, а говоры пензенской мещеры с говорами восточной части. Это обусловлено тем, что жители пензенской и тамбовской мещеры – выходцы из Рязанского края. Основание сел саратовской мещеры связано с позднейшей помещечьей колонизацией, откуда пришли жители сел не установлено. По основным языковым особенностям говоры пензенской и тамбовской мещеры – южновеликорусские, а саратовской мещеры – средневеликорусским. Иноязычные элементы: цоканье и «шепелявые» звуки [с'] и [з'] встречаются лишь в говоре так называемой пензенской мещеры (куда входит с. Ушинка Керенской губернии) [Бахилина, 1957, с. 290].

Фонетические особенности говора с. Ушинки, выделенные А.Н. Гвоздевым в 1927 г., находят свое отражение и в работе Н.Б. Бахилиной в 1957 г. Таким образом, на протяжении тридцати лет, говор с. Ушинки сохраняет свои типичные особенности. Н.Б. Бахилина в своей работе называет говор с. Ушинки наиболее архаическим [Бахилина, 1957, с. 265]. Что касается, в общем, мещерских пензенских говоров, то из указанных языковых черт в работе Н.Б. Бахилиной, находим черты характерные для материнских говоров рязанской Мещеры: ассимилятивное яканье; замена начального [о] на [и]; цоканье; выпадение звука [в] в середине слова и отпадение его в начале; шепелявое произношение свистящих и шипящих [с'], [з']; долгие твердые шипящие [ш] и [ж]; переход [ф] в [х, хв], [к] в [х];

смягчение сонорных [р] и [н]; переход сущ. среднего рода в женский; особые формы местоимений; перенос ударения у глаголов 1 л. ед.ч. на основу; замена [ф] на [ў] или [j].

Следовательно, мешерские говоры Пензенской области, по большей части, сохраняют типичные черты, характерные для исконного мешерского говора Рязанской области.

1.4. Мешерские говоры Волгоградской области: история возникновения и диалектное окружение

Диалектологическая карта Волгоградской области не является однородной. Волгоградские говоры, по классификации Л.И. Баранниковой, делятся на ранние переселенческие и собственно переселенческие [Баранникова, 1975: 22]. К первым относятся южнорусские донские казачьи говоры, сформировавшиеся в XVI-XVII вв. и занимающие западную половину Волгоградской области, ко вторым – волжские, начавшие формироваться с середины XVIII в., весьма пестрые, неоднородные (они располагаются в восточной половине области), среди которых находим среднерусские, южнорусские, севернорусские, а также говоры, совмещающие в своей системе южнорусские и украинские речевые элементы [Орлов, 1984; Кудряшова, 1997].

Волжские говоры принадлежат к собственно переселенческим говорам. До начала XVIII в. Поволжье было мало заселенным. Заселение данной местности происходило в XVIII-XIX вв. людьми из разных областей России и Украины, иностранцами. Вследствие чего волжские говоры неоднородны, так как в соседних деревнях могут жить потомки переселенцев из разных мест. Говоры рассматриваемых сёл входят в перещепновско-краишевскую группу волжских говоров [Кудряшова, 1997, с. 13].

Село Краишево Еланского района и село Перещепное Котовского района расположены на северо-востоке Волгоградской области. Говоры указанных сел являются южнорусскими мещерскими.

По данным Саратовского краеведческого музея, село Перещепное образовалось в 1787 г. и заселили его православные великороссы, государственные крестьяне, переселенцы из Керенского уезда Пензенской губернии. Село Краишево, по сведениям Центрального государственного архива древних актов, возникло в 1799 г. Первые его жители также переселенцы из Пензенской губернии и пришли, считают старожилы, из села Ушинки, которое тоже относилось к Керенскому уезду. В свою очередь, жители Керенского уезда Пензенской губернии являются переселенцами из рязанской Мещеры. Иными словами, в середине XVII в. предки перещепновцев и краишевцев переселились из рязанской Мещеры в Пензенскую губернию, а уже оттуда перебрались в Поволжье [Кудряшова, 1997, с. 29].

По сведениям официального сайта Правительства Пензенской области, с включением в состав Русского государства Среднего Поволжья усилилась миграция мещеры – поволжско-финского племени – на восток. В процессе миграции часть мещеры обрусела, другая – отатарилась. На территории Пензенского края мещера появилась в начале 1570-х гг. в составе разъездных мещерских сторож, осуществлявших дозорную службу московского правительства [URL: http://www.penza.ru/about/history/Istoki_stanovleniya_Penzenskoy_oblasti].

Н.Б.Бахилина утверждает, что основание мещерских сел Пензенской области никак не связано с устройством сторожевой линии, где несли службу мещерские сторожа. Так как линия сторожей проходила южнее и восточнее от территории, где расположены мещерские поселения. Следовательно, мещерские села северо-западной части Пензенской области являются результатом вольной колонизации [Бахилина, 1957, с. 221].

Мещерские села северо-западной части Пензенской области (тамбовская и пензенская мещера) выселились из Рязанского края и поселились на современной территории примерно во второй половине XVI в., жили обособлено, резко отличались от своих соседей говором, одеждой, обычаями. Мещерские села южной части Пензенской области (саратовская мещера) заселились позднее, что связано с позднейшей помещичьей колонизацией [Бахилина, 1957, с. 221].

Подробного рассмотрения требуют мещерские села Керенского уезда Пензенской области, а конкретно, с. Ушинки Керенского уезда. Так как именно оттуда носители мещерского говора перебрались на волгоградскую землю и основали с. Перещепное и с. Краишево.

По данным Справочной книги Пензенской губернии 1894 г. (автору сведения предоставлены в электронном письме администрацией Пензенской области), на территории Керенского уезда Пензенской губернии числились следующие мещерские селения: с. Большая Ижмора, Вяземка, Знаменское, Кандиевка, Колесовка, Куземкино, Малая Ижмора, Троицкое и Ушинка (откуда и пришли жители в с. Краишево). Население данных сел и деревень имело цокающий говор вплоть до 80-90-х гг. XX века: *цап цыуунок и ф пецку*. По переписи 1897 г. в Керенском уезде насчитывалось 17090 человек мещерской принадлежности.

В связи с административными реформами 1928-1929 гг. данные населенные пункты изъяты из состава Керенского уезда, который в 1940 г. был переименован в Вадинский район, и переданы в соседние Земетчинский район (с. Большая Ижмора, Малая Ижмора, Вяземка, Ушинка) и Башмаковский район (с. Знаменское, Кандиевка) Пензенской области.

Далее обратимся к истории села Ушинки, которое относилось к Керенскому уезду, ныне Вадинский район, а с прошлого столетия и до настоящего времени принадлежит Земетчинскому району. Село Ушинка возникло в XVII веке и являлось одним из крупных в Пензенской губернии.

Численность населения с. Ушинки, по данным подворной переписи населения в 1911 г., составляла 16 596 чел. В документе отмечалось, что все население Ушинской волости (куда входили, помимо с. Ушинки, еще и деревни Ольшанка, Сосновка, Буртас, а также несколько хуторов) – мещерский народ [URL: <http://www.alongwith.ru/town420242/general.aspx>].

Переселенцы именно из этого села основали село Краишево сегодняшней Волгоградской области. Как они могли появиться на территории Саратовской губернии, ныне Волгоградской области? Ответ на этот вопрос попытаемся найти в административно-территориальном делении Поволжья. Как уже отмечалось ранее, в прошлом территория, на которой расположены села Краишево и Перещепное, относилась к Саратовской губернии.

12 декабря 1796 г. после вступления на престол Павла I Саратовское наместничество было упразднено, а его земли отошли к Пензенской и Астраханской губерниям. Это был очевидный просчет. Поэтому правительство быстро признало ошибку. 5 марта 1797 г. Пензенская губерния упраздняется. Саратов стал губернским центром, зато Пенза стала уездным городом Саратовской губернии. И лишь в 1801 году, уже при новом императоре Александре I, Пензенская губерния была восстановлена [URL: http://www.penza.ru/about/history/Rukovoditeli_Penzenskoy_oblasti].

По старому (дореволюционному) административному делению мещерские села Салтыковского района Пензенской области входили в Спасский уезд Тамбовской губернии, мещерские села Заметчинского и Башмаковского районов – в Керенский уезд Пензенской губернии, а с. Мещерское Сердобского района и с. Никольское Колышлейского района – в Сердобский уезд Саратовской губернии [Бахилина, 1957, с. 221].

Можно предположить, что упразднение Пензенской губернии и присоединение ее частей к Тамбовской и Саратовской губерниям повлияло на то, что население различных районов Пензы переселяется на различные

территории и, таким образом, мешчерские говоры проникают в Саратовскую губернию.

В связи с заселением Саратовского края была образована многонациональная губерния. Хотя основную массу населения представляли русские, но также выделялся небольшой процент немецких колонистов, украинцев, мордвы, татар. Остальные национальные группы (чуваши, мешчеряки, башкиры и другие) были незначительными. [URL: <http://history64.ru/saratov-19vek/saratov-gubern-19v.html>]. А так как исследуемые нами села Перещепное и Краишево некогда принадлежали Саратовской губернии, то, видимо, они и представляли тот незначительный процент мешчерского народа на территории, которая теперь относится к Волгоградской области.

Диалектное окружение говоров с. Перещепного и с. Краишева.

Характер взаимодействия говора с инодиалектными системами и определяет устойчивость или изменчивость диалектной системы на территории позднего заселения.

Исследуемые нами перещепновский и краишевский говоры окружены следующими группами говоров.

Село Краишево соседствует с донскими говорами. В основу донского диалекта легла речь крестьян, пришедших из южнорусских губерний и составляющих основную массу переселенцев. Донские говоры – говоры вторичного образования, тесно связанные по структуре с исконными говорами, с восточной группой южновеликорусских говоров. Они являются южнорусскими и им присущи следующие черты:

- аканье, яканье (*вяду, нясу, сястры*);
- замена ударного [а] на [о] в словах типа *сОдим, вОрим, плОтим*;
- протетический [а] в начале слова: *аржаной, аливада*;
- звук [в] в своем произношении не отличается от литературного языка: *правда, лафка, кароф*;

- [γ] звучит в словах вместо литературного взрывного, а в слабой позиции оглушается в [x]: *друх, врах, тирох, γора*;

- смягчение звука [к] после парных мягких согласных: *Ванькя, чайкю*;

- имена существительные 1-го склонения в родительном падеже в большинстве случаев имеют окончание -е: *у жене, у снахе*;

- наблюдается утрата категории среднего рода, имена существительные среднего рода переходят в женский (*худая ведро*), реже в мужской (*худой ведро*);

- в окончаниях глаголов 3-го лица единственного и множественного числа и в форме инфинитива звучит мягкий [т]: *идёт, нисёт, рость, итить, бресть*.

В лексике говоров можно отметить такие слова: *кочет* ‘петух’, *сиделки* ‘вечернее собрание молодежи’, *хоронить* ‘прятать’, *сербеть* ‘чесаться’ и т.д. [Кудряшова, 1997, с. 20].

Село Перещепное имеет пестрое диалектное окружение. На большой территории говор села соседствует с донскими говорами (их черты описаны выше). Говор некоторых сел, расположенных рядом, кардинально отличен от исследуемых диалектов. Так, соседним является село Мокрая Ольховка.

В основе мокроольховского (с. Мокрая Ольховка образовано в 1782 г. Переселенцами из Тамбовской губернии) говора лежат типично южнорусские черты, к которым относятся:

- аканье;

- произношение фрикативного [γ];

- замена [ф] звуками [x, хв] (*кохта, хвартук*);

- употребление форм местоимений в родительном и винительном падеже типа *мене, тебе, себе*;

- переход среднего рода в женский (*сырая мясо, худая ведро*);

- употребление следующих форм определений в предложном падеже единственного числа: *в худым ведре, в каким году*.

- яркой чертой является произношение [э] под ударением после мягкого согласного на месте литературного [о]: *зел'эный, вер'эвка, тел'энок и т.д.*

- вместе с южнорусскими формами глаголов множественного числа 3-го лица, где произносится [т] мягкий, соседствуют формы 3-го лица единственного числа, утратившие конечный [т] (*он знае, хворае, тоскуе, будя, видя, приходя*).

Лексика говора смешанная: *изба* 'дом'; *люлька* 'колыбель'; *бисовики* 'мужская летняя обувь'; *сени, сянцы, мост* 'теплое помещение, которое строится после коридора'; *нонча* 'сегодня'; *лоньшак* 'зимованный жеребенок' и т.д. [Кудряшова, 1997, с. 37].

Погроменско-Ельшанская (Громки Руднянского р-на, Дубовочка, Ельшанка, Терновка Камышинского р-на), группа говоров среднерусского типа, характеризуется следующими диалектными чертами:

- неполное оканье, еканье наряду с ёканьем (в первом предударном слоге произносится [’о] на месте старого [ѣ]);

- взрывной [г], оглушающийся в [х];

- [у] на месте [а] второго предударного слога в начале слова: *угурцы, утойди*;

- утрата интервокального [j] и стяжение в окончаниях глаголов и прилагательных: *делат, знат, молода, худы*;

- твёрдым [т] в глаголах третьего лица единственного и множественного числа.

Лексика в большей степени среднерусская: *изба, ковш, хват, зыбка, омёт, баять* 'говорить', *мураши* 'муравьи' [Орлов, 1984, с. 91].

Село Перещепное находится далеко от административного центра. Носители языка понимают, что их говор отличается от литературного языка,

очень стесняются своей речи и пытаются в разговоре соответствовать литературным нормам. Жители ведут относительно обособленный образ жизни (долгое время браки заключались только между жителями своего села). Все это способствует сохранению диалектных черт и затрудняет проникновение в говор языковых особенностей других говоров.

Село Краишево, напротив, расположено вблизи районного центра (р.п. Елань). Следовательно, местное население может активнее взаимодействовать с жителями других населенных пунктов. Все это влияет на состояние говора. Языковая система краишевского говора более подвержена инодиалектному воздействию, а также воздействию литературного языка.

Мещерские территориально изолированные говоры с. Перещепного и с. Краишева на протяжении двух веков окружены гетерогенными говорами (мокроольховского, донских, говоров Погроменско-Ельшанской группы). Следовательно, подвергались интенсивному воздействию как со стороны других говоров, так и со стороны литературного языка. Но до сегодняшнего дня перещепновский и краишевский говоры сохранили, преимущественно в речи старшего поколения, свои яркие типичные особенности.

ВЫВОДЫ

1. Волжские говоры Волгоградской области относятся к группе говоров территорий позднего заселения. Территориально изолированные говоры (с. Перещепного и с. Краишева) Волгоградской области образуют обособленный диалектный остров. Данные говоры (перещепновский и краишевский) по своему происхождению восходят к говорам рязанской Мещеры.
2. Мещерские говоры Рязанской области относятся к говорам изолированного типа, т.к, находясь в инодиалектном окружении, сохраняют типичные языковые особенности, например: твердое цоканье, ассимилятивное яканье; замена начального [о] на [и]; выпадение звука [в] в середине слова и отпадение его в начале; «шепелявое» произношение свистящих и шипящих [с'], [з']; долгие твердые шипящие [ш] и [ж]; переход [ф] в [х, хв], [к] в [х]; смягчение сонорных [р] и [н]; переход сущ. среднего рода в женский; особые формы местоимений (*тае, сае, мя, тя, ся*); перенос ударения у глаголов 1 л. ед.ч. на основу; замена [в] на [ў] или [j].
3. Мещерские говоры Пензенской области – переселенческие (XVI-XVII вв.) с территории Рязанской Мещеры, относятся к говорам изолированного типа, т.к, находясь в инодиалектном окружении, сохраняют типичные черты: ассимилятивно-умеренное яканье; переход начальных [о], [а] в [и]; стяжение в области гласных (*маво, вырзата*); цоканье; твердые долгие [ш], [ж]; «шепелявые» звуки [с'] и [з']; [γ] фрикативный; замена [ф] на [х]; переход [в] в [ў] или в [у]; сохранение [р'] перед твердыми губными и задненёбными, и перед [ц], [ш]; смешение родов существительного; особые формы местоимений (*тае, сае, мя, тя, ся*); глаголы 3 –го лица единственного и множественного числа оканчиваются на [т] мягкий.
4. Мещерские говоры Волгоградской области – переселенческие с территории Пензенской области. Село Краишево Еланского района и село Перещепное Котовского района образовались в 1799 и 1787 гг.

соответственно. Предки перещепновцев и краишевцев – переселенцы из Керенского уезда Пензенской губернии. Говоры сел Краишева и Перещепного находятся в инодиалектном окружении. Краишевский говор соседствует с донскими говорами, а перещепновский – с донскими, мокроольховским и погроменско-ельшанской группой говоров.

ГЛАВА II. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОСТРОВНЫХ ЦОКАЮЩИХ ГОВОРОВ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

2.1. Фонетические особенности

Говор сел Перещепного и Краишева - южнорусский, в области предударного вокализма, наряду с аканьем, для него характерно яканье.

Тип яканья у говоров различен. В перещепновском говоре умеренное яканье, при котором в первом слоге после мягких согласных перед твёрдыми согласными произносится [a]: *Сю сялО сабирАли; у сястрЕ; принясУ вадЫ; рябУю карОву; някЛА тираґОф с дУлий; нясОк; на смятАне; у лясОк; цвятЫ; дявАть куда, перед мягкими звук и: вис'Олай цвет; з'имлОй; тил'Еуа; с'нисИ атцУ у нОле абет; дисЯтка два яиц купИла.*

В краишевском же говоре наблюдается умеренно-ассимилятивное яканье. Оно отличается от умеренного яканья произношением предударного [a] не только перед твёрдыми согласными, но при ударном [a] и перед мягкими согласными. В остальных случаях перед мягкими согласными произносится [u] [Русская диалектология, 2005, с. 48]: *стяклО; вяснОй; прямОй; лясОк; сямьЯ большАя; анУчки някуть на вазнисЕние; вичарЯнки были; мама умярЛА, ницавО мне ни сказАла; задявАю калОдис и паливАю вядрОм; ну-ка доца принисИ стул; лити птАшечка канарейка (Крш.).*

В обоих населенных пунктах замечен лексикализованный переход ударного [a] в [o]: *пасОдють нивЕсту и пають: « литИ-ка мая птАшка... » (Прщ.); тЕста развОлють на фОрмам; заплОтють тады пайдУ (Крш.).*

Данная особенность зафиксирована в рязанских и пензенских мещерских говорах [Аванесов, 1940, с. 155], а также является типичной чертой донских диалектов Волгоградской области [Кудряшова, 1997, с. 19]. Следовательно, такая черта, как переход ударного [a] в [o], могла быть

унаследована от материнских говоров, а сохраняется под влиянием окружающих донских диалектов.

Был отмечен в с. Перещепном регулярный лексикализованный переход ударного [а] между мягкими согласными в [е] в слове *мяч*: у *мЕц иурали*; *мец палажи*; *прапал мец*; *хутбОльной мец купили*.

Данное фонетическое явление возможно и в мешчерских говорах на границе Рязанской и Владимирской областей. В настоящее время в большинстве средневеликорусских и южновеликорусских говоров переход [а] в [е] сохраняется только в лексикализованном виде, в произношении отдельных слов [Русская диалектология, 1972: 97]. В говоре с. Кидусово и куршинских говорах рязанской Мещеры отмечен регулярный переход [а] в [е] [Ванюшечкин, 1983: 20]. Видимо, данная черта принесена из материнских рязанских мешчерских говоров. Но, в донских говорах форма *мЕчик* является всеобщей, а в волжских она перемежается с формой на ударный [а] [Орлов, 1984, 12]. Следовательно, мы предполагаем, что данная особенность принесена из материнских говоров, но под влиянием окружающих диалектов сохранилась в перещепновском говоре только в слове *мяч*.

Явление, связанное с принципом восходящей звучности, мы наблюдали в говоре с. Перещепное: вставка гласного звука между согласными (эпентеза): ‘псалтырь’ - *пасалтЫрь* и второе полногласие: ‘молния’ – *Маланья*.

В перещепновском и краишевском говорах зафиксирована яркая черта в области вокализма - произношение [и] на месте [а] в начале слова: *иуурьцЫ*; *ибмывать*; *ипЯть привязУть прАўнука мне*; *ибязАтельна схадИти тудА*; в некоторых случаях наблюдается полная редукция начального гласного в этой позиции: *у кадУшычки стаёцца мАсла*; *ни бязАтилна*; *быкнавЕнный был*; *диЯлка*; *дикалОн*.

Такое произношение [и] на месте [а] второго предударного слога в начале слова встречается на территории восточных среднерусских акающих

говоров [Русская диалектология, 2005, с. 53] и в медведицких говорах Волгоградской области [Кудряшова, 1997].

Данное явление – характерная черта для рязанских мешчерских говоров, а также для говора с. Ушинки Пензенской области [А.Н. Гвоздев, 1927, с. 81]. Следовательно, является типичной, унаследованной от материнских диалектов.

В области консонантизма говоров отметим следующие черты.

Для говоров обоих сел характерно произношение фрикативного [ɣ] оглушающегося в [x]: *сыгурАли свАдьбу интирЕсную; свАдьба привисОлая с угрмОнишо; пAbЕули ка мнЕ тудА* (Прщ.); *крУулаи тирауИ на сдОбнам тЕстѐ; намауНеть тае; абЫурывали маладЫх, друх жиняхА* (Крш.). Это одна из наиболее ярких типичных черт южнорусских говоров.

В говорах обоих сел регулярен переход [в] (и в качестве предлога или приставки, и в середине слова) в [ў], а на месте [в] начале слова перед согласным обычно является [у]: *заўтра; коўта; у дирЕуни; узвАрик; улЕй-ка им пымалЕнку; у пярЕдним рядУ сидЯть; рАнила у руку атца; вирОуцками диржАлись; уцара крицал; упирОт талкЛИ пшаниЦу; прЯники сицас мОжно удОваль брать.*

Территориально [ў] на месте [в] представлен в большинстве южных русских говоров, а также немногих северных, например, в некоторых вологодских. [Русская диалектология, 1973, с. 83]. Данная черта типична для мешчерских пензенских говоров [А.Н. Гвоздев, 1927], а также говоров рязанской Мещеры [Аванесов, 1940].

Сохранилось в говорах и часто встречается произношение [j] на месте [ф’]: *дЕйки маладЫи тут; барадАйки пашЛИ на рукаМ, на нагАм* (Прщ.); *аткиднОе малако патОм разваДили слИйкими; картОй [картофель] рЫли; у ЖурАйки пристОл на ПакрОу* (Крш.).

Такая реализация фонемы [j] на месте [ф’] зафиксирована в центральных и северных рязанских, западно-вологодских, в южных иркутских говорах

[Русская диалектология, 1973, с. 77]. Данная черта зафиксирована в мещерских говорах Пензенской области. Следовательно, является материнской особенностью для перещепновского и краишевского говоров.

Звук [ф] был чужд русской речи и проникал туда из греческого языка и из других языков. Однако и до сих пор в ряде русских говоров звуки [ф], [ф'] заменяются разными звуками. Полностью отсутствие этих фонем в Юго-Западной диалектной зоне и части рязанских говоров. Случаи же указанных замен этих фонем встречаются в большей части южнорусских говоров и во многих среднерусских и севернорусских. [Русская диалектология, 2005, с. 59].

В некоторых словах говора с. Перещепного иногда (крайне редко) сохраняется замена твердого звука [ф] на [х]: *хОрмы* [для выпечки], *делали съмадЕлкавыи хОрмы*; *высОкай хундАмент*.

В говоре с. Краишева более частотна замена звука [ф] на [х], [хв]: *кОхта*; *хундАмент у дома*; *развОлим у хОрмы*; *сарахванЫ шЫли*; *трахИмавна*; *хвОдар*.

Случаи замены [ф] на [х], [хв] – это черта преимущественно южнорусских говоров [Русская диалектология, 1972, с. 58].

Был отмечен переход [к] в [х], исключительно, в словах с корнем - *крест* - в говорах обоих сел: *хрОсный*, *хрОсная*, *христИть*, *хрОст*, *ХришЕнье*; *маладЫх вадИли к хрОснай с хрОсным*; *хрОсный был павЯзан двумя утИрками хрЕст наХрест в дЕнь свАдьбы*; *се старИнаи прАзники: Ражаство, ХришЕнье, Пасха* (Крш.); *пашли к хрОснаму жинихА, ат хрОснаґа идуць к хрОснай*; *пирихристИть рибЯт*; *хрОсныи эт сваих брали*; *хрОстик на платОцке у цЕркву хадИть* (Прщ.).

Данное явление – переход [к] в [х] свойственно многим русским говорам [Русская диалектология, 1972, с. 58]. Переход [к] в [х] зафиксирован в говорах рязанской Мещеры и в мещерских говорах Пензенской области [Бахилина, 1957].

В перещепновском и краишевском говоре в начале слова согласный [в] может совсем утрачиваться, а в местоимениях *всё, все* это явление регулярно: *с'о, с'е, с'який, з'ала, спомню, здумаю*.

Утрата начального [в] в словах, особенно в формах местоимений *всё, все*, характерно для материнских мешерских говоров Рязанской [Аванесов, 1940] и Пензенской областей [Бахилина, 1957].

В говорах обоих сел наблюдается звучание сочетания звуков [шн] на месте [чн]: *кашу Эткую малОшную к нарЫву прикладывали; зауранИшнаи платкИ* (Крш.); *с'Акий папирЕшный знать; кирпИшный пОурип* (Прщ.).

Во многих говорах в результате диссимиляции согласных более последовательно, чем в литературном языке, произошло изменение сочетания чн в [шн] [Русская диалектология, 1989, с. 77].

Одна из наиболее ярких фонетических особенностей, присущих рассматриваемым говорам, - твердое цоканье – наследство древней мешеры, унаследованное от финно-угорского языка-основы: *пец, цавО хошь, цулкИ, цИркаишь с"пИцки, с"вЕцки, коц, цАжецка, цЕтверть, ноц- палноц, крыцать хОце, цулАн*.

Жители обоих сел знают об этой особенности своей речи и часто стесняются своего произношения. В с. Перещепном нам рассказывали о курьезных случаях, когда кто-то из местных жителей ездил в райцентр в магазин и приезжал ни с чем, потому что стеснялся спросить «по чем товар»: *с сЫнам была, уаварю: па цом та вешиш? А он мне: мамка, не цавокай! Я смяшалась и уаварю: пачан, па чом тавар?* [Кузнецова, 2010, с. 217].

С давних пор село Краишево называют «Цукреспубликой», а село Перещепное – «Цавокино сяло». За жителями закрепились прозвища «цуканы» - в Краишево и «цекуны» - в Перещепном [Кузнецова, 2012, с. 522].

Краишеука уаварять «цаво-цаво». Цуканы. Цукан, цуканка (Крш.);

Цуканы нас уаварять. Цукреспублика называют (Крш.);

Цыкуны нас называют. Цавокино сяло (Прщ.).

На современном этапе развития говоров цоканье постепенно утрачивается. Однако утрата цоканья в этих двух говорах происходит по-разному.

Если в с. Перещепном цоканье как главная фонетическая черта говора сохраняется на современном этапе развития, то в с. Краишево цоканье в речи местных жителей в настоящее время слышится довольно редко. В произношении на месте литературного [ч], помимо [ц] звучит также твёрдый звук [ч]: *йих приЕхало чЕтьвира, с начОфкай; лятУчка – эт витрянАя Оспа; у чууУн склАдываишь и у печ. Счас навькИдывали печ; на запОе на два три стаканА а на свАдъбе чатЫри стаканА вЫпьють; кулИ варОчали: адна науинАица друуАя пирьякАить(прыгаить); внУчка мая живОтъ у МасквЕ, прОшлый год прияжжАла (Крш.).*

Произношение [ч] на месте литературного [ч] отмечалась в говорах обоих сёл и ранее: эту особенность зафиксировала Р.И. Кудряшова при обследовании перещепновско-краишевского говора в 1980 г. [Кудряшова, 1997]. Такое произношение является приобретенным говором уже на местной почве, в результате влияния литературного языка.

Однако мы отметили, что в с. Перещепном такое произношение [ч], на месте литературного [ч] наблюдается только в первые минуты нашего общения с пожилыми местными жителями, когда собеседник старается контролировать речь, говорить правильно, грамотно: *чай тили ис траф. На пече саурем.* (Прщ.). В дальнейшей беседе, после налаживания психологического контакта с собеседником, по мере возрастания непринужденности беседы, как правило, слышится чистое цоканье: *У цаЖицуку цайкУ налЕй, дОца.* (Прщ.); *Цаво уатОвили? рибЯт праважАли у армию тада сё уатОвили.* (Прщ.).

В с. Краишево же почти всегда на месте литературного [ч] звучит [ч]. Цоканье появляется в речи пожилых краишевцев, когда они начинают

вспоминать своё детство, юность, когда воспроизводят в разговоре речь своих родителей, дедушек, бабушек: *мама уаварИла доца эт стЫдна нильзя урех!; доца ты сять и ни мишАйся!* (Крш.).

Таблица № 1. «Сравнение произношения одних и тех же слов в разных контекстах жителями обоих сел».

с. Перещепное	с. Краишево
лексемы печь, печка	
<i>Посли сватафства пец уидЕть хОдють, карябають иё; тирауИ пякла: вЕцырам – малакА лью, сОли, дражЭй пУстю. Сё фУкаить. Утрам пОсну мАслу лью. Делаю тирОх и у пец.</i>	<i>У чууУн склАдываишь, и у печ. Шас навькИдывали печ; витУшки такими-ти [кусочками] парЕжишь и у печЭ пякли; уалАнка – пЕчка ва дварЕ, уалАнку тапИли салОмай...</i>
лексема чёрный	
<i>Раньши сами для sibя сЕили. Кауда сЕеили... в уражАи цОрная спарынья.</i>	<i>Из шЭрсти ис авЕчай бЕлаи вязАли а ис чОрной вАлинки наставАлы валяли</i>
лексема ночь	
<i>Ноц палиОц нацУим [ночуем] ф пОли. КудЫйт мы ноцью пайдОм.</i>	<i>Эткаая ноч...а мы та ишо ни нацурАлись.</i>
лексема ничего	
<i>нЕцаво исть, пЫшки из лИстьеф лИпавых тикли</i>	<i>итИть нь Ульцу-ту а нЕцаво абувАть</i>
лексема вечный	
<i>вЕцно трУдимся рабОтаим</i>	<i>вЕчныи трУжыники крИстьяни вЕчныи нишшыи</i>

На примере лексем *печь, чего, чёрный, ночь, вечный* видно, что жители с. Краишево произносят в словах звук [ч] на месте литературного [ч'], тогда как для произношения жителей с. Перещепного характерно цоканье.

Причиной разной степени изменения цоканья под воздействием литературного произношения в описываемых населенных пунктах, как нам представляется, являются внеязыковые факторы. Краишево – большое село (в отличие от с. Перещепного), с более развитой инфраструктурой, с большим составом населения. В с. Перещепном гораздо меньше жителей, и все они в основном пожилого возраста. Село Перещепное более изолировано территориально от соседних населенных пунктов, туда труднее добраться, чем в село Краишево. Следовательно, можно говорить о значительной большей устойчивости цоканья в говоре села Перещепное.

Кроме того, необходимо учитывать и «психологический фактор»: местные жители с. Перещепного стесняются такой яркой фонетической особенностью своей речи и стараются не контактировать с жителями других населенных пунктов. В первые дни экспедиции 2009 г. жители старшего поколения в начале нашего с ними общения задавали один вопрос: *«Цо это вы с'ё пИшыти нас за эта ни насОдють?»*

Можно предположить, что сохранению до сегодняшнего дня этой яркой, исконной для мещерских говоров фонетической черты – цоканья – поспособствовал именно фактор закрытости, изолированности говора.

Рассмотрим другие фонетические особенности перещепновского и краишевского говоров.

В обоих селах было отмечено особое произношение шипящих и свистящих согласных. На месте литературного долгого мягкого шипящего [ш'] может звучать долгий твёрдый шипящий [ш:], а также на месте литературного долгого мягкого [ж] звучит твёрдый [ж:]: *ани вашишЭ плОха жывУть; кашу кутью варИли на КришишЭние; салицки дрожжы пУстю* (Прщ.). Жители с. Перещепного называют своё село *«ПерешшиэтноОе»*.

Крайишшэўка ўаварЯть «цавО-цавО» ишас так ни ўварЯть; края зашшамлЯли; падахдЯшшая снахА; ўарадИшшэ бальшОй был; вЕчныи нИшшыи; прычашиАшшэса калИ придеть бАтюшка; дажжы сю ниделю лили; дейки вижжэать (Крш.).

Данная особенность (произношение долгих твердых шипящих [ж:] и [ш:]) присуща многим русским говорам [Русская диалектология, 1989, с. 68]. Такое произношение характерно для материнских рязанских [Будде, 1896] и пензенских говоров [А.Н. Гвоздев, 1927].

Помимо долгого твердого шипящего, ранее уже отмечавшегося в исследованиях [Кудряшова, 1997], в экспедициях последних лет обнаружен еще один тип произношения, который, вероятно, является результатом взаимодействия говоров с литературным языком. А именно произношение на месте мягкого литературного [ш'] сочетания твердых звуков [шч]: *шчалцки – эт травА, надАвишь и шчОлкаить; у Яшчыки – сЯкая крАска; край биндЕшки Яшчык стайть; шчУку ни ядЯть, у ней на ўалавЕ хрест* [о жителях соседнего хутора] (Крш.).

Во многих говорах северного наречия и в западных южнорусских говорах произносится данное твёрдое сочетание [шч] на месте мягкого литературного [ш'] [Русская диалектология, 1989, с. 68].

В с. Пещепном сохраняется особое произношение свистящих мягких согласных [з', с'], они часто произносятся с шипящим призвуком, шепеляво. Эти звуки похожи на очень мягкие [ж'', ш'']: *да как жанИлись?! с''нишымс''и [спишемся] и хОдим у ўОс''ти; киз''Икаф [кизяков] набрать, истанИть пЕцку наДа; кусАим з''Орна – эт сЕмички йидим.*

На современном этапе развития говоров данная языковая черта сохраняется в с. Перещепном. В говоре с. Краишева данная черта утратилась, т.к. при повторном исследовании говоров такой особенности в произношении свистящих мягких согласных [з', с'] нами зафиксировано не было.

В некоторых словах с. Перещепного перед шепелявым свистящим отпадает начальный согласный [в]: *малЕльню з"Али* [взяли] и *мауаз"Ин* з"дЕлали; ... *тада уавЕла с"а* [вся] с"илО; ... с"о *прибрАта* у саду; ... с"Акую *травУ рвАли*.

Жители села Перещепное часто повторяют слово «и с"ёк!» 'и всё!' в качестве частицы или междометия. Даже если в остальных словах свистящие произносятся без особенностей, то в этом слове обязательно будет звучать шепелявый [ш"]: ... *блИнцык* – он *тОнинькай*, а *кИслый* – у *пАлиц талишынОй* и с"ёк!

Говоры с шепелявыми [с'], [з'] представлены в местах, где имело место соприкосновение с иноязычным населением [Русская диалектология, 1973, с. 90 – 91].

Предположительно, что особое произношение свистящих мягких согласных [з', с'], характерное для говора с. Перещепного, а также для материнских мешчерских диалектов – это исконная черта говоров рязанской Мещеры [Аванесов, 1940, с. 158].

Типичная особенность, которая была отмечена исследователями как характерная черта для говоров перещепновско-краишевской группы: произношение мягких согласных [т] и [д] с шипящим призвуком совсем утратилась, так как не зафиксирована исследователями в диалектологических экспедициях последних лет.

Довольно широко распространена в говорах севернорусского наречия полная ассимиляция в сочетании «шипящая+ свистящая», которая наблюдается лишь в одной определенной морфологической категории, отчасти потому, что указанная последовательность фонем для русского языка не характерна. Она наблюдается лишь в форме 2-го лица единственного числа настоящего (простого будущего) времени возвратных глаголов. В литературном языке здесь ассимиляции нет. По говорам широко

распространена регрессивная ассимиляция, в результате которой [шс] > [с:] (долгий мягкий [с:]) [Русская диалектология, 1973, с. 94].

Нами было зафиксировано это явление в говоре с. Перещепном: *ни наслУхаисси – какии свАдъбы были!; тирауИ – ни наИшьсси; хлеп фкУсный – ни нанЮхаисси и ни наИшьсси.*

Данная черта присуща куршинским говорам рязанской Мещеры [Ванюшечкин, 1983].

В говоре с. Перещепное нами был отмечен процесс диссимиляции звуков: *анбАр –эт у нас пристрОйка для хлЕба; каннОт варИли ис сухафрУктаф.*

Кроме вышеперечисленных явлений, характерных для перещепновского и краишевского говоров, отмечавшихся в исследованиях прошлых лет, были зафиксированы некоторые фонетические особенности, о которых не говорилось ранее.

Например, наблюдаются особенности в произношении сонорного [р]. В одних случаях звучит мягкий [р'] на месте твердого литературного: *ф сОрак пЕрьвам вирнУлись; свЕрьху фсё вИдна; ф цЕрькафь идёшь, спаткнёшьсси, ни иди чиртЕй за сабОй видёшь; зАпан с убОрькими (Прщ.); качерьуа у печЕ; цЕрьква была, скОлька люду там былО!; палбатИнки са инурькАми (Крш.).*

В других случаях произносится твёрдый [р] на месте мягкого литературного: *урьбЫ есть; накрыцАлась на ниё дивИцу (Прщ.) стрЬули нОжницами; крыцать на свАтьбе пЕть уОласам (Крш.)*

Данная особенность – смешение [р] и [р'] свойственно многим южновеликорусским говорам [Русская диалектология, 1972, с. 76]. А поскольку перещепновский и краишевский говоры в основе своей южнорусские, следовательно, это типичная для них особенность.

Таблица №2. «Фонетические особенности говоров двух сел Перещепного и Краишева».

с. Перещепное	с. Краишево
типичные особенности, отмеченные исследователями ранее	
<ul style="list-style-type: none"> • Умеренное яканье: <i>сялю, сястра, рябая;</i> • переход ударного [а] в [о]: <i>завОрим, плОтим, пересОдють;</i> • произношение [и] на месте [а] в начале слова: <i>иуурцЫ; ибмывать; ипЯть;</i> • произношение фрикативного [γ], оглушающегося в [х]: <i>иурали, парох, друх, уарот;</i> • переход [в] (и в качестве предлога или приставки, и в середине слова) в [ў], а на месте [в] начале слова перед согласным обычно является слоговое [у]: <i>узвАрик; улЕй-ка, вирОуцками;</i> • произношение [j] на месте [ф’]: <i>дЕйкi, барадайки, лайки;</i> • замена звука [ф] на [х]: <i>кОхта, хунт, хундАмент;</i> • переход [к] в [х], исключительно, в словах с корнем – <i>крест: хрОсный, хрОсная, христИть;</i> • твердое цоканье: <i>пец,</i> 	<ul style="list-style-type: none"> • Умеренно-ассимилятивное: <i>сямья, стякло, вясной;</i> • переход ударного [а] в [о]: <i>заплОтють, пасОдють, развОлють;</i> • произношение [и] на месте [а] в начале слова: <i>ибязАтельна, иуарОт, иуурцЫ;</i> • произношение фрикативного [γ], оглушающегося в [х]: <i>тираγИ, пабеγли, круγавой;</i> • переход [в] (и в качестве предлога или приставки, и в середине слова) в [ў], а на месте [в] начале слова перед согласным обычно является слоговое [у]: <i>уцара, удОваль, заўтра;</i> • произношение [j] на месте [ф’]: <i>дЕйки, жураАйки, маркОй, крой;</i> • замена звука [ф] на [х], [хв]: <i>трахимовна, хвОдар, сарахвАн;</i>

<p><i>цулки, девушка;</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • долгие твердые шипящие [ш], [ж] на месте литературных мягких: <i>перешшэпное, ватишэ, кришшэнье, дожжык;</i> • особое «шепелявое» произношение свистящих мягких согласных [з', с']: <i>с"пИшымс"и, з"Орна, с"пИцки;</i> • полная ассимиляция в сочетании «шипящая+ свистящая»: <i>ни наслУхаисси, ни наИшьсси, ни напЮхаисси;</i> 	<ul style="list-style-type: none"> • переход [к] в [х], исключительно, в словах с корнем – <i>крест: хришЕнье, хрОстик, хрест;</i> • твердый [ц] переходит в [ч] твердый близкий к [тш]: <i>коти, тиулан, пети;</i> • долгие твердые шипящие [ш:], [ж:] на месте литературных мягких: <i>шшас, причашишашься, ҫарадИшшэ, дрожжы;</i>
особенности, не отмеченные ранее	
<ul style="list-style-type: none"> • лексикализованный переход ударного [а] между мягкими согласными в [е] в слове <i>мяч: у мец иурати;</i> • выпадение звука [в] в начале слова: <i>сякий, сО, з"Али, с"а;</i> • явление, связанное с принципом восходящей звучности: вставка гласного звука между согласными: 'молния' - 	<ul style="list-style-type: none"> • выпадение звука [в] в начале слова: <i>се, сеҫО, сО</i> • наблюдается полная редукция начального гласного [и]: <i>дикалОн, диЯлка, ҫарот;</i> • сочетания звуков [шн] на месте [чн]: <i>малошная, зауранишнаи, мелашная;</i> • «смешение» [р] и

<p><i>маланья</i>, ‘псалтырь’- <i>пасалтьІрь</i>;</p> <ul style="list-style-type: none"> • наблюдается полная редукция начального гласного [и]: <i>стаёцца; ни бязАтильна; быкнавЕнный</i>; • сочетания звуков [шн] на месте [чн]: <i>каршинивый, патирЕшный, киртишнай</i>; • произношение на месте мягкого литературного [ш’] сочетания твердых звуков [шч]: <i>шчалцки, шчОлкаить, шчука</i>; • процесс диссимиляции звуков: <i>анбАр, канпот, дамно</i>; • «смещение» [р] и [р’]: <i>грыбЫ, свЕрьху, с убОрькими</i>. 	<p>[р]: <i>кацэрьґа, цЕрьква, стрЫґули</i>.</p>
<p>общие с говорами рязанской Мещеры</p>	
<ul style="list-style-type: none"> • переход ударного [а] между мягкими согласными в [е]; • выпадение звука [в] в начале слова; • произношение [и] на месте [а] в начале слова; • произношение фрикативного [ґ], оглушающегося в [х] в 	<ul style="list-style-type: none"> • умеренно-ассимилятивное яканье в говоре с.Мелехова и д.Нагорное, в говоре д.СтепановоКасимовского района, куршинские говоры Рязанской области; • выпадение звука [в] в начале слова;

<p>части касимовских говоров, в говоре с.Кидусово Рязанской области;</p> <ul style="list-style-type: none"> • переход [в] (и в качестве предлога или приставки, и в середине слова) в [ў]; • замена звука [ф] на [х], [хв]; • переход [к] в [х]; • твердое цоканье; • долгие твердые [ш] и [ж]; • особое «шепелявое» произношение свистящих мягких согласных [з', с']; • полная ассимиляция в сочетании «шипящая+свистящая» зафиксирована в куршинских говорах Рязанской области; 	<ul style="list-style-type: none"> • произношение [и] на месте [а] в начале слова; • произношение фрикативного [γ], оглушающегося в [х] касимовских говоров, в говоре с. Кидусово Рязанской области; • переход [в] (и в качестве предлога или приставки, и в середине слова) в [у] – неслоговой; • замена звука [ф] на [х], [хв]; • переход [к] в [х]; • твердое цоканье; • долгие твердые [ш] и [ж];
<p>общие с мещерскими говорами Пензенской области</p>	
<ul style="list-style-type: none"> • Умеренное яканье характерно для второй группы сел (Знаменское, Вяземка, Троицкое, Кандиевка, Колесовка) • переход ударного [а] между мягкими 	<ul style="list-style-type: none"> • Умеренно-ассимилятивное яканье характерно для первой группы сел (Ушинка, Б.Ижмора, М.Ижмора, Куземкино); • выпадение звука [в] в

<p>согласными в [о]: скОмьи, свОлиш, плОтим;</p> <ul style="list-style-type: none"> • выпадение звука [в] в начале слова; • произношение [и] на месте [а] в начале слова; • произношение фрикативного [γ], оглушающегося в [х]; • переход [в] (и в качестве предлога или приставки, и в середине слова) в [ÿ], а на месте [в] начале слова перед согласным обычно является слоговое [y]; • произношение [j] на месте [ф']; • замена звука [ф] на [х], [хв]; • переход [к] в [х]; • твердое цоканье; • долгие твердые [ш] и [ж]; • особое «шепелявое» произношение свистящих мягких согласных [з', с']. 	<p>начале слова;</p> <ul style="list-style-type: none"> • произношение [и] на месте [а] в начале слова; • произношение фрикативного [γ], оглушающегося в [х]; • переход [в] (и в качестве предлога или приставки, и в середине слова) в [ÿ], а на месте [в] начале слова перед согласным обычно является слоговое [y]; • произношение [j] на месте [ф']; • замена звука [ф] на [х], [хв]; • переход [к] в [х]; • твердое цоканье; переход [ц] в [ч] твердый в некоторых населенных пунктах; • долгие твердые [ш] и [ж];
--	---

Как показывает исследование, в говорах обоих сел большинство традиционных фонетических особенностей, зафиксированных диалектологами ранее, сохраняется: аканье, яканье, цоканье, произношение долгих твердых шипящих [ж], [ш] на месте литературных мягких, произношение фрикативного [γ], оглушающегося в [x], произношение [и] на месте [а] второго предударного слога в начале слова, [ў]-неслоговой на месте [в], произношение [j] на месте [ф’], замены [ф] на [x], особое произношение свистящих мягких согласных [з’, с’], но проявляются они в каждом селе по-разному, а некоторые из них, в одном из говоров, постепенно утрачиваются.

Совсем утратилась характерная для перещепновско-краишевской группы особенность, зафиксированная Л.М. Орловым, произношение мягких согласных [т] и [д] с свистящим призвуком [Орлов, 1984, с. 93]. Данная черта не была зафиксирована на современном этапе развития ни в говоре с. Перещепное, ни в говоре с. Краишева.

Выделенные ранее типичные особенности как общие для рассматриваемых говоров на современном этапе развития сохраняются в большинстве своем в говоре с. Перещепное, а в говоре с. Краишева некоторые черты претерпевают изменения, переходят в другие звуки, реже употребляются в речи местных жителей, либо совсем утрачиваются.

Общими для говоров обоих сел являются: переход ударного [а] в [о]; произношение [и] на месте [а] в начале слова; произношение фрикативного [γ], оглушающегося в [x]; переход [в] (и в качестве предлога или приставки, и в середине слова) в [у], а на месте [в] начале слова перед согласным обычно является [у]; произношение [j] на месте [ф’]; замена звука [ф] на [x], [хв]; переход [к] в [x], исключительно, в словах с корнем – *крест*; долгие твердые шипящие [ш], [ж] на месте литературных мягких.

Яркие типичные черты, которые являлись общими для говоров обоих сел, на современном этапе развития сохраняются только в говоре с. Перещепное: твердое цоканье, особое «шепелявое» произношение свистящих мягких

согласных [з', с'], полная ассимиляция в сочетании «шипящая+ свистящая». В говоре с. Краишева твердое цоканье слышится очень редко, лишь в единичных случаях, а на месте литературного мягкого [ч] слышится твердый звук [ч], а такие черты как «шепелявое» произношение свистящих мягких согласных [з', с'], полная ассимиляция в сочетании «шипящая+ свистящая» совсем утратились. Типы яканья у рассматриваемых говоров разные: в перещепновском говоре – умеренное яканье, а в краишевском говоре – умеренно-ассимилятивное.

В экспедициях последних лет были зафиксированы особенности, не отмеченные диалектологами ранее: в говоре с. Перещепное – лексикализованный переход ударного [а] между мягкими согласными в [е] в слове *мяч*; явление, связанное с принципом восходящей звучности: вставка гласного звука между согласными; произношение на месте мягкого литературного [ш:] сочетания твердых звуков [шч]; процесс диссимиляции звуков; выпадение звука [в] в начале слова; полная редукция начального гласного [и]; сочетания звуков [шн] на месте [чн]; «смешение» [р] и [р']. В говоре с. Краишева следующие черты – выпадение звука [в] в начале слова; наблюдается полная редукция начального гласного [и]; сочетания звуков [шн] на месте [чн]; смешение [р] и [р'], которые являются общими для рассматриваемых говоров.

Из всех фонетических особенностей, которые были рассмотрены выше, выделим общие с рязанскими и пензенскими материнскими мещерскими говорами – яканье; цоканье; произношение [и] в начале слова на месте [а]; переход в позиции под ударением [а], между мягкими согласными, в [е]; переход ударного [а] между мягкими согласными в [о]; особое произношение свистящих мягких согласных [з', с']; твердость долгих шипящих [ж:], [ш:]; выпадение звука [в] в начале слова; переход [к] в [х]; полная ассимиляция в сочетании «шипящая+ свистящая»; произношение [j] на месте [ф']; замена [ф] на [х], [хв]; «смешение» в

произношении [p] и [p']; переход [в] в [ў] либо в [y]. Большинство общих особенностей – это южнорусские черты: яканье, произношение фрикативного [γ], оглушающегося в [x], переход [в] в [ў], а на месте [в] начале слова перед согласным обычно является [y], замена [ф] на [x], [хв]; смешение [p] и [p'], что обусловлено типом говоров.

Рассмотрим следующие особенности: нетипичный для южных говоров переход ударного [а] между мягкими согласными в [е] в слове *мец*, лексикализованный переход ударного [а] в [о] в некоторых лексемах. Данные языковые особенности характерны для материнских говоров, но также данные черты свойственны окружающим волгоградским донским диалектам. Можем предположить, что данные материнские черты сохранились и активно употребляются в говорах на современном этапе развития, т.к. не отличают перещепновский и краишевский говоры от окружающих диалектов.

Что касается ярких отличительных фонетических черт: цоканья, «шепелявого» произношения [с'] и [з'], замены [ф] на [j], унаследованных от материнских мещерских говоров, то они сохраняются и активно употребляются в говоре с.Перещепное, а в говоре с.Краишево из указанных особенностей зафиксированы замены [ф] на [j], цоканье постепенно утрачивается, а «шепелявое» произношение [с'] и [з'] совсем утратилось.

Из всего вышесказанного, можно сделать следующий вывод, что говор с. Перещепного и говор с. Краишева, являющиеся в своей основе южнорусскими, сохраняют в современном состоянии преимущественно южнорусские черты и типичные материнские особенности. Но говоры рассматриваемых сел, ранее идентичные, на современном этапе развития отличаются своими фонетическими особенностями. Говор с.Перещепного хранит больше архаичных черт, чем говор с.Краишева.

2.2. Грамматические особенности

Грамматические особенности говоров с. Перещепного и с. Краишева будут рассмотрены подробно по частям речи, что позволит системно представить материал.

2.2.1. Глагол

В говорах обоих сел сохраняются типичные южнорусские инфинитивы, оканчивающиеся на -ть, на месте литературного -ти. Ударение в инфинитивах падает на основы. По аналогии с такими глаголами как *класть, сесть, стричь* утвердились с этим же ударением (на основу) и другие глаголы: *наДа бЫла атнЕсть настЕль к жынихУ; стАли пухОвые шАли вЕсть; нОуи уУдум уудУть; вЕсть на быкАх (Прщ.); стульЯ наДа вЫнэсть; вЕсть хатЕли даликО; атнЕсть в ызбу наДа (Крш.).*

Возвратные глаголы как в говоре с. Перещепное, так и в говоре с. Краишево образуются добавлением частицы -сь (с) к глаголам, оканчивающимся на гласный: *мать с дядий вЫфчались шЫть пОльта, шубнякИ (Прщ.); чай-то утянУлись у кино; слихастИлись рибЯта пылубатИнки бризЕнтавыи купИли(Крш.).*

Но если глагол оканчивается на согласный (кроме [т]), то к глаголу добавляется частица -си на месте литературной -ся: *пайдОм спИшымси у сільсавЕте и ся свАдѣба; как жанИлси так и сѣ (Крш.); садИлси пад мАткой эт тОчна сватЫ; стыдИлси нЕцаво надЕть (Прщ.).*

Глаголы 3 лица единственного и множественного числа оканчиваются на [т] мягкий: *уаварять у нас эт бають; атнесуть настель к жыняху; пайдѣть к саседу (Прщ.); уудуть так-та; паѣть как салавей; иураить на уармошке (Крш.).* Это характерная черта для южнорусских говоров.

В говорах обоих сел глаголы в 1-м лице настоящего времени регулярно произносятся с переносом ударения на основу, и при этом, как правило, отсутствует чередование на стыке основы и окончания, характерное для литературного языка: *я ни брЕшу; вЕчырам малакА лью, дражжЭй пУстю тудА; шю накОрмю сю сялО; плацу, плацу йисть хОцу; прИду* (Прщ.), *пастАвю на стол; вАдю, астальнЫи перецатАюца и эти прЯцуца; ни пУстю такУю улУную* (Крш.).

Следовательно, наблюдается выравнивание основы в результате аналогического воздействия одних форм на другие путем устранения различия в ударении и чередования согласного. Такое совмещение постоянного ударения с отсутствием чередования в основе глагола характерно для мещерских говоров [Кудряшова, 1997, с. 32].

Данная особенность распространена в мещерских говорах Рязанской и Пензенской областей. Следовательно, сохраняется в говорах, как материнская, исконная черта.

Унификация окончаний глаголов 1-го и 2-го спряжений зафиксирована в говоре с. Перещепного: *насОдють нивЕсту; нОуи уУдам уудУть; ни лАдють сасЕди*.

Продуктивна замена приставки *пере-* на *пер-* у глаголов совершенного и несовершенного вида: *анИ сё пермалОли; из Яшыца сЫтим ф кАтю*[железный сосуд для взвешивания зерна]; *пирмятнОм и в ниё; таска эт чилавЕк пиржывАить ни спить, йисть пирстаётъ*.

Таким образом, рассмотрев основные особенности глагола говоров с.Перещепное и с.Крайшева, делаем вывод о том, что говоры сохраняют общие типичные черты, которые были выделены исследователями ранее: южнорусские инфинитивы, оканчивающиеся на –ть, возвратные глаголы с добавлением частицы -сь (с) к глаголам, оканчивающимся на гласный, и –си к глаголам, оканчивается на согласный (кроме [т]), глаголы 3 лица единственного и множественного числа оканчиваются на [т] мягкий.

Данные черты характерны для мешерских южнорусских говоров Рязанской и Пензенской областей [Бахилина, 1957, с. 249]. Еще одна материнская черта, которая характерна для мешерских говоров – перенос ударения у глаголов в 1-го лица настоящего времени на основу, с отсутствием чередования на стыке основы и окончания [Аванесов, 1940, с. 162] .

Следовательно, рассматриваемые перещепновский и краишевский говоры сохраняют в значительной степени на современном этапе развития исконные черты глагола.

2.2.2. Имя существительное

Существительные мужского рода в им. пад. имеют нулевое окончание (*сарахвАн, сундУк, назОм* (Крш.); *бальшАк, крух, вар* (Перещ)). В род.пад. – флексии – *а* и –*у* (*у жанихА; тавАра нёт; кипяткУ; сахаркУ* (Перещ); *дОма; нОжыка; назОму; сну* (Крш)). В дательном падеже – *у*. В винительном падеже – без окончания, либо флексии – *а(у)*. В тв. пад. – *ом(ам)* (*рубакОм рубИли; крЫшим нОжикам; пратапИли назОмам*(Крш); *касырОм выскрябАли; с сундукОм; с братЕльникам*(Перещ)). В предл. пад. – *е* и –*у* (*у сундукЕ; в Оцириде; у нОле* (Крш); *в варУ; на падУ; у зЫбке*(Перещ)).

Существительные среднего рода в большинстве случаев переходят в женский, поэтому парадигма склонения этих слов такая же как у существительных женского рода: *мать шЫла рОзаваю платья; халаднО сюврЕмя у нас; платья крЕпкая, ни худАя, дЫграф ни былО; бизабрАзия адна тварИца* (Прщ.) *тЕста ни крутАя далжна быть; Эткая мисИли тЕста; сУдняя акнО возли ниё абЕдали.* (Крш).

Лексикализованный переход среднего рода в мужской зафиксирован в селе Краишево: *весь утр наряжАли нивЕсту; дОлуий утр када дЕла нЕту; утр халОдной такой* (Крш.).

Переход среднего рода в женский, а также в мужской – это характерная черта для южнорусских говоров. Данная особенность зафиксирована в материнских рязанских и пензенских говорах [Сидоров, 1949].

Существительные женского рода 1-го склонения на –а,(–я) в родительном падеже единственного числа имеют окончание – е (чаще с предлогом у) и – ы: *у сестре, у жене, нет сестры, жаны*. [Кудряшова, 1997, с. 31]. В дательном и предложном падежах существительные женского рода на –а,(–я) имеют окончания – е(и): *жене, сестре, к снахе, к зямли, к маме*. В винительном падеже – флексия –у, а в творительном – ой(–ай): *кукушку, хрòсную, кукушкой, хрòснэй*.

Данная особенность характерна для мещерских рязанских и пензенских говоров. Следовательно, является типичной, исконной чертой рассматриваемых диалектов.

Существительные женского рода с нулевой флексией в именительном падеже имеют отличительные черты в парадигме склонения.

Существительные 3-го склонения приобретают при изменении формы 1-го склонения, в данном случае флексию –е в предложном падеже: *на падУ хлеб пикли у рУскай пицЕ; в двирЕ мОууть здЕлать; в урязЕ; у яркай шалЕ пашла; на лашадЕ ; на пицЕ*.

Учеными данные формы единогласно объясняются как результат аналогичного влияния слов жен. рода на – а. Однако формы на –е распространены в говорах неравномерно. Современные исследователи замечают связь флексии –е в 3-м склонении с местом и характером ударения. [Русская диалектология, 1972, с. 139]. Следовательно, флексия –е появляется в говорах обоих сел тогда, когда на нее падает ударение.

Данные формы характерны для мещерских пензенских и рязанских говоров. Следовательно, являются типичными, исконными для рассматриваемых говоров.

В именительном падеже существительные множественного числа как мужского, так и женского рода имеют окончание –ы(и) и –а: *тирауИ; курьшЫ; курьшАта; дама; шлЫчки; кУры*. Существительные среднего рода, в большинстве своем, имеют под ударением – а, без ударения –ы: *Окны; тиана*, но встречаются употребления окончания –а без ударения: *пОльта, кИна, малЕбства*.

В говоре с. Перещепного нами зафиксированы особенности образования формы множественного числа у некоторых существительных: с конечным ударным [а] на месте литературных [и] или [ы]: *тыквЯ растЮть у нас; писнякА пЕли – аш сО трьшЫть; уурЕц хвОстик на плитнЯ прикрипЛяща*.

В русских народных говорах флексия –а(-я) встречается значительно шире, чем в литературном языке, в мужском роде, проникает в женский род. Это свойственно южнорусским и некоторым среднерусским, а также северо-западным говорам. Флексия –а в женском роде прежде всего захватывает существительные 3-го склонения (ударение падает на окончание), но в очень небольшом количестве данная флексия –а известна и в 1-м склонении существительных в мещерских, пензенских, воронежских, псковских, курских, московских и др. говорах [Русская диалектология, 1972, с. 144].

Заметим, что в перещепновском говоре данная флексия –а под ударением распространена у существительных 1-го и 2-го типов склонения. Данная черта зафиксирована в материнских рязанских и пензенских говорах. Следовательно, является типичной, исконной для рассматриваемого говора.

В говорах обоих сел ряд существительных множественного числа образуются от основы единственного числа с прибавлением суффикса – j – к основе мн.ч. В этом случае в именительном падеже множественного числа отмечена как ударная флексия – а, так и безударная: *стульЯ, братьЯ, сватьЯ*.

В современных русских народных говорах такие формы возможны у существительных всех трех родов. По происхождению все эти образования не являются собственными формами множественного числа, они восходят к

формам именительного падежа единственного числа собирательных имен существительных [Русская диалектология, 1972, с. 144].

Рассмотренная особенность: образование существительных множественного числа с прибавлением суффикса – j – зафиксирована в материнских рязанских и пензенских говорах [Бахилина, 1957, с. 252].

В перещепновском и краишевском говорах в родительном падеже мн.ч у существительных не только мужского и среднего, но и женского рода частотна ударная флексия –ов(ей): *цвятОу; дамОу; пилОнкаф; скамьОф; сарахванОу; цырквЕй; ключЕй; дирившЕй*.

Р.И. Аванесов в мещерских говорах обнаружил любопытную закономерность в распределении флексий в родительном падеже женского рода: -ов/-ев наличествуют при ударении на основе, -ей- при ударении на окончании; нулевая флексия непродуктивна, хотя в литературном языке в женском роде эта флексия самая употребительная [Русская диалектология, 1972, с. 146]. Следовательно, в рассматриваемых говорах сохраняется типичная особенность существительных множественного числа родительного падежа - ударная флексия –ов(ей), характерная для материнских мещерских говоров.

В дательном, творительном и предложном падежах флексии – ам, (-ами, -ах) совпадают с формами литературного языка: *дЕйкам, з дЕйками, в дЕйках ;с твятОцками; с набОрами*.

В творительном падеже у существительных множественного числа употребляется флексия –ими: *дЕйкими; булАйкими; кухАйкими*.

В акающих говорах, где распространены окончания –ами/-ими, различие этих окончаний проявляется наиболее отчетливо только у существительных на заднеязычные согласные. Если они твердые, то окончание -ами, а если мягкие, то окончание –ими [Русская диалектология, 1989, с. 94].

Данные формы творительного падежа существительных, имеющих флексию –ими, перещепновского и краишевского говоров совпадают с

формами существительных говоров с. Ушинки, Б. Ижморы и М. Ижморы Пензенской области [Бахилина, 1957], а также говора с. Мелехова Рязанской области [Сидоров, 1949]. Следовательно, данная форма существительных творительного падежа сохраняется в рассматриваемых говорах как исконная черта.

Рассмотрев характерные особенности имени существительного для перещепновского и краишевского говоров, делаем вывод, что общие черты, выделенные исследователями ранее, сохраняются: существительные среднего рода в большинстве случаев переходят в женский, существительные женского рода 1-го склонения на –а,(–я) в родительном падеже единственного числа имеют окончание – е (чаще с предлогом у) и – ы, существительные 3-го склонения приобретают при изменении формы 1-го склонения, в данном случае флексию –е в предложном падеже, существительные в родительном падеже мн.ч всех родов имеют ударную флексию –ов(ей).

В экспедициях последних лет были зафиксированы следующие явления, о которых не говорилось ранее: в говорах обоих сел ряд существительных множественного числа образуются от основы единственного числа с прибавлением суффикса – j – к основе мн.ч. с ударной или безударной флексией – а; в родительном падеже мн.ч у существительных всех родов зафиксирована ударная флексия –ов(ей); в творительном падеже у существительных множественного числа употребляется флексия –ими. Переход среднего рода в мужской зафиксирован в селе Краишево, а в говоре с. Перещепного зафиксированы особенности образования формы множественного числа у некоторых существительных: с конечным ударным [а] на месте литературных [и] или [ы].

Результаты исследования показывают, что в образовании различных форм существительных перещепновский и краишевский говоры имеют много общих черт.

Из рассмотренных особенностей имени существительного в материнских и мещерских говорах зафиксированы следующие: переход среднего рода в женский и в мужской род; существительные женского рода 1-го склонения на – а, (-я) в родительном падеже единственного числа имеют окончание – е (чаще с предлогом у) и – ы; существительные 3-го склонения приобретают при изменении формы 1-го склонения, в данном случае флексию –е в предложном падеже; образования формы множественного числа у некоторых существительных: с конечным ударным [а] на месте литературных [и] или [ы]; существительных множественного числа образуются от основы единственного числа с прибавлением суффикса – j – к основе мн.ч.; в родительном падеже мн.ч у существительных всех родов частотна ударная флексия –ов(ей); в творительном падеже у существительных множественного числа употребляется флексия –ими. Следовательно, говоры сохраняют на современном этапе исконные черты, характерные для материнских и мещерских говоров.

2.2.3. Имя прилагательное

В именительном падеже мужского рода единственного числа прилагательные имеют флексию –ой (-ый, -ай), прилагательные среднего рода – ое: *халДуцкай прАзьник; набОрный край; тОнкай; никшОный рибОнак; худОе вядрО; брОшное поле.*

Окончание –ай у прилагательных мужского рода, как правило, безударное (на месте литературного –ий): *струцОк γОрькай был; балуАрскаяй; блИнцык тОнинькай; красИвай мальцонка; криклИвай рибОнак.*

Данные формы прилагательных характерны для материнских пензенских говоров [Бахилина, 1957, с. 252].

В родительном падеже – ова(-ева): *вОзли кирпИшнева; жОлтава цвЕта; крайИшкава тираγА; большОва дОма.* В дательном и творительном падежах

прилагательные имеют те же окончания, что и в литературном языке: *маладОму паринькУ; свамУ сасЕду; шырстянЫм платкОм; са ржанОй салОмай*. В предложном падеже мужского и среднего рода единственного числа – *ом(-ем,-ам)* и *-ым(-им)*: *в сухОм; в карИшнивам платкЕ; закрЫтам тирауЕ; у каким уадУ; в худЫм платкЕ*.

В именительном падеже единственного числа женского рода прилагательные имеют окончание – *ая*: *красИвая мать; карянАя падрУа; склИская трава; крЕпкая плАтя; мАнинькая шАпка*. В родительном, дательном, творительном и предложном падежах прилагательные женского рода единственного числа имеют флексии *-ой,(-ей,-ай)*: *нититОй вадЫ; мАлинькай лОжкай; с парОжний пасУдай*. В винительном падеже – флексию *-ую (аю)*: *тОнкую ткань; кирасИнываю лампу; в сИласную яму; рИсавую кАшу*.

Множественное число прилагательных именительного падежа имеет окончания *-ыя(-ые), -ьи*: *шУбныи пинжакИ; вЕтиныи трУжыники; пухОвыи шАли; пИсаныи цулкИ, прастЫи люди*. В косвенных падежах окончания прилагательных множественного числа имеют те же флексии, что и в литературном языке.

В говорах обоих сел встречаются односложные окончания прилагательных на месте литературных двусложных: *рУски аднИ зьдЕсь жывУть; набАим щас лИшня* (Прщ.); *падОм на красну уОрку – ат пасхи пЕрва васкрисЕнья* (Крш.). Данные формы не были зафиксированы учеными ранее. Р.И. Кудряшова говорит о том, что в говорах отсутствуют стяженные формы прилагательных [Кудряшова, 1997, с. 30].

Рассматриваемые формы прилагательных – это древние формы, которые застыли в диалектах, а в современном литературном языке перешли в полные и в краткой форме не сохранились. Эта черта характерна для говоров северновеликорусского наречия.

Данные формы имени прилагательного зафиксированы в материнских пензенских говорах.

Отмечены в говоре с.Перещепного случаи употребления особых форм прилагательных с суффиксом –им: *кАша сварИмая; сладИмая дЕлащца апАра; сладИмую апАру у хОрмушки*; а также образованное с этим же суффиксом наречие (видимо, производное от прилагательного): *шумЕть чэриз лИцность – эт ниуудИмо!*

Рассмотрев основные особенности имени прилагательного, получили следующие результаты. На современном этапе развития говора рассматриваемых сел, Перещепное и Краишева, сохраняют общие черты: в именительном падеже мужского рода единственного числа прилагательные имеют флексию –ой(-ый,-ай), прилагательные среднего рода – ое; в родительном падеже – ова(-ева); в дательном и творительном падежах прилагательные имеют те же окончания, что и в литературном языке; в предложном падеже мужского и среднего рода единственного числа – ом(-ем,-ам) и –ым(-им); в именительном падеже единственного числа женского рода прилагательные имеют окончание – ая; в родительном, дательном, творительном и предложном падежах прилагательные женского рода единственного числа имеют флексии –ой,(-ей,-ай); в винительном падеже – флексию –ую (аю); множественное число прилагательных именительного падежа имеет окончания –ья(-ые), –ьи; в косвенных падежах окончания прилагательных множественного числа имеют те же флексии, что и в литературном языке.

Были выявлены черты, не отмеченные исследователями ранее: в говорах обоих сел зафиксированы односложные окончания прилагательных на месте литературных двусложных; окончание –ай у прилагательных мужского рода, как правило, безударное (на месте литературного –ий); отмечены в говоре с.Перещепного случаи употребления особых форм прилагательных с суффиксом –им.

Выделим общие черты с материнскими мешчерскими диалектами: в именительном падеже мужского рода единственного числа прилагательные имеют флексию –ой(-ый,-ай), прилагательные среднего рода – ое; в родительном падеже – ова(-ева); в дательном и творительном падежах прилагательные имеют те же окончания, что и в литературном языке; в предложном падеже мужского и среднего рода единственного числа – ом(-ем,-ам) и –ым(-им); в именительном падеже единственного числа женского рода прилагательные имеют окончание – ая; в родительном, дательном, творительном и предложном падежах прилагательные женского рода единственного числа имеют флексии –ой,(-ей,-ай); в винительном падеже – флексию –ую (аю); множественное число прилагательных именительного падежа имеет окончания -ья(-ые), -ьи; в косвенных падежах окончания прилагательных множественного числа имеют те же флексии, что и в литературном языке; односложные окончания прилагательных на месте литературных двусложных.

Следовательно, перещепновский и краишевский говоры сохраняют на современном этапе типичные материнские особенности форм имени прилагательного. Перещепновский и краишевский говоры имеют идентичные формы склонения имени прилагательного. Единственная отличительная особенность, которая зафиксирована только в говоре с. Перещепного - употребления особых форм прилагательных с суффиксом –им.

2.2.4. Местоимение

В перещепновском и краишевском говорах личные местоимения 1-го и 2-го лица и возвратное в родительном и винительном падежах имеют формы *мене, тебе, себе и меня, тебя, себя*.

Следует отметить своеобразие форм личного (2-го) и возвратного местоимения дательного и предложного падежей с произношением [j] на месте [б]: *эт я сае купИла; курИть тае сОрак пАчэк купИла* (Прщ.) *та я на той нидЕли сае зУбы встАвила; они чавО хОчЕшь тае сдЕлаюуть; тае вАдить за нивО; на тае Маша штоп закОнчила*(Крш.)

В говоре с. Краишево используются энклитические формы местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в родительном, винительном мя, тя, которые были утрачены в с. Перещепном: *радИтили баславляли мя икОнай; у мя ни былО такОва; да нихтО тя ни трОнить; мя у пОле паслали; как тя закрУжит*(Крш.)

Особые формы местоимений *тае, сае* и энклитические по происхождению местоимения *–мя, –тя* характерны для материнских говоров Рязанской [Будде, 1896] и Пензенской областей [Бахилина, 1957].

Перещепновский и краишевский говоры сохраняют типичные, исконные формы местоимений характерные для материнских говоров. Энклитические формы местоимений *–мя, –тя* активно употребляются в говоре с. Краишево, а в говоре с. Перещепного утратились.

2.2.5. Частицы

В говорах обоих сел частотно употребление постпозитивной частицы *-ти* после любых частей речи. Это явление было отмечено ранее Р.И. Кудряшовой [Кудряшова, 1997].

В экспедициях последних лет было зафиксировано, кроме традиционной постпозитивной частицы *–ти*, употребление постпозитивных частиц *–та, –ту*, после любых частей речи.

После указательных местоимений: *ВитУшки такИми-ти парЕжышьи у тичЕ някли*. (Крш.)

После существительных: *Мух-ти та мнОуа у дОме.* (Крш.) *дЕйки-ти садИтись на стулья стайМА ни стОйтя.* (Прщ.)

После глаголов: *вадИцки пустИли-ти, муцЫцы всЫнали-ти и тЕста мисИли.* (Прщ.) *СкапИли –ти сЕно.* (Крш.)

Данная частица *-ти*, как и реже встречающиеся в говоре частицы *-та*, *-ту*, произошла из соответствующего указательно-выделительного местоимения. В диалектах древнерусские формы местоимений преобразовались в согласованные постпозитивные частицы.

Частицы *-та*, *-ту* согласуются в роде и падеже с предшествующим именем: *дЕтства-та мы йиё ни видАли* (Крш.); *кАша-та тиОная стаИть на тицЕ*; *итИть на Ульцу-ту* (Крш.)

В современных русских народных говорах обоих наречий постпозитивный элемент употребляется не только при именах (как это должно было быть в соответствии с «концепцией артикля»), но и при других частях речи, и выполняет функцию своеобразной выделительной, усилительной частицы [Русская диалектология, 1972, с. 250].

Рассмотренные постпозитивные частицы преимущественно употребляются в севернорусских и среднерусских говорах. Регулярное употребление этих частиц характерно для говора с. Краишево, а в с. Перещепное реже встречаются подобные конструкции.

Постпозитивные частицы отмечены в мещерских пензенских говорах [Гвоздев, 1925] и в говорах рязанской Мещеры [Будде, 1896].

Следовательно, постпозитивные частицы унаследованы краишевским и перещепновским говорами от материнских мещерских говоров Рязанской и Пензенской областей.

2.2.6. Предлоги

В говоре с. Перещепное и с. Краишево используется особая синтаксическая модель для образования названий игр: предлог *по* + винительный падеж слова, называющего игру (*по клёк, по застукалки, по слепому козлу, по беуалки, по красочки, по цыкалки*): *на застУкалки иурАли, эт прЯтки; у мец на бЕуалки иурАли; на крАски иурАли, цветА назывАли: прБгуали, цЫкали, крыцАли.*

В литературном языке этой модели соответствует модель с предлогом *в*: *в прятки, в догонялки* и т.п.

В других русских говорах не был найден аналог употребления предлога *по* с существительным в винительном падеже. Следовательно, данная особенность является уникальной.

Следующая особенность – употребление предлога *край* в синтаксических конструкциях обоих говоров: *край миня сидять с талкУшками раскАтками* (Прщ.); *мы с нОм мурИли палтарА үОда у нас край дварА сидЕли* (Крш.).

Лексема *край* в рассматриваемых нами говорах употребляется в функции предлога, соответствующая литературным *возле, около, рядом*.

В МАС зафиксировано следующее значение: КРАЙ – предлог с род. п., с пометой *устар.* и *прост.* в значении ‘возле, около, по краю’ [МАС, т. 2, с. 119].

Если в литературном языке этот предлог функционирует как устаревший, то в говорах обоих сел он активно употребляется в речи местных жителей.

В мещерских говорах Пензенской области употребляется предлог *край* [Бахилина, 1957, с. 244].

В перещепновском говоре нами была зафиксирована синтаксическая конструкция, не отмеченная ранее при исследовании описываемых говоров: *пойти на (детей): пашла я на двух дитЕй* ‘вышла замуж за человека,

имеющего от предыдущего брака детей'. Конструкция не имеет аналога ни в литературном языке, ни в других говорах, следовательно, является уникальной, характерной только для перещепновского говора.

Несмотря на то, что местные жители осознают отличие своей речи от литературной, стесняются вести беседы с приезжими людьми, в говоре сохранились не только свои фонетические, но и исконные грамматические черты.

Таблица № 3. «Грамматические особенности говоров сел Перещепного и Краишева».

с. Перещепное	с. Краишево
типичные особенности, отмеченные исследователями ранее	
<ul style="list-style-type: none"> • типичные южнорусские инфинитивы, оканчивающиеся на -ть, на месте литературного –ти: <i>атиЕсть настЕль, шАли вЕсть, худУть;</i> • образование возвратных глаголов с добавлением частицы –сь (с) к глаголам, оканчивающимся на гласный, если глагол оканчивается на согласный (кроме [т]), то к глаголу добавляется частица -си на месте литературной -ся: <i>вЫфчались, даждАлись, вирнулись, садИлси, стыдИлся;</i> • глаголы 3 лица единственного и 	<ul style="list-style-type: none"> • типичные южнорусские инфинитивы, оканчивающиеся на -ть, на месте литературного –ти: <i>вЫнэсть, атиЕсть, плЕсть;</i> • образование возвратных глаголов с добавлением частицы –сь (с) к глаголам, оканчивающимся на гласный, если глагол оканчивается на согласный (кроме [т]), то к глаголу добавляется частица -си на месте литературной -ся: <i>утянУлись, слыхастИлись, привирнулИсь, жанИлси, спИшимси;</i> • глаголы 3 лица единственного и

<p>множественного числа оканчиваются на [т] мягкий: <i>бають эт уаварять</i>;</p> <ul style="list-style-type: none"> • перенос ударения у глаголов 1 л. ед.ч. на основу: <i>брЕшу, накОрмю, пУстю</i>; • переход существительных среднего рода в женский: <i>худая вядро, пЛатья крЕпкая, бизабрАзия аднА</i>; • существительные жен.рода на -а, -я в родительном падеже единственного числа имеют окончание -е и -ы: <i>у сестре, к жене, нет сястры, жаны</i>; • образование множественного числа у существительных посредством суффикса -j- : <i>стульЯ, сватьЯ, братьЯ</i>; • личные местоимения 1-го и 2-го лица и возвратное в родительном и винительном падежах имеют формы мене, тебе, себе и меня, тебя, себя; 	<p>множественного числа оканчиваются на [т'] мягкий: <i>пайдётъ, иураить на уармошки</i>;</p> <ul style="list-style-type: none"> • перенос ударения у глаголов 1 л. ед.ч. на основу: <i>прИду, хОцю, хОдю</i>; • переход существительных среднего рода в женский и мужской род: <i>весь утр, тЕста ни крутАя</i>; • существительные жен.рода на -а, -я в родительном падеже единственного числа имеют окончание -е и -ы: <i>у сестре, к жене, нет сястры, жаны</i>; • образование множественного числа у существительных посредством суффикса -j- : <i>платьЯ, вастАнья, вазнисЕнья</i> ; • личные местоимения 1-го и 2-го лица и возвратное в родительном и винительном падежах имеют формы мене, тебе, себе и меня, тебя, себя; • особые формы местоимений 2-го лица и
--	--

<ul style="list-style-type: none"> • особые формы местоимений 2-го лица и возвратного местоимения в дательном и предложном падежах с произношением [j] на месте [б] (тае, сае): <i>эт я сае купила, тае на память;</i> • употребление постпозитивной частицы –ти после любых частей речи: <i>дейки-ти, дроф-ти, жили-ти, такие-ти.</i> 	<p>возвратного местоимения в дательном и предложном падежах с произношением [j] на месте [б] (тае, сае) и энк: <i>тае налила, сае зубы вставила;</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • энклитические формы местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в родительном и винительном падежах: <i>мя, тя: мя баславляли иконай, тя наОрмю;</i> • употребление постпозитивной частицы –ти после любых частей речи: <i>зубоф-ти нет, тетки-ти, между нами-ти.</i>
<p>особенности, не отмеченные ранее</p>	
<ul style="list-style-type: none"> • образования формы множественного числа у некоторых существительных – с конечным ударным [а] на месте литературных [и] или [ы]: <i>тыквЯ, плетнякА, тиснякА;</i> • окончание –ай у прилагательных мужского рода независимо от места ударения (в том числе на месте литературного –ий): <i>γОркай, балγарскай струцок, блИнцык тОнинкай;</i> 	<ul style="list-style-type: none"> • частицы - та, - ту, которые согласуются в роде и падеже с предшествующим именем: <i>ульцу-ту, дейка-та, дЕтства-та.</i>

<ul style="list-style-type: none"> • унификация окончаний глаголов 1-го и 2-го спряжений: <i>насОдють, уЛянуть, уудуть;</i> • частицы - та, - ту, которые согласуются в роде и падеже с предшествующим именем: <i>ульцу-ту, ноц-та, пецка-та;</i> • употребление предлога по с существительным в винительном падеже в названиях игр: <i>по застукалки, по беуалки, по слепому казлу;</i> • употребление предлога край: <i>край двара сидели, край миня, край сила</i> 	
общие с говорами рязанской Мещеры	
<ul style="list-style-type: none"> • существительные женского рода на –а образуют р.п. с окончанием –е; • образование множественного числа у существительных посредством суффикса –j- ; • переход сущ. среднего рода в женский; • флексии –ов,-ей у существительных множ.числа в р.п. • перенос ударения у глаголов 	<ul style="list-style-type: none"> • существительные женского рода на –а образуют р.п. с окончанием –е; • образование множественного числа у существительных посредством суффикса – j- ; • переход сущ. среднего рода в женский; • перенос ударения у

<p>1 л. ед.ч. на основу;</p> <ul style="list-style-type: none"> • мягкий [т] у глаголов 3 лица; • особые формы местоимений тае, сае; • постпозитивные частицы – та, ту, ти. 	<p>глаголов 1 л. ед.ч. на основу;</p> <ul style="list-style-type: none"> • мягкий [т] у глаголов 3 лица; • особые формы местоимений тае, сае; • постпозитивные частицы –та, ту, ти.
<p>общие с мещерскими говорами Пензенской области</p>	
<ul style="list-style-type: none"> • существительные мужского и женского рода имеют аналогичную парадигму склонения; • существительные среднего рода переходят в женский; • существительные 3-го склонения приобретают при изменении формы 1-го склонения; • образования формы множественного числа у некоторых существительных с конечным ударным [а] на месте литературных [и] или [ы]; • существительные множественного числа образуются путем прибавления суффикса – j – к основе мн.ч.; 	<ul style="list-style-type: none"> • существительные мужского и женского рода имеют аналогичную парадигму склонения; • существительные среднего рода переходят в женский, отмечены единичные случаи перехода среднего рода в мужской; • существительные 3-го склонения приобретают при изменении формы 1-го склонения; • образования формы множественного числа у некоторых существительных с конечным ударным [а] на месте литературных [и] или [ы]; • существительные множественного числа

<ul style="list-style-type: none"> • местоимения тае, сае; • глаголы 3-го лица единственного и множественного числа оканчиваются на [т] мягкий; • глагольные формы 1-го лица единственного числа произносятся с переносом ударения с окончания на основу; • возвратные формы глагола образуются путем присоединения к глаголу частицы –ся, -си, -сь; • употребление предлога <i>край</i> 	<p>образуются путем прибавления суффикса – j – к основе мн.ч.;</p> <ul style="list-style-type: none"> • местоимения тае, сае, мя, тя; • глаголы 3-го лица единственного и множественного числа оканчиваются на [т] мягкий; • глагольные формы 1-го лица единственного числа произносятся с переносом ударения с окончания на основу; • возвратные формы глагола образуются путем присоединения к глаголу частицы –ся, -си, -сь.
---	---

Говоры с. Перещепное и с. Крайшево в современном состоянии сохраняют грамматические черты, которые были отмечены исследователями ранее - типичные южнорусские инфинитивы, оканчивающиеся на *-ть*, на месте литературного – *ти*; образование возвратных глаголов с добавлением частицы *-сь* (*с'*) к глаголам, оканчивающимся на гласный; переход существительных среднего рода в женский; особые формы местоимений 2-го лица и возвратного местоимения в дательном и предложном падежах с

произношением [j] на месте [б] (*тае, сае*); употребление постпозитивной частицы *-ти* после любых частей речи.

По материалам экспедиций 2009 – 2011 гг., были выделены следующие особенности, о которых не говорилось в исследованиях прошлых лет. Особенности с. Перещепного: образования формы множественного числа у некоторых существительных – с конечным ударным [а] на месте литературных [и] или [ы]; окончание *-ай* у прилагательных мужского рода независимо от места ударения (в том числе на месте литературного *-ий*); унификация окончаний глаголов 1-го и 2-го спряжений. Особенности с. Краишева (единичные случаи зафиксированы в говоре с. Перещепное): энклитические формы местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в родительном и винительном падежах: *мя, ты*; частицы *- та, - ту*, которые согласуются в роде и падеже с предшествующим именем.

В обоих говорах, мы наблюдаем черты, характерные для рязанских мещерских говоров: существительные женского рода на *-а* образуют р.п. с окончанием *-е*; образование множественного числа у существительных посредством суффикса *-ј-*; флекции *-ов,-ей* у существительных множественного числа в родительном падеже; переход сущ. среднего рода в женский; перенос ударения у глаголов 1 л. ед.ч. на основу мягкий [т'] у глаголов 3 лица; особые формы местоимений *тае, сае*; постпозитивные частицы.

Грамматические особенности перещепновского и краишевского говоров имеют очень большую схожесть с материнскими мещерскими говорами Пензенской области: существительные мужского и женского рода имеют аналогичную парадигму склонения; существительные среднего рода переходят в женский, отмечены единичные случаи перехода среднего рода в мужской; существительные 3-го склонения приобретают при изменении формы 1-го склонения; образования формы множественного числа у некоторых существительных – с конечным ударным [а] на месте

литературных [и] или [ы]; существительных множественного числа образуются путем прибавления суффикса – j – к основе мн.ч.; местоимения тае, сае, мя, тя; глаголы 3-го лица единственного и множественного числа оканчиваются на [т] мягкий; глагольные формы 1-го лица единственного числа произносятся с переносом ударения с окончания на основу; возвратные формы глагола образуются путем присоединения к глаголу частицы –ся, -си, -сь.

Говоры обоих сел в современном состоянии сохраняют материнские особенности, характерные для говоров рязанской Мещеры и мещерских пензенских говоров. Кроме того, говор с. Перещепного и с. Краишева сохраняют в своей основе общие черты, которые являются традиционными для выделенного ранее перещепновско-краишевского говора (см. работы Л.М. Орлова, Р.И. Кудряшовой). Опираясь на материалы экспедиций прошлых лет, отметим, что на современном этапе, на грамматическом уровне, говор с. Перещепного содержит больше архаических диалектных черт, чем говор с. Краишево. По-видимому, это является результатом большей языковой изолированности перещепновского говора от влияния других говоров и литературного языка.

ВЫВОДЫ

1. В говоре обоих сел сохраняются традиционные фонетические особенности: аканье, яканье; цоканье; произношение долгих твердых шипящих [ж], [ш] на месте литературных мягких; произношение фрикативного [γ], оглушающегося в [x]; произношение [и] на месте [а] второго предударного слога в начале слова; [ў]-неслоговой на месте [в]; произношение [j] на месте [ф']; замены [ф] на [x]).

2. В говоре обоих сел сохраняются традиционные грамматические особенности: типичные южнорусские инфинитивы, оканчивающиеся на –ть, на месте литературного – ти; образование возвратных глаголов с добавлением частицы –сь (с) к глаголам, оканчивающимся на гласный; переход существительных среднего рода в женский; особые формы местоимений 2-го лица и возвратного местоимения в дательном и предложном падежах с произношением [j] на месте [б] (тае, сае); употребление постпозитивной частицы –ти после любых частей речи.

3. Фонетические особенности, не отмеченные диалектологами ранее: в говоре с. Перещепного – лексикализованный переход ударного [а] между мягкими согласными в [е] в слове мяч; явление, связанное с принципом восходящей звучности: вставка гласного звука между согласными; произношение на месте мягкого литературного [ш'] сочетания твердых звуков [шч]; процесс диссимиляции звуков; выпадение звука [в] в начале слова; полная редукция начального гласного [и]; сочетания звуков [шн] на месте [чн]; смешение [р] и [р']. В говоре с. Краишева – выпадение звука [в] в начале слова; наблюдается полная редукция начального гласного [и]; сочетания звуков [шн] на месте [чн]; смешение [р] и [р'], которые являются общими для рассматриваемых говоров.

4. Грамматические особенности, не отмеченные диалектологами ранее, в говоре с. Перещепного: образования формы множественного числа у

некоторых существительных с конечным ударным [а] на месте литературных [и] или [ы]; окончание –ай у прилагательных мужского рода независимо от места ударения (в том числе на месте литературного –ий); унификация окончаний глаголов 1-го и 2-го спряжений. В говоре с. Краишева (единичные случаи зафиксированы в говоре с. Перещепное) – энклитические формы местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в родительном и винительном падежах: *мя, тя*; частицы - *та, - ту*, которые согласуются в роде и падеже с предшествующим именем.

5. Говоры обоих сел в современном состоянии сохраняют материнские особенности, характерные для говоров рязанской Мещеры и мещерских пензенских говоров на фонетическом уровне: яканье; цоканье; произношение [и] в начале слова на месте [а]; переход в позиции под ударением [а], между мягкими согласными, в [е]; переход ударного [а] между мягкими согласными в [о]; особое произношение свистящих мягких согласных [з', с']; твердость долгих шипящих [ж], [ш]; выпадение звука [в] в начале слова; переход [к] в [х]; полная ассимиляция в сочетании «шипящая+свистящая»; произношение [j] на месте [ф']; замена [ф] на [х], [хв]; «смещение» в произношении [р] и [р]; переход [в] в [ў] либо в [у]-слоговое. На грамматическом уровне: существительные мужского и женского рода имеют аналогичную парадигму склонения; существительные среднего рода переходят в женский, отмечены единичные случаи перехода среднего рода в мужской; существительные 3-го склонения приобретают при изменении формы 1-го склонения; образования формы множественного числа у некоторых существительных с конечным ударным [а] на месте литературных [и] или [ы]; существительных множественного числа образуются путем прибавления суффикса – j – к основе мн.ч.; местоимения *тае, сае, мя, тя*; глаголы 3-го лица единственного и множественного числа оканчиваются на [т] мягкий; глагольные формы 1-го лица единственного числа произносятся с

переносом ударения с окончания на основу; возвратные формы глагола образуются путем присоединения к глаголу частицы *-ся, -си, -сь*.

6. **Общие фонетические** особенности для перещепновского и краишевского говоров: переход ударного [а] в [о]; произношение [и] на месте [а] в начале слова; произношение фрикативного [γ], оглушающегося в [х]; переход [в] (и в качестве предлога или приставки, и в середине слова) в [ў], а на месте [в] начале слова перед согласным обычно является [у]; произношение [j] на месте [ф']; замена звука [ф] на [х], [хв]; переход [к] в [х], исключительно, в словах с корнем – крест; долгие твердые шипящие [ш], [ж] на месте литературных мягких.

7. **Общие грамматические** особенности для перещепновского и краишевского говоров: типичные южнорусские инфинитивы, оканчивающиеся на *-ть*, на месте литературного – *ти*; образование возвратных глаголов с добавлением частицы *-сь* (с) к глаголам, оканчивающимся на гласный; глаголы 3-го лица единственного и множественного числа оканчиваются на [т] мягкий; глагольные формы 1-го лица единственного числа произносятся с переносом ударения с окончания на основу; переход существительных среднего рода в женский; существительные 3-го склонения приобретают при изменении формы 1-го склонения; существительных множественного числа образуются путем прибавления суффикса – *j* – к основе мн.ч.; особые формы местоимений 2-го лица и возвратного местоимения в дательном и предложном падежах с произношением [j] на месте [б] (*тае, сае*); употребление постпозитивной частицы *-ти* после любых частей речи.

8. На современном этапе развития архаических черт, характерных для мещерских диалектов, больше на фонетическом уровне в говоре с. Перещепного (твердое цоканье, лексикализованный переход ударного [а] в [е], особое «шепелявое» произношение свистящих мягких согласных [з', с'], полная ассимиляция в сочетании «шипящая+ свистящая»), а в говоре с.

Краишева архаические черты претерпевают изменения, переходят в другие звуки, реже употребляются в речи местных жителей, либо совсем утрачиваются (твердое цоканье слышится очень редко, лишь в единичных случаях, а на месте литературного мягкого [ч] слышится твердый звук [ч], а такие черты как «шепелявое» произношение свистящих мягких согласных [з', с'], полная ассимиляция в сочетании «шипящая+ свистящая» совсем утратились). Типы яканья у рассматриваемых говоров разные: в перещепновском говоре – умеренное яканье, а в краишевском говоре – умеренно-ассимилятивное.

9. На современном этапе развития на грамматическом уровне перещепновский и краишевский говоры сохраняют общие типичные особенности, за исключением некоторых: образования формы множественного числа у существительных с конечным ударным [а] на месте литературных [и] или [ы]; окончание *-ай* у прилагательных мужского рода независимо от места ударения (в том числе на месте литературного *-ий*), которые хранит говор с.Перещепное, а в говоре с.Краишева данных черт не обнаружено. Но в говоре с. Краишева сохранились энклитические местоимения *-мя, ты*, а в говоре с. Перещепное утратились.

Утратилась характерная для перещепновско-краишевской группы особенность, зафиксированная Л.М. Орловым, произношение мягких согласных [т] и [д] с свистящим призвуком.

10. Говор с. Перещепного и говор с. Краишева, являющиеся в своей основе южнорусскими мешчерскими, сохраняют в современном состоянии преимущественно южнорусские черты и типичные материнские особенности. Но говоры рассматриваемых сел, ранее идентичные на всех языковых уровнях, на современном этапе развития имеют расхождение на фонетическом уровне: говор с. Перещепного хранит больше архаичных черт, чем говор с. Краишева. А на грамматическом уровне сохраняют общие традиционные черты, за исключением единичных особенностей.

ГЛАВА III. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОСТРОВНЫХ ЦОКАЮЩИХ ГОВОРОВ С. ПЕРЕЩЕПНОГО И С. КРАИШЕВА: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Говоры сохраняют в себе то, что было характерно для русского языка в разные периоды его развития. Именно в народных говорах бытуют языковые черты, отражающие быт и нравы разных периодов жизни русского человека. Диалекты русского языка постоянно претерпевают воздействие литературного языка, что постепенно приводит к изменениям в диалектной системе. У самих носителей диалекта может сформироваться негативное отношение к своему языку, желание его исправить, приблизить к литературным нормам. Подобное явление проявляется в с. Перещепном и в с. Краишево: носители цокающих говоров стыдятся своего нелитературного произношения. Они понимают, что говорят отлично от других, и стараются говорить правильно. В данной главе будут подробно рассмотрены лексические особенности современного состояния говоров с. Перещепного и с. Краишева Волгоградской области. Исследуемый лексический материал распределен нами по тематическим группам. Изучение лексики по тематическим группам позволит более полно раскрыть весь объем значений и связей слов.

В русском языке представлено значительное количество диалектных слов, служащих для наименования местных предметов, которые на другой территории не встречаются. Однако немало и таких областных слов, которые называют широко распространенные предметы, явления и действия.

Помимо собственно диалектных лексем в данное исследование включены единицы этнографического содержания, характеризующие быт, традиции, духовную и материальную культуру жителей сел Перещепного и Краишева. Подобный подход отмечается в других диалектологических исследованиях. Так, в «Словарь донских говоров Волгоградской области» включены слова, не имеющие пометы *областное* в словарях литературного

языка, но генетически восходящие к донской лексике и отражающие специфику местной жизни [СДГВО, 2011, с. 12]. Кроме того, каждое рассмотренное слово было проверено по «Словарю русских народных говоров» (СРНГ), «Словарю донских говоров Волгоградской области» (СДГВО) и «Словарю русских народных говоров рязанской Мещеры» (СРНГРМ), чтобы сопоставить семантику и выявить территорию бытования той или иной лексической единицы. Данный сопоставительный анализ позволит выявить взаимовлияние рассмотренных диалектов, литературного языка и других русских говоров, а также установить особенности лексической системы островных территориально изолированных цокающих говоров Волгоградской области.

Лексический материал, собранный в экспедициях 2009–2011 гг., был распределен по следующим тематическим группам: 1) названия дома, его внутреннего убранства, двора и его частей; 2) названия орудий труда и предметов, связанных с бытом; 3) названия растений, животных и природных явлений; 4) лексика народного костюма; 5) названия изделий из теста и других блюд; 6) обрядовая лексика; 7) названия игр и развлечений; 8) термины родства.

3.1 Названия дома, его внутреннего убранства, двора и его частей говора с. Перещепного

Дом представляется одним из главных понятий в жизни человека. Оно включает в себя представления о доме не только как о жилище, но и о семье, о хозяйстве, т.е. охватывает всю бытовую сферу жизни человека.

В перещепновском говоре нет собственно диалектного названия жилого помещения и двора. Для номинации используются литературные названия

дом, изба, двор: у дОме сё чысто; у нявО крайний дом на Ульце-та; атнЕсть в Ызбу нАда; край дварА сидели.

Собственно диалектными являются названия, характеризующие части дома и его внутреннее убранство: вдоль наружных стен избы расположен *отлив* ‘завалинка’. Внутри дома, сразу при входе, расположен *мост* ‘сени, коридор’. Данная лексическая единица широко распространена с подобным значением в других русских говорах: в говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 1, с. 233], в пензенских, московских, тверских, тульских, калужских, смоленских, орловских, воронежских, тамбовских [СРНГ, вып. 18, с. 287]. Название комнаты в рассматриваемом говоре – *тяплУшка* ‘комната в доме’. Данная лексическая единица с тем же значением употребляется в донских говорах [СДГВО, 2011, с. 588]. Внутри дома на потолке располагается перекладина *мАтка* (*мАтка д’Оржыт д’Оски*). С подобным значением данная лексема распространена в других русских говорах: в говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 1, с. 222], в пензенских, казанских, нижегородских, владимирских, рязанских, московских, новгородских, архангельских, воронежских, донских [СРНГ, вып. 18, с. 31]. В говоре с. Перещепного существует другое название перекладины на потолке: *поперЕшник*, которое не зафиксировано в словарях, т.е. является уникальным, характерным только для перещепновского говора. Необходимым устройством в крестьянской избе является *пецка*, так произносят жители с. Перещепного, а маленькую печь в доме именуют *галАнка*. Такое название употребляется в других русских говорах [СРНГ, вып. 6, с. 105].

Были зафиксированы собственно-диалектные названия мебели в доме: *зЫбка* ‘детская колыбель’ (*дит’Ей катали у зЫбк’е*). С тем же значением, что и в перещепновском говоре, *зЫбка* употребляется в других русских говорах: в говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 1, с. 148], в ярославских, тверских, новгородских [СРНГ, вып. 12, с. 30], в донских [СДГВО, 2011, с. 212]. Следующее название спальной мебели – *кОйка* ‘железная кровать’. Данная

лексическая единица с тем же значением употребляется в архангельских, пермских, уральских, донских говорах [СРНГ, вып. 14, с. 84]. Другие названия предметов мебели: *палАти* ‘высокая полка в доме’, употребляется с тем же значением в костромских, вологодских и нижегородских говорах [СРНГ, вып. 29, с. 36]; *посУдник* ‘шкаф для посуды’, употребляется в воронежских, донских, астраханских, владимирских, ивановских говорах с тем же значением, что и в перещепновском говоре [СРНГ, вып. 30, с. 248]. На пол стелили *пастИлки* ‘половики’ (*пастИлки ткАлиис стАрых шибалкОф рвАли и ткАли; пастИлки на пол стилИли*). Данная лексическая единица не зафиксирована в словарях, т.е. употребляется, по-видимому, только в данном говоре.

Хозяйственные постройки именуется в перещепновском говоре следующим образом: *омшАник* ‘утепленное помещение для зимовки пчел’, с подобным значением лексическая единица встречается в донских говорах [СДГВО, 2011, с. 385]; *гумно* ‘помещение, где хранилось зерно’, в других русских говорах: суздальских, владимирских, пермских, вологодских распространена данная лексическая единица, но в ином значении ‘сарай для хранения или молотбы хлеба’ [СРНГ, вып. 7, с. 230]; *родИлка* ‘помещение для отела коров’, с тем же значением зафиксирована в свердловских говорах [СРНГ, вып. 35, с. 131]; *самадЕлкавая мЕльница* ‘мельница, изготовленная в домашних условиях’ (*самадЕлквая мЕльница эт у вёрхУ Эткай крух*); *погрЕбица* ‘помещение над погребом’, с аналогичным значением данная лексема употребляется в донских, орловских, воронежских, смоленских, тульских, пензенских, калужских говорах [СРНГ, вып. 27, с. 312].

Названия частей двора, села и окрестных дорог в говоре с Перещепном следующие: *гурешник* ‘огород’, с тем же значением лексема употребляется в смоленских, новосибирских говорах [СРНГ, вып. 22, с. 365]; *кургашиИ* ‘пустое место земли, где собиралась молодёжь’, употребляется с подобным значением в саратовских говорах [СРНГ, вып. 16, с. 115]; *арЫк* ‘дорога,

прорытая в снегу»; *большАк* 'широкая дорога' (*большАк* *эт дарОуа* *на какОй трАнспарт часто Ездит*); *шляк* 'узкая дорога' (*шляк* *эт дарОуа памЕньшэ в стОрану*). С подобным значением, что и в перещепновском говоре, лексические единицы *арык*, *большак*, *шляк* не зафиксированы в словарях, то есть функционируют только в данном говоре.

В тематической группе «Названия дома, его внутреннего убранства, двора и его частей говора с. Перещепного» было рассмотрено 24 лексических единиц, три из которых литературные. В Словаре русских народных говоров зафиксировано 10 лексических единиц, употребляемых с тем же значением, что и в говоре с. Перещепного, в других русских говорах. В Словаре русских народных говоров Рязанской Мещеры зафиксировано 3 лексические единицы с аналогичным значением: *мост*, *матка*, *зыбка*. В Словаре донских говоров Волгоградской области зафиксировано 3 лексические единицы: *омшаник*, *теплушка*, *зыбка*. Из всех рассмотренных лексических единиц восемь лексем являются уникальными, т.е. не зафиксированными в диалектных словарях с тем же значением.

Приведем результаты процентного соотношения лексических единиц данной тематической группы

Диаграмма № 1. «Названия дома, его внутреннего убранства, двора и его частей говора с. Перещепного».

Из полученных данных видно, что 66% из рассмотренных лексических единиц употребляются с тем же значением, что и в перещепновском говоре в других южнорусских, севернорусских и среднерусских диалектах. Одинаковое количество лексем по 12% распространено в материнских говорах рязанской Мещеры и соседних донских говорах. Кроме того, в данной тематической группе значительный процент (34%) занимает уникальная лексика. Следовательно, в перещепновском говоре сохраняются самобытные наименования, входящие в группу «Названия дома, его внутреннего убранства, двора и его частей говора с. Перещепного», но в большинстве своем распространена общерусская, общедиалектная лексика.

В говоре с. Краишева так же, как и в перещепновском говоре, нет собственно диалектного названия жилого помещения и двора. Используются литературные названия *дом, изба, двор: с ним дом купили; у Избе тепло, харашо; мурили с ним палтара уОда край двара сидели.*

Собственно диалектными являются названия, характеризующие части дома и его внутреннее убранство: *пристУпки* ‘крыльцо’ (как ступил на *пристУпки* так уже крицЬить). В краишевском говоре имеется три наименования такой части дома, как коридор, хотя все они отличаются

оттенками значений: *мост*, *лЕдвинь* и *цулАн*: *мост* ‘сени, коридор’ (*на мост пашёл умываца*), данная лексема распространена с тем же значением, что и в краишевском, в говоре рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 1, с. 233], в рязанских, тверских, московских, тульских, калужских, смоленских, орловских, воронежских, тамбовских, пензенских говорах [СРНГ, вып. 18, с. 287]; *лЕдвинь* ‘помещение для хранения продуктов’ (*эт халОдный каридОр там прадУкты хранились*), данная лексическая единица не зафиксирована в словарях, следовательно, является уникальной для данного говора; *цулАн* ‘помещение, служащее кладовой’, данная лексема *чулан* распространена в говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 2, с. 239] и донских говорах с подобным значением [СДГВО, 2011, с. 662]. Следующее наименование части дома - *клетка* ‘летняя спальня’, которое употребляется в мещерских [СРНГРМ, т. 1, с. 171], воронежских, рязанских говорах с тем же значением [СРНГ, вып. 13, с. 284], что и в краишевском говоре.

В с. Краишево, как и в с. Перещепном в домах топились *пеца*, которую еще называли *галАнка* ‘маленькая печь’. Данное наименование распространено в нижегородских говорах [СРНГ, вып. 6, с. 105].

Из названий предметов мебели была зафиксирована *зЫбка* ‘детская люлька, подвязываемая к потолку’, которая распространена в говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 1, с. 148], в ярославских, тверских, новгородских [СРНГ, вып. 12, с. 30] и донских говорах [СДГВО, 2011, с. 212], а также *брус* ‘полка для посуды’. Данная лексема бытует с подобным значением в калужских, пензенских, челябинских, новосибирских говорах [СРНГ, вып. 3, с. 204]. Окно, у которого находился обеденный стол, именуется в краишевском говоре *сУднее окно* (*сУдняя акнО вОзли ниво абЕдали*). Подобное наименование не зафиксировано в словарях, но в донских говорах употребляется лексическая единица *судняя лавка* ‘лавка для посуды и продуктов, стоявшая обычно около печи’ [СДГВО, 2011, с. 294]. Следовательно, *суднее*, это то, что связано с посудой и пищей. Можем

предположить, что *суднее окно* у краишевцев могло служить местом, на которое ставилась посуда или какие-то продукты.

Хозяйственные постройки в краишевском говоре именуется: *котУх* ‘помещение для домашних животных’, с подобным значением данная лексема употребляется в рязанских, московских, тульских, липецких, воронежских, пензенских, тамбовских, донских, краснодарских говорах [СРНГ, вып. 15, с. 114]; *сЕяница* ‘помещение для хранения зерна’ (*мукУ пашинО хранИли ф сЕянице*), данная лексема распространена в говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 2, с. 154]; *предбАнник* ‘помещение перед входом в баню’, в материнских говорах рязанской Мещеры данное значение имеет лексема *прибанник* [СРНГРМ, т. 2, с. 100]; *творИло* ‘вход в погреб’, с подобным значением лексема распространена в донских говорах [СДГВО, 2011, с. 586].

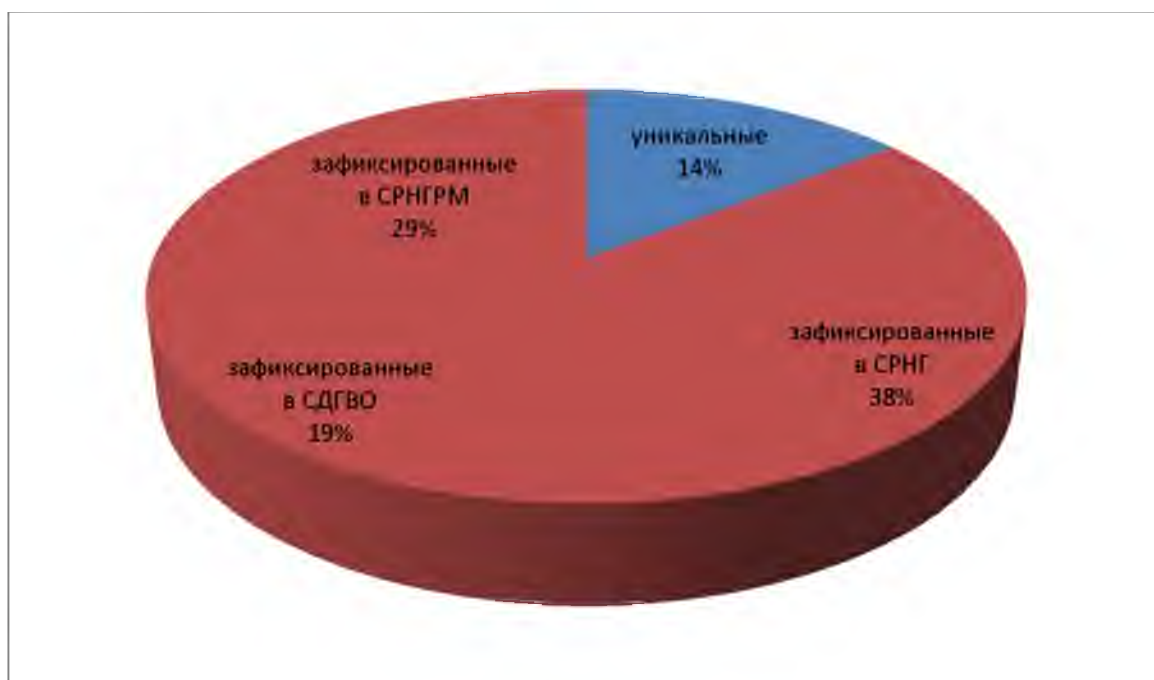
Такая часть двора, как огород, в краишевском говоре именуется *огурЕшник* (*у ауурЕшнике у нас ауурьцЫ, памидОры, капУста – фсЕ вОдныи культУры*). Данная лексема употребляется с подобным значением в смоленских, новосибирских говорах [СРНГ, вып. 22, с. 365]. Огород у краишевцев окружен *городьбой* ‘изгородью’. Данная лексема употребляется в красноярских говорах с таким же значением [СРНГ, вып. 7, с. 63].

В тематической группе «Названия дома, его внутреннего убранства, двора и его частей говора с. Краишева» было рассмотрено 19 лексических единиц, четыре из которых литературные (*дом, изба, двор, печка*). В Словаре русских народных говоров зафиксировано 8 лексических единиц, употребляемых с тем же значением, что и в говоре с. Перещепного. В Словаре русских народных говоров Рязанской Мещеры зафиксировано 6 лексических единиц с аналогичным значением: *зыбка, клеть, чулан, мост, прибанник, сеяница*. В Словаре донских говоров Волгоградской области зафиксировано 3 лексические единицы: *творило, зыбка, чулан*. Из всех

рассмотренных лексических единиц 3 лексемы: *приступки, ледвинь, судняя окно* встречаются только в рассматриваемом говоре.

Приведем результаты процентного соотношения лексических единиц данной тематической группы.

Диаграмма № 2 «Названия дома, его внутреннего убранства, двора и его частей говора с. Краишева»

Из полученных данных видно, что 86% из рассмотренных лексических единиц употребляются с тем же значением, что и в краишевском говоре, в других южнорусских, севернорусских и среднерусских диалектах. В данной тематической группе 14% составляет лексика, представленная только в данном говоре. Следовательно, в краишевском говоре уникальная лексика, отражающая названия дома, двора и их составляющих, сохранилась в меньшей степени, чем в перещепновском говоре.

Результаты сопоставительного анализа лексических единиц, входящих в тематическую группу «Названия дома, его внутреннего убранства, двора и его частей»

Таблица № 4. «Процентное соотношение лексических единиц двух рассмотренных говоров»

	Говор с. Перещепного	Говор с. Краишева
СРНГ	42%	38%
СДГВО	12%	19%
СРНГРМ	12%	29%
Уникальные лексические единицы	34%	14%

Из 43 лексических единиц, рассмотренных в данной тематической группе, общими для говоров двух сел Перещепного и Краишева являются 6 единиц: *дом, изба, двор, мост, зыбка, галанка*. Данные лексем широко употребляются и в других русских говорах с подобными значениями. Следовательно, общих уникальных лексем не обнаружено.

3.3. Названия орудий труда и предметов, связанных с бытом

Лексическое богатство диалектов во многом составляют слова, отражающие особенности хозяйственной жизни и быта населения. Лексические единицы данной группы называют предметы материальной стороны жизни человека. По наименованиям предметов быта можно узнать о различных видах деятельности жителей той или иной местности, о климатических условиях, а также о традициях и обычаях носителей говора.

3.3.1. Названия орудий труда и предметов, связанных с бытом говора с. Перещепного

В данную тематическую группу вошло множество различных лексических единиц, которые называют бытовые предметы, орудия труда и процессы, связанные с их использованием.

Собственно диалектные лексические единицы, связанные с домашним бытом: предметы, предназначенные для рукоделия: *прЯдево* ‘нити, полученные в результате прядения’, с подобным значением данная лексема распространена в архангельских, вологодских, владимирских, рязанских, пензенских, смоленских, воронежских, саратовских, донских говорах [СРНГ, вып. 33, с. 77] и в говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 2, с. 114]; *прЯха* ‘ручная прялка’, с тем же значением употребляется в пермских, вятских, костромских, ярославских, орловских, воронежских, ростовских, донских говорах [СРНГ, вып. 33, с. 96]; *самопрЯха* ‘прялка’; *матрАс* ‘ситцевая ткань’; *утИрка* ‘вышитое полотенце’, с подобным значением данная лексема бытует в донских говорах [СДГВО, 2011, с. 615] и в говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 2, с. 214].

Старые вещи, тряпки, которые используются в быту для различных нужд именуется перещепновцами *гУньки* (*уУньки дЕлали кУклаф и с НИми иурАли; кУклы ис уУнькаф дЕлали*), с подобным значением лексема *гуня* употребляется в рязанских, орловских, тульских, пензенских говорах [СРНГ, вып. 7, с. 235] в говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 1, с. 95]; *шибалкИ* ‘куски ткани’ (*аставАюца стАрьи шибалкИ рвАли и ткАли настИлки*). С подобным значением в донских говорах встречается лексема *шабалы* [СДГВО, 2011, с. 666], а в говорах рязанской Мещеры - лексема *шабол* [СРНГРМ, т. 2, с. 242].

Для приготовления пищи используются *раскАтка* ‘скалка’, данная лексическая единица зафиксирована в новгородских и рязанских говорах [СРНГ, вып. 34, с. 112], и *толкУшка* ‘деревянный пест для измельчения варёного картофеля’. С подобным значением лексема *толкушка* распространена в донских говорах [СДГВО, 2011, с. 591].

Следующие собственно диалектные лексические единицы, зафиксированные в говоре Перещепного: *балкУн* ‘яро’ [СДГВО, 2011, с. 49]; *пЯтка* ‘дверная петля’ [СДГВО, 2011, с. 496]; ‘длинный деревянный шест, часть колодца’. Встречается с подобным значением лексема *журавец* в архангельских, вологодских, владимирских, рязанских, донских, воронежских говорах [СРНГ, вып. 9, с. 228] и в говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 1, с. 123].

Орудия труда, инструменты, которые используются в повседневной жизни перещепновцами, имеют следующие названия: *бурАвль* ‘сверло’, употребляется также в рязанских, воронежских, курских говорах [СРНГ, вып. 3, с. 279]; *касЫрь* ‘ножик с широким лезвием, которым скоблили полы в сараях’ (*с тринацати лЕт рабОтала на тьяАтах скаблИли касырОм выскАбливали палЫ*), данная лексическая единица с подобным значением зафиксирована в рязанских, воронежских, курских говорах [СРНГ, вып. 15, с. 95] и в материнских говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 1, с. 187]; *кАтя* ‘мерная емкость для зерна’ (*машиИнаф нЕту рУцками тОненками насыпАим у вЁдра и пирмятнЁм ф кАтю*); *пяткИль* ‘пестик для толчения в ступе’, с тем же значением употребляется в материнских рязанских говорах [СРНГРМ, т. 1, с. 50], а также в донских говорах [СДГВО, 2011, с. 497].

Были зафиксированы лексические единицы, связанные с сенокошением. Скошенное сено *грамАдили* ‘сгребали в кучу’, название данного процесса *грамадить* распространено с подобным значением в воронежских, курских, орловских, донских говорах [СРНГ, вып. 7, с. 148]. А телега, на которой возили сено, именуется перещепновцами *гарба*. Данная лексема с тем же значением зафиксирована в говорах рязанской Мещеры, орловских, курских, донских [СРНГ, вып. 6, с. 138].

В говоре с. Перещепное зафиксированы следующие лексические единицы, характеризующие процессы, связанные с трудовой деятельностью: *завЯлить* ‘обработка древесины во время сокодвижения’; *дёржуть*

‘разводят, ведут хозяйство’ (*сица се дёржутъ скатину*); *зблхатъ* ‘избавиться, продать’ (*никак карову ни зблхаим*); *перевести* ‘перестать разводить домашних животных’, с подобным значением употребляется в рязанских, воронежских, костромских говорах [СРНГ, вып. 26, с. 49]; *расхуди́ться* ‘прохудиться, продырявиться’ (*вадро совсем расхудилась*), с подобным значением данная лексема распространена в костромских, владимирских, ярославских, уральских говорах [СРНГ, вып. 34, с. 306]; *срыть* ‘вскопать’ (*найди срой на гурешники*), употребляется с тем же значением в архангельских говорах [СРНГ, вып. 40, с. 328]; *подбить*, *подвалить картошку* ‘окучить’, с подобным значением в материнских говорах рязанской Мещеры употребляется лексема *подвалить* [СРНГРМ, т. 2, с. 62]; *кублИться* ‘собираться в кучу’, с подобным значением данная лексическая единица употребляется в донских говорах [СДГВО, 2011, с. 278]; *вертАться* ‘возвращаться’. Встречается с подобным значением в пензенских, тульских, смоленских, новгородских говорах [СРНГ, вып. 4, с. 150].

В тематической группе «Названия орудий труда и предметов, связанных с бытом говора с. Перещепного» было рассмотрено 29 лексических единиц. В Словаре русских народных говоров зафиксировано 12 лексических единиц, употребляемых с тем же значением, что и в говоре с. Перещепного. В Словаре русских народных говоров Рязанской Мещеры зафиксировано 9 лексических единиц с аналогичным значением. В Словаре донских говоров Волгоградской области зафиксировано 7 лексических единиц. Из всех рассмотренных лексических единиц 6 представлены только в перещепновском говоре: *самопрЯха*, *матрАс*, *кАтя*, *завЯлить*, *зблхатъ*, *кублИться*.

Результаты процентного соотношения лексических единиц данной тематической группы представлены в диаграмме.

Диаграмма № 3. «Названия орудий труда и предметов, связанных с бытом говора с. Перещепного»

Из полученных данных видно, что 83% рассмотренных лексических единиц употребляются с тем же значением, что и в перещепновском говоре в других южнорусских, севернорусских и среднерусских диалектах. И 17% занимает уникальная лексика. Следовательно, в перещепновском говоре лексика, отражающая трудовую и бытовую деятельность, является в большинстве своем общедиалектной.

3.3.2. Названия орудий труда и предметов, связанных с бытом говора с. Краишева

В краишевском говоре, как и в перещепновском, лексические единицы, входящие в данную тематическую группу, не дают полного последовательного описания какой-то сферы трудовой деятельности. Местные жители называют отдельные детали того или иного предмета, процесса, например, железную деталь кровати именуют в говоре *абОй* (*надзОрникам накрывАли абОй эт жылЕска у кравАти*), других номинаций

деталей спальной мебели зафиксировано не было. Были отмечены названия некоторых спальных принадлежностей: *абёртка* ‘детское одеяло’ (*абёртки шЫли. Пад ниё ибязАтильно бЕлаю с крУжасом ткань*); *ватОла* ‘одеяло из шерсти’, данная лексическая единица употребляется с подобным значением в тамбовских, рязанских, пензенских, волжских [СРНГ, вып. 4, с. 72], в донских говорах лексема *ватОла* употребляется с иным значением ‘толстая и грубая ткань из льна или конопли’ [СДГВО, 2011, с. 67], а в говорах рязанской Мещеры с подобным значением зафиксирована лексема *ватоль* [СРНГРМ, т. 1, с. 59]; *дУмка* ‘маленькая подушка’, в материнских говорах рязанской Мещеры с подобным значением зафиксирована лексема *думочка* [СРНГРМ, т.1, с. 111].

Так как в основном информантами были женщины, то большинство наименований бытовых предметов и орудий труда характерны для женских видов деятельности: *дежнЯк* ‘полотенце для теста’ (*тЕста-та падбирУ дижняцкОм а патОм у пец*), с подобным значением данная лексическая единица употребляется в донских говорах [СДГВО, 2011, с. 136]; *бОйка* ‘устройство для сбивания масла’, с подобным значением употребляется в курских, брянских, свердловских, пензенских говорах [СРНГ, вып. 3, с. 66]; *стан* ‘ткацкий станок’ (*стан эт на нОм ткАли халстЫ*), с подобным значением употребляется в саратовских говорах [СРНГ, вып. 41, с. 44], а в говорах рязанской Мещеры с тем же значением употребляется лексема *станины* [СРНГРМ, т. 2, с. 174]; *рубИль* ‘орудие для глажки белья’ (*наварАчываишь бильё на скАлку и этим рубилЁм катАли*), с подобным значением употребляется в московских, брянских, новосибирских, пензенских, рязанских говорах [СРНГ, вып. 35, с. 222], в донских говорах [СДГВО, 2011, с. 519] и говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 2, с. 140]; *шабОл* ‘старая тряпка’; *шабалЫ, шаболкИ* ‘ненужные куски ткани’ (*адиЯла из шибалкОф шЫли*). Встречается лексема *шабалы* с подобным значением в донских говорах [СДГВО, 2011, с. 666].

Лексические единицы, связанные с рукоделием: *путИнка* ‘нитка, на которую прядут пух или шерсть’ (*шапки цыҫанкИ на нИтку путИнку прЯли с двух клупкОф и платкИ и фурАшки вязАли пухОвыи; на путИнку прЯли на самарЯхе с двух клупкОф*). С подобным значением в материнских говорах рязанской Мещеры зафиксирована лексема *пУтанка* [СРНГРМ, т. 2, с. 117]. Следующая лексическая единица называет материал, из которого изготавливались вещи: *вешнИка* ‘овечья шерсть’, данная лексическая единица зафиксирована в тульских, пензенских говорах [СРНГ, вып. 4, с. 223] и в говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 1, с. 65]; *курнЯк* ‘отделка из вечьей шкуры’, с подобным значением зафиксирована лексема *курнЯй* и *курник* в воронежских, киргизских говорах [СРНГ, вып. 16, с. 38].

Кроме того, в селе Краишево были свои мастера по изготовлению валенок, и именуются они *пастовАлы* (*паставАлы валЯли вАлинки*). С подобным значением данная лексическая единица употребляется в донских говорах [СДГВО, 2011, с. 465].

Наименования различных частей предметов и орудий труда в краишевском говоре зафиксировано небольшое количество: *дЫшло* ‘часть плуга’, с подобным значением употребляется в ленинградских, тверских, новгородских, вологодских говорах [СРНГ, вып. 8, с. 297]; *журавец* ‘часть устройства колодца, длинный шест’, с подобным значением зафиксирована данная лексема в архангельских, вологодских, владимирских, ивановских, рязанских, тамбовских, воронежских, липецких, астраханских, донских говорах [СРНГ, вып. 9, с. 228] и в материнских говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 1, с. 123]; *штигАль* ‘часть приспособления для обработки конопли’, в материнских говорах рязанской Мещеры зафиксирован глагол *штиговать*, который и обозначает процесс обработки конопли [СРНГРМ, т. 2, с. 248]; *кОзлы* ‘конструкция для просушки саманов’ (*саманЫ у казлАх делали*), данная лексема употребляется в смоленских, орловских говорах для обозначения устройства для сушки сена, гороха [СРНГ, вып. 14, с. 59] и в

говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 1, с. 174]; *нидѣтка* ‘мелкая сетка для ловли рыбы’, с данным значением в говорах рязанской Мещеры употребляется лексема *недотка* [СРНГРМ, т. 1, с. 260].

В говоре с. Краишева зафиксированы следующие лексические единицы, связанные с процессом сенокошения: *клин* ‘часть косы’, с подобным значением употребляется в пермских говорах [СРНГ, вып. 13, с. 296]; *окОсье* ‘ручка косы’, с подобным значением данная лексическая единица употребляется в архангельских, саратовских, рязанских, пензенских, волгоградских говорах [СРНГ, вып. 23, с. 158] и в материнских говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 2, с.16]; *валок* ‘сноп’, с подобным значением употребляется во многих русских говорах [СРНГ, вып. 4, с. 26]; *гуртовАть* ‘собирать сено в кучу’, с подобным значением данная лексическая единица распространена в донских говорах [СДГВО, 2011, с. 128].

Рассмотрим наименования различных процессов, связанных с трудовой и бытовой деятельностью краишевцев: *дѣржать* ‘иметь в хозяйстве’ (*дѣржим свинЕй коЗаф*); *сряжАть* ‘изготавливать’; *сеять* ‘сажать’ (*сеЯли маркОй картОшку*), данная лексическая единица зафиксирована с подобным значением в московских, донских, уральских, пензенских говорах [СРНГ, вып. 37, с. 257]; *вертАться* ‘возвращаться’ (*ни виртАйтись туды*), с подобным значением употребляется в пензенских, тульских, смоленских, новгородских говорах [СРНГ, вып. 4, с. 150]; *задолЕть* ‘надоест, замучить’ (*мУхи задалЕли*); *щулЮкать* ‘грызть’ (*щулЮкали зѣрна и пЕсни пЕли*).

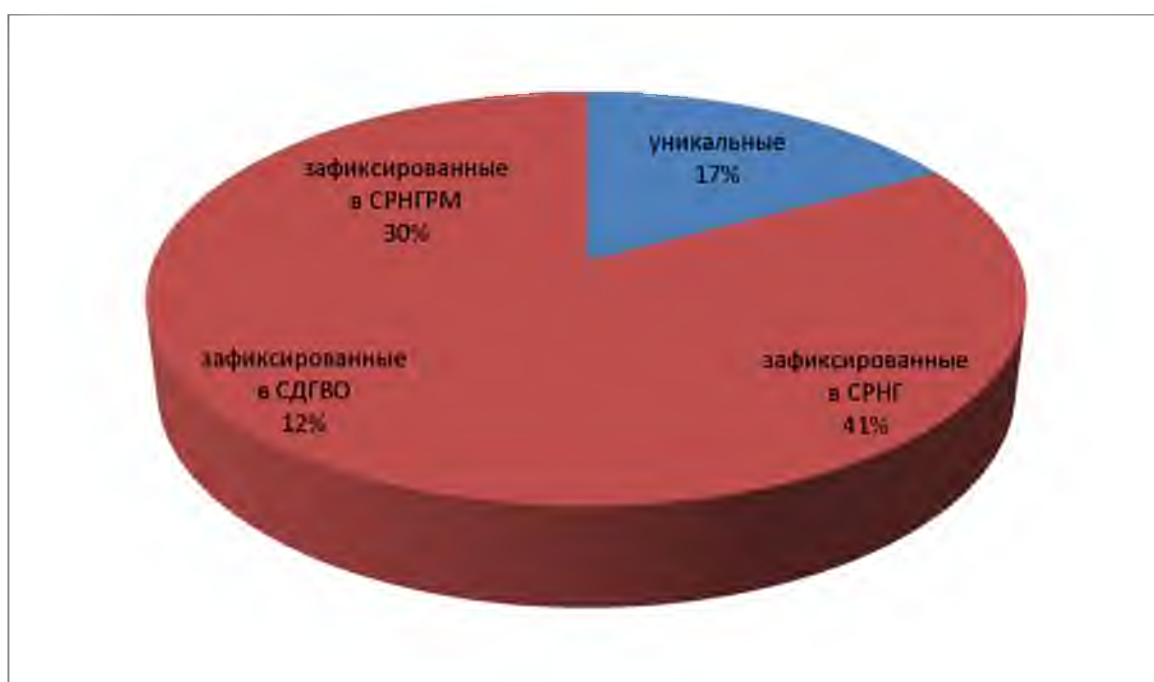
В данную тематическую группу отнесем собственно-диалектные единицы, которые так или иначе связаны с бытом: *жлЬГа* ‘кусочек чего-либо’ (*парУбим навОс на жлЬгу; лидянЬи жлЬгуи плывуть*); *истопЕль* ‘время, пока горит печь’ (*истапЕль ка҃да ҃арИть у пэцЕ*). С подобным значением зафиксирована лексема *истоплево* в пензенских, новгородских, ярославских говорах [СРНГ, вып.12, с. 260]; *едОвый* ‘съедобный’ (*урибОф ядОвых*

набрАли). С таким же значением употребляется в донских говорах [СДГВО, 2011, с. 161] и в псковских, тверских, рязанских, уральских говорах [СРНГ, вып. 8, с. 320].

В тематической группе «Названия орудий труда и предметов, связанных с бытом говора с. Краишева» было рассмотрено 32 лексические единицы. В Словаре русских народных говоров зафиксировано 16 лексических единиц, употребляемых с тем же значением, что и в говоре с. Перещепного. В Словаре русских народных говоров Рязанской Мещеры зафиксировано 12 лексических единиц с аналогичным значением. В Словаре донских говоров Волгоградской области зафиксировано 5 лексических единиц. Из всех рассмотренных лексических единиц 7 являются уникальными: *абой*, *абёртка*, *штигаль*, *сряжать*, *задолеть*, *цулюкать*, *жлыга*, так как они не зафиксированы в словарях с тем же значением, что и в рассматриваемом говоре.

Результаты процентного соотношения лексических единиц данной тематической группы представлены в диаграмме.

Диаграмма № 4. «Названия орудий труда и предметов, связанных с бытом говора с. Краишево»

Из полученных данных видно, что 83% рассмотренных лексических единиц употребляются с тем же значением, что и в краишевском говоре в других южнорусских, севернорусских и среднерусских диалектах. И 17% занимает уникальная лексика. Следовательно, в краишевском говоре лексика, отражающая трудовую и бытовую деятельность, является в большинстве своем общедиалектной.

Результаты сопоставительного анализа лексических единиц, входящих в тематическую группу «Названия орудий труда и предметов, связанных с бытом говоров двух сел Перещепного и Краишева»

Таблица № 5. «Процентное соотношение лексических единиц двух рассмотренных говоров»

	Говор с. Перещепного	Говор с. Краишева
СРНГ	35%	41%
СДГВО	21%	12%
СРНГРМ	27%	30%
Уникальные лексические единицы	17%	17%

Всего в данной тематической группе было рассмотрено и проанализировано 61 лексическая единица. Общими для говоров двух сел Перещепного и Краишева являются 7 лексических единиц: *журавЕц*, *грамАдить*, *вертАться*, *шабОл*, *шабалЫ*, *шаболкИ*, *журавец*. Данные лексемы широко употребляются и в других русских говорах. Следовательно, говоры двух сел имеют разную лексику, характеризующую трудовую и бытовую жизнь населения.

3.4. Названия растений, животных и природных явлений

Повседневная жизнь человека тесно связана с растительным и животным миром. Лексика этого мира весьма разнообразна. Носители говора по-разному воспринимают окружающую действительность, и это находит свое отражение в словах. Народные названия растений, животных, а также различного рода природных явлений, как правило, содержат некую специфику, характеризующую значение предмета или явления. Многие растения и животные выполняют определенную функцию в жизни человека, все это и определяет человеческое сознание миропонимания и дает определенную номинацию предметам действительности.

3.4.1. Наименования растений, животных и природных явлений говора с. Перещепного.

Растительный мир в с. Перещепном характеризуется следующими названиями: плодовые деревья и кустарники: *вВишень* ‘плодовое дерево вишни’, с подобным значением данная лексема употребляется в калужских, донских, орловских, тамбовских говорах [СРНГ, вып. 5, с. 59]; *дУля* ‘плодовое дерево груши’, данная лексема распространена в тамбовских, орловских, тульских, саратовских [СРНГ, вып. 8, с. 253], донских [СДГВО, 2011, с. 154] и материнских говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 1, с. 110]; *кушИники* ‘сорт груши’ (*Эт как дУля, такА у нЕй цэрянОк тОнъши*); *тОран* ‘плодовый куст’ [СДГВО, 2011, с. 223]; *шипОвная роза* ‘шиповник’.

Большинство собственно диалектных названий относится к травянистым растениям: *дергИнка* ‘сорванная конопля’ [СРНГ, вып. 8, с. 8]; *колЮчка* ‘растение перекасти-поле’, с подобным значением употребляется в донских говорах [СДГВО, 2011, с. 256]; *коровнЯк* ‘дикое растение’ ср. *коровяк* [СРНГ, вып. 14, с. 354]; *кОшечки* ‘сорняковое растение’; *молокАн* ‘молочай’, употребляется с подобным значением в донских, томских, пермских, чердынских говорах [СРНГ, вып. 18, с. 233] и в материнских говорах рязанской Мещеры ср. *молоканник* [СРНГРМ, т. 1, с. 231]; *мурУк* ‘мелкая

придорожная травка', зафиксирована лексема *мурог* с подобным значением в воронежских, тамбовских, брянских говорах [СРНГ, вып. 18, с. 358]; *просвирки* 'растение просвирник', употребляется с тем же значением в вологодских, владимирских, рязанских говорах [СРНГ, вып. 32, с. 226]; *калАчики* 'растение просвирник', с подобным значением данная лексема зафиксирована в донских [СДГВО, 2011, с. 232], в томских, курских говорах [СРНГ, вып. 12, с. 338]; *нЫлики* 'растение просвирник', употребляется с подобным значением лексема *нышатка* в донских, рязанских [СРНГ, вып. 33, с. 205].

Гриб в перещепновском говоре именуется *киреИвник* 'шампиньон' (*урибОф было мнОуа в лисАх киреИвникаф*);

Животный мир характеризуется названиями домашних животных: *вАлух* 'баран, оставленный на мясо', с подобным значением данная лексическая единица зафиксирована в пензенских, владимирских, астраханских, тамбовских говорах [СРНГ, вып. 4, с. 31]; *вЫгульня* 'молодая корова'; *подтёлок* 'годовалый теленок', с подобным значением употребляется в оренбургских, рязанских, новгородских, кубанских говорах [СРНГ, вып. 28, с. 213] и говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 2, с. 70].

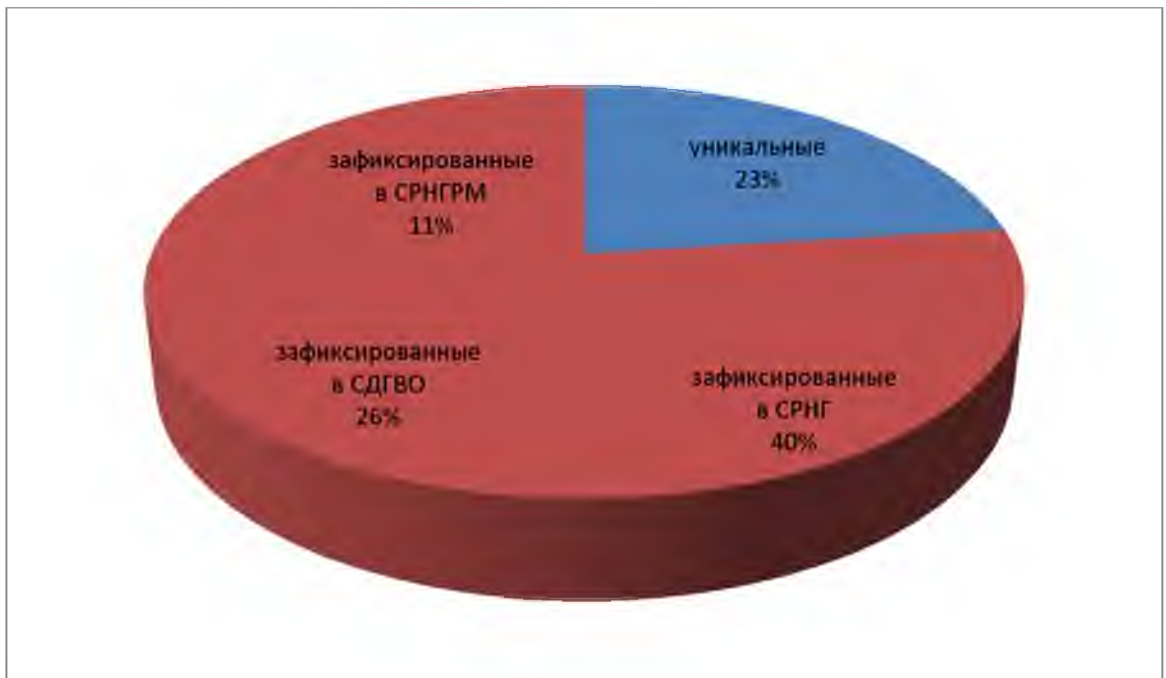
Названия домашних видов птиц: *коц* 'петух' ср. *кОчет* [СДГВО, 2011, с. 267], с подобным значением зафиксирована лексема *кочет* в ярославских, владимирских, ивановских, пензенских, рязанских говорах [СРНГ, вып. 15, с. 128] и в говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 1, с. 188]; *курУша* 'индюшка', с подобным значением данная лексическая единица зафиксирована в липецких, тамбовских, ставропольских, оренбургских, донских говорах [СРНГ, вып. 16, с. 147]; *утАк* 'самец утки', с подобным значением лексическая единица зафиксирована в донских говорах [СДГВО, 2011, с. 615].

В говоре с. Перещепного саранча имеет название *черепаха*, а такой вид птиц, как ласточки, называются *ластята*. Данные лексические единицы не зафиксированы в словарях, следовательно, являются уникальными.

Из рассмотренных 23 лексических единиц в донских говорах употребляются 9 лексем (*вышень, дуля, калачики, колючка, кочет, куруша, молокан, пышатки, утак*); в других говорах, в большинстве своем пензенских, рязанских, астраханских, тамбовских, тульских, саратовских, ярославских, ивановских, пермских – 14 лексических единиц. В их число мы включили лексемы: *дерганцы* (в перещепновском говоре *дергинка*); *кочет(коц)*; *коровяк(коровняк)*; *мурог(мурух)*; *пышатка(пышка)*. В Словаре русских народных говоров рязанской Мещеры встретилось с подобным значением 4 лексемы (*дуля, кочет, молоканник, подтелок*). Следовательно, 8 лексем не зафиксированы в словарях с подобным значением (*выгульная, кирепивник, кошечки, кушиники, ластята, торан, черепаха, шиповная роза*), они являются уникальными.

Приведем процентное соотношение лексических единиц данной тематической группы.

Диаграмма №5. «Наименования растений, животных и природных явлений говора с. Перещепного»

Из полученных данных видно, что 77% рассмотренных лексических единиц употребляются с тем же значением, что и в перещепновском говоре, в других южнорусских, севернорусских и среднерусских диалектах. И 23% составляет уникальная лексика. Следовательно, в перещепновском говоре лексика, отражающая растительный и животный мир, а также природные явления в большинстве своем общедиалектная.

3.4.2. НАЗВАНИЯ РАСТЕНИЙ, ЖИВОТНЫХ И ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ ГОВОРА С. КРАИШЕВА.

Растительный мир в говоре с. Краишево характеризуется следующими названиями: *дУля* ‘дерево и сорт груши’, данная лексема *дуля* зафиксирована с подобным значением в костромских, смоленских, псковских [СРНГ, вып. 8, с. 252], донских [СДГВО, 2011, с. 154] и говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 1, с. 110]; *лутОшка* ‘липа’, с подобным значением

употребляется в смоленских, рязанских, курских говорах [СРНГ, вып. 17, с. 206] и говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 1, с. 216]; *пАклинка* ‘крупный кустарник или деревце’, с подобным значением употребляется в воронежских, самарских, саратовских, новосибирских говорах [СРНГ, вып. 25, с. 157]; *бабУшки* ‘соцветия хмеля’, с подобным значением лексема *бабУшечка* зафиксирована в говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 1, с. 35]; *буздИки* ‘вид цветов во дворе’; *дЕрганька* ‘конопля’, ср. *дерганцы* [СРНГ, вып. 8, с. 8]; *зеленЯ* ‘молодые всходы’ [СРНГРМ, т. 1, с. 146]; *лАнки* ‘травянистое растение’ [СРНГ, вып. 16, с. 263]; *пЫшечки* ‘растение просвирник’, с подобным значением распространена лексема *пышатка* в донских, рязанских говорах [СРНГ, вып. 33, с. 205]; *цыганкА* ‘трава, вид лебеды’; *чАкан* ‘вид камыша’ (*чАкан эт камЫш плОстынкий, мАукий*), с подобным значением данная лексема употребляется в донских говорах [СДГВО, 2011, с. 644]. Гриб в краишевском говоре именуется *кирепИвник* ‘шампиньон’

Животный мир характеризуется названиями домашних животных: *гуляк* ‘молодняк рогатого скота’, с подобным значением употребляется в донских говорах [СДГВО, 2011, с. 127]; *кацАнка* ‘овца с плохой шерстью’; *перерОдка* ‘овца с плохой шерстью’, данная лексема с подобным значением зафиксирована в грузинских говорах [СРНГ, вып. 26, с. 207].

Названия домашних видов птиц: *коц* ‘петух’ ср. *кОчет* [СДГВО, 2011, с. 267], с подобным значением зафиксирована лексема *кочет* в ярославских, владимирских, ивановских, пензенских, рязанских говорах [СРНГ, вып. 15, с. 128] и в говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 1, с. 188]; *курУша* ‘индюшка’, с подобным значением данная лексическая единица зафиксирована в липецких, тамбовских, ставропольских, оренбургских, донских говорах [СРНГ, вып. 16, с. 147]; *утАк* ‘самец утки’, с подобным значением лексическая единица зафиксирована в донских говорах [СДГВО, 2011, с. 615].

Названия природных явлений следующие: *наволОка* ‘пасмурная погода’, с подобным значением данная лексема зафиксирована в рязанских, московских, южно-уральских, симбирских говорах [СРНГ, вып. 19, с. 180]; *сипОвка* ‘метель или холодный ветер’, с подобным значением употребляется в рязанских говорах [СРНГ, вып. 37, с. 346], а в донских говорах данное явление именуется *сипуга* [СДГВО, 2011, с. 545]; *маланьЯ* ‘молния’, данная лексема с подобным значением зафиксирована в донских говорах [СДГВО: 321] и в других русских говорах ср. [СРНГ, вып. 18, 237].

Были зафиксирована в говоре с. Краишево такие слова, характеризующие качество: *разлатАя* ‘раскидистое, ветвящееся дерево’, употребляется с тем же значением в белгородских, курских говорах [СРНГ, вып. 33, с. 351]; *рясная* ‘обильное, плодородное дерево’, с подобным значением употребляется в донских [СДГВО, 2011, с. 524] и других русских говорах [СРНГ, вып. 35, с. 355].

Из рассмотренных 23 лексических единиц, 10 лексем с подобным значением употребляются в донских говорах (*гуляк, дуля, кочет, куруша, маланья, пышатка, рясная, сипуга, утак, чакан*); 15 лексем зафиксировано в СРНГ, следовательно, бытуют в других говорах, преимущественно, костромских, смоленских, псковских, пензенских, рязанских, южно-уральских, курских; 5 лексем – в куршинских говорах рязанской Мещеры; 5 лексем (*бабушки, буздики, кацапка, кирипивник, цыганка*) не зафиксированы в словарях с подобным значением, следовательно, являются уникальными.

Приведем процентное соотношение лексических единиц данной тематической группы.

Диаграмма №6 «Наименования растений, животных и природных явлений говора с. Краишево»

Из полученных данных видно, что 86% рассмотренных лексических единиц употребляются с тем же значением, что и в краишевском говоре, в других южнорусских, севернорусских и среднерусских диалектах. Всего лишь 14% составляет уникальная лексика. Следовательно, в данной тематической группе лексика, отражающая растительный и животный мир, а также природные явления в большинстве своем общедиалектная.

В тематической группе «Наименования растений, животных и природных явлений» всего выделено 46 лексем (23 – в с. Перещепном, 23 – с. Краишево).

Приведем данные процентного соотношения лексических единиц, рассмотренных в данной тематической группе, говоров обоих сел.

Таблица № 6. «Процентное соотношение лексических единиц двух рассмотренных говоров»

	Говор с. Перещепное	Говор с. Краишева
СРНГ	40%	43%
СДГВО	26%	29%
СРНГРМ	11%	14%
Уникальные лексические единицы	23%	14%

Материалы исследования показали, что уникальных лексических единиц в данной тематической группе больше в перещепновском говоре, но основной процент лексических единиц – общедиалектная лексика, что характерно для говоров обоих сел. Общие лексические единицы говоров сел Перещепного и Краишева (6 лексических единиц): *деруи́нька* (с. Прщ.) и *деруа́нька* (с. Крш), *дуля*, *кирепивник*, *куруш* (с. Прщ) и *куруш* (с. Крш), *пышки*, *утакза* фиксированы и в других русских говорах. Диалектные значения растения *просвирник* бытуют в говорах обоих сел: в с. Перещепное – 3 названия (*калачики*, *просвирки*, *пышки*), в с. Краишево – 1 (*пышки*). Это может быть связано с большим использованием этого растения в быту.

Лексика в данной тематической группе у говоров с. Перещепного и с. Краишева в большинстве своем разная. Но употребляется она в одних и тех же говорах: рязанских, пензенских, московских, новосибирских, архангельских, донских. Следовательно, говоры двух сел на лексическом уровне на примере данной тематической группы разнятся.

3.5. ЛЕКСИКА НАРОДНОГО КОСТЮМА

Лексическое богатство языка народа находит свое отражение в лексической системе русских народных говоров, в том числе в таком ее фрагменте, как лексика русской народной материальной культуры, в

частности, костюма. Костюм как нельзя лучше раскроет ряд этнических признаков и познакомит с местной культурой населения.

Одежда является одним из ярких показателей как материальной, так и духовной культуры человека. Она хранит в себе черты традиций и обычаев. Народный костюм, как правило, состоит из нескольких элементов, имеющих свои наименования, которые на протяжении многих веков сохраняются в языке.

3.5.1. ЛЕКСИКА НАРОДНОГО КОСТЮМА ГОВОРА С. ПЕРЕЩЕПНОГО

Ещё недавно в русских сёлах можно было встретить старинные виды одежды, головных уборов, обуви. В диалектологических экспедициях в с. Перещепном были зафиксированы только женские и детские названия одежды, которую носили раньше и которая используется в настоящее время. Видимо, это связано с тем, что информантами являлись женщины.

Так, девичья и женская одежда состояла из *рукавов* ‘рубахи’ [СРНГ, вып. 35, с. 245] из-под манжеток которой выглядывали *брыжи* ‘оборки на рукаве’, данная лексема *брыжи* зафиксирована с подобным значением в воронежских и орловских говорах [СРНГ, вып. 3, с. 213], и ситцевого *сарафана*. Кроме того, распространенной женской одеждой были *пролётки* ‘жилетки’, *халанеты* ‘халаты’ (*халанет приталеный ис фланели или вильвета*); *панёвы* ‘женские юбки’, лексема *панёва* зафиксирована с подобным значением в костромских говорах [СРНГ, вып. 29, с. 254]; *пАрочки* ‘юбки’ с поясом, на котором располагался карман *лакманка* ‘карман у пояса, сшитый из бархата и украшенный вышивкой’. Данная лексема *лакманка* зафиксирована с тем же значением в саратовских говорах [СРНГ, вып. 16, с. 249]. Лексема *пАрочка* в значении комплекта из кофты и юбки зафиксирована в пермских, костромских, рязанских, свердловских, томских говорах [СРНГ, вып. 25, с.

241]. Женский фартук именуется перещепновцами *зАпон*. Данная лексическая единица зафиксирована в тобольских, уральских [СРНГ, вып. 10, 337] и донских говорах [СДГВО, 2011, с. 194]. В говорах рязанской Мещеры с подобным значением употребляется лексема *зАпонка* [СРНГРМ, т. 1, с. 138].

Верхняя одежда в перещепновском говоре имеет следующие названия: *кулЮн* ‘верхняя зимняя одежда замужней женщины из овечьей шерсти’ или ‘шуба с высоким воротником и широкими полами, прикрывающими младенца’ (*тОнкай был Эткай, ширОкай кулЮн; кулЮн адявАить жЕньшына на sibЯ и накрывАить рибЁнка; кулЮн и аттЕль и атсЕль*); *шубнЯк, шубнякИ* ‘зимняя одежда’ (*мать с дЯдией вЫвчались шЫть пОльта, шубнякИ; шубнЯк эт карОткий тулУн из адЕланой кОжы, тОнкай с патклаткай тЁплай; шубнЯк эт зИмняя адЕжда: карОтинкий тулУн из авЕций шкУры*). С подобным значением лексическая единица *шубняк* зафиксирована в донских [СДГВО, 2011, с. 678] и материнских говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 2, с. 249].

Зафиксированы в перещепновском говоре следующие виды детской одежды: *ширавАрики* ‘детские штанишки’; *шлык* ‘детская шапка’ (*шыравАрики шЫли мальчикам и дЕвацкам, шлык с баками кружавами и набОристыми шАпки были*) с тем же значением лексема *шлык* употребляется в донских [СДГВО, 2011, с. 676] и материнских говорах рязанской Мещеры [СРНГ РМ, т. 2, с. 246]; *набОристая шАпка* ‘шапка с набранными петлями’ (*набОристаяи шапки надявАли и тЯплО дитЯм было*).

Одежда украшалась *убОрками* ‘оборками’ (*жЕнишыны насИли зАпан с убОрькими*), *окраЙками* ‘украшение из оборок’. Данная лексема зафиксирована с подобным значением в материнских говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 2, с. 16], а лексическая единица *окрайник* употребляется с подобным значением в тульских говорах [СРНГ, вып. 23, с. 162].

Женщины и девушки украшали себя *вёрстками* ‘разновидность бус, которые низали сами хозяйки’, в подобном значении лексема *вёрстки*

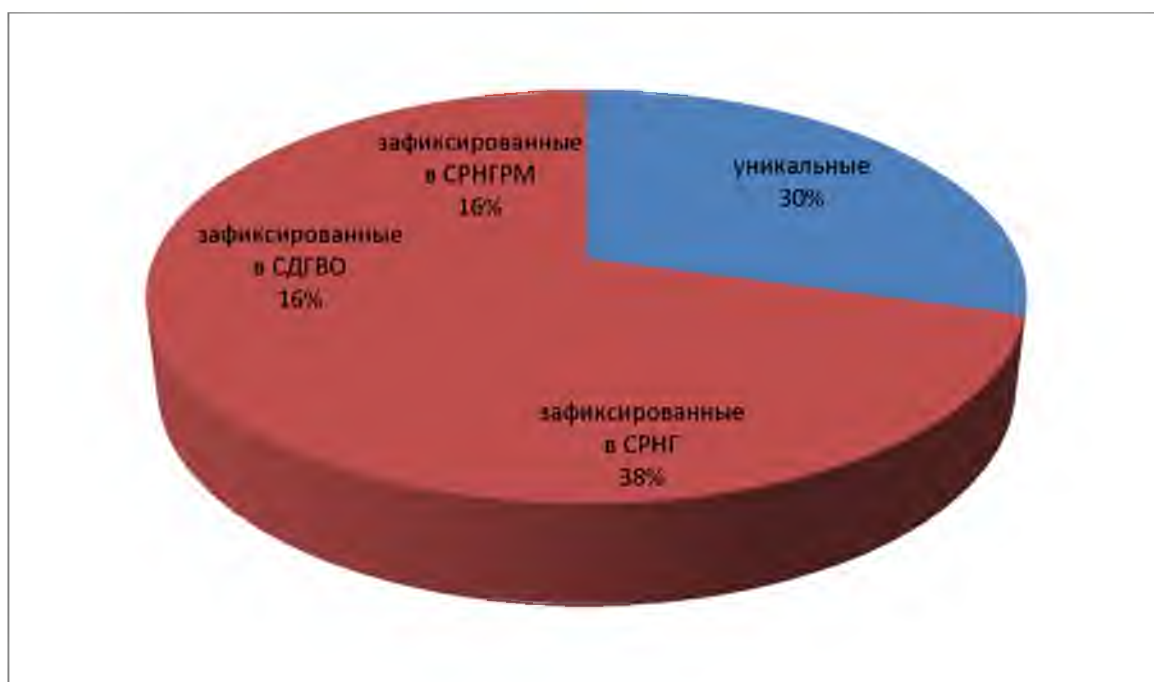
зафиксирована также в тамбовских, рязанских, пензенских, донских, саратовских говорах [СРНГ, вып.4, с. 149] и *кОсниками* ‘узкие матерчатые полоски’, которые вплетались в косы. Лексема *косник* с подобным значением зафиксирована в пермских, свердловских, уральских, новосибирских говорах [СРНГ, вып.15, с. 59].

Из рассмотренных 19 наименований, входящих в группу «Лексика народного костюма говора с. Перещепного», в Словаре русских народных говоров отмечено 9 лексем с подобным значением в рязанских, пензенских, тамбовских, тульских, орловских, уральских, новосибирских говорах: *парочка, панёва, брыжи, запон, косники, крайки, рукава, горловина, сарафан*, 4 лексемы отмечены в Словаре донских говоров Волгоградской области: *вёрстки, запон, шлык, шубняк*. Лексемы *брыжи* и *сарафан* являются общерусскими. В Словаре русских народных говоров рязанской Мещеры встретилось 4 лексемы: *запонка, крайки, шлык, шубняк*. Лексемы, которые не встретились в словарях с подобным значением: *лакомка, пролётка, уборки, кулон, наборная шапка, халанет, шираварики*. В СРНГ лексема *лАкманка* ‘вышитый карман для сладостей, который носят на поясе поверх юбки’ [СРНГ: вып.16, с. 249] имеет схожее значение с лексемой *лАкомка* ‘пояс с карманом’ перещепновского говора. Лексема *пролётка* встречается в СРНГ, но совершенно с другим значением ‘выездные сани для двоих’ или ‘печь с дымоходом напрямую, без колен’ [СРНГ, вып. 32, с. 171], нежели в говоре с. Перещепное. Лексические единицы: *уборки*, как украшение на одежде ‘оборки’ и *шираварики* (название детской одежды, которое употребляется в уменьшительно-ласкательной форме), а также лексема *халанет* не зафиксированы в словарях, но имеют аналогичные названия в литературном языке. Лексические единицы *кулон, наборная шапка* и *пролётка* употребляются только в перещепновском говоре и не встречаются с подобным значением в других говорах и литературном языке, т.е. являются уникальными лексическими единицами.

Процентное соотношение лексических единиц тематической группы «Лексика народного костюма с. Перещепного»: 38% лексических единиц зафиксировано с подобным значением в СРНГ, следовательно, употребляются в других говорах, преимущественно в рязанских, пензенских, пермских, костромских, уральских, свердловских; 16% лексических единиц зафиксировано с подобным значением в СДГВО, следовательно, употребляются в донских говорах; 16% - в СРНГРМ; 30% лексических единиц не встретилось в словарях, следовательно, являются уникальными.

Приведем данные процентного соотношения лексических единиц данной тематической группы

Диаграмма №7 «Лексика народного костюма говора с. Перещепного»

Из полученных данных видно, что 70% рассмотренных лексических единиц употребляются с тем же значением в других южнорусских, севернорусских и среднерусских диалектах. И 30% составляет уникальная лексика. Следовательно, перещепновский говор сохраняет некоторую самобытность в названиях элементов костюма, но в большей степени распространена общедиалектная лексика.

3.5.2. ЛЕКСИКА НАРОДНОГО КОСТЮМА ГОВОРА С.

КРАИШЕВА

В говоре с. Краишева зафиксированы названия только женской одежды, обуви и украшений. Предполагаем, это связано с тем, что информантами были преимущественно женщины.

Одним из распространенных традиционных видов женской одежды являлся *сарафан* (*сарафанЫ* были *рАзнаи*: у *цэркву* *адин* *надявАли*; были и *бУдншныи* *сарафанЫ*). Был так называемый *зашиТый сарафАн* ‘сарафан, уложенный на долгое хранение в сундук’ (*зашиТых сарафанОф* *мнОуа* *былО* в *дЕйках* *кадА*; *двАдцать* *пЯть* *сарафанОф* *зашиТых* *неуладЕли* *складывАли* и *зашиывАли* *штоп* *ни* *развязАлись*); *панИтак* ‘праздничный халат’.

Верхняя одежда имела следующие собственно-диалектные названия: *кургУзик* ‘верхняя женская одежда из шерсти’ (*жЕнишны* *наСИли* *ис* *шЕрсти* *куруУзик*), с подобным значением данная лексема зафиксирована в саратовских, нижегородских говорах [СРНГ, вып. 16, с. 115]; *шуба с хантАми* ‘шуба с полоской на поясе’ (*шуба с хантАми* *эт* *с* *пОлачками* *на* *тАли*; *шуба с хантАми* *эт* *асОбый* *пакрОй* *шУбы*: *на* *спинЕ* *палОска*); *полудОшка* ‘верхняя одежда, закрывающая бедра, сшитая из плюша с теплой подкладкой’ или ‘вид верхней одежды, приталенная шуба, длинной до бедер’ (*я* *скОро* *как* *зАмуш* *вЫшла* *мама* *купила* *полудОшку*). Данный вид верхней одежды распространен в донских говорах с подобным значением [СДГВО, 2011, с. 450]

На руки в холодное время года и мужчины, и женщины надевали *галИцы* ‘варежки, сшитые из ткани’ (*пратЫи* *галИцы* *эт* *варИшки* *шИТыи* *ис* *тавАра*). Данная лексическая единица с тем же значением употребляется в

курских, орловских, пензенских, рязанских, донских говорах [СРНГ, вып. 6, с. 113].

В краишевском говоре употребляются собственно диалектные наименования обуви, неимеющие гендерной разновидности: *босвяки* ‘кожаная обувь’ или ‘повседневная обувь из кожи’ (*басвики* *бывають буднишныи кожаныи*), данное наименование с подобным значением зафиксировано в вологодских, новгородских, сибирских, тамбовских говорах [СРНГ, вып. 3, с. 124]; *сапоги с набОрами* ‘сапоги в складку’ (*сапоги с набОрами эт такИи с памОршыныи уалинИшами*); *чивирИки* ‘туфли из кожи, плюша’.

Одежда шилась из *тавАра* ‘ткань’, украшалась *срЯдами* ‘атласными и кружевными лентами, которые пришиваются к одежде’. Лексема *срЯдыне* зафиксирована в словарях, а глагол *срЯдить* ‘одеть, нарядить’ зафиксирован в материнских говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 2, с. 173]. Лексема *срЯды*, как украшение одежды, образована от глагола *срЯдить* в значении ‘нарядить, украсить’ что-то .

Женщины носили шейные украшения – *жерЕлки* ‘бусы’ (*жырЕлки эт дУтыи бУсы; Ой дЕйки вы такИ красИвыи я аш жырЕлки-ти надЕла*). Данный вид женского украшения зафиксирован в орловских, пензенских, рязанских говорах [СРНГ, вып. 9, с. 139].

Из рассмотренных 13 наименований, 4 (*босовики, галица, кургузик, жерелки*) зафиксированы с тем же значением в СРНГ, следовательно употребляются в других русских говорах; лексема *полудошка* – в СДГВО с подобным значением; лексема *сарафан* является общерусской; 7 лексических единиц (*сапоги с наборами, чивирики, зашитый сарафан, панитак, шуба с хантами, сосрЯды, тавар*) не встречаются с подобным значением в словарях, следовательно, являются уникальными. Лексема *срЯдить* ‘одеть, нарядить’ с иным, но близким значением к говору с. Краишева зафиксированав говорах рязанской Мещеры.

Процентное соотношение лексических единиц тематической группы «Лексика народного костюма говора с. Краишева»: 29% лексических единиц зафиксировано с подобным значением в СРНГ, следовательно, употребляются в других говорах, преимущественно в рязанских, пензенских, пермских, костромских, уральских, свердловских; 8% лексических единиц зафиксировано с подобным значением в СДГВО, следовательно, употребляются в донских соседних говорах; 14% - в материнских говорах рязанской Мещеры; 49% лексических единиц не зафиксировано в словарях, следовательно, являются уникальными.

Приведем данные процентного соотношения лексических единиц данной тематической группы

Диаграмма №8 «Лексика народного костюма говора с. Краишева»

Из полученных данных видно, что практически половина из рассмотренных лексических единиц являются уникальными, то есть характерными только для говора с. Краишева. Следовательно, другая часть рассмотренной лексики употребляется с подобным значением в других русских говорах.

В данной тематической группе говор с. Краишева сохраняет больше уникальных единиц, чем говор с. Краишева.

Подводя итог по тематической группе «Лексика народного костюма», отметим следующее. Всего рассмотрено 32 лексические единицы, входящие в тематическую группу. Из них 19 лексем отмечено в говоре с. Перещепного и 13 лексем – в говоре с. Краишева.

В лексике обоих говоров встречается такое название женской одежды как сарафан. Сарафан – общерусский вид женской одежды, которую носили представительницы женского пола разных возрастов. Других общих названий видов одежды, обуви или других предметов гардероба не зафиксировано.

Приведем сопоставительные данные лексических единиц, входящих в тематическую группу

Таблица №7. «Лексика народного костюма» говоров обоих сел.

	Говор с. Перещепного	Говор с. Краишева
СРНГ	38%	29%
СДГВО	16%	8%
СРНГРМ	16%	14%
Уникальные лексические единицы	30%	49%

Лексика обоих сел разная, не повторяющая друг друга. Названия украшений, например, бус в говорах имеет разное наименование: в с. Прещепном бусы именуется *вёрстки*. Данная лексема употребляется с тем же значением в рязанских, пензенских, донских и говорах рязанской Мещеры. В с. Краишево бусы именуется *жерелки*. Данное название распространено в пензенских, рязанских, орловских, донских говорах. Следовательно, названия украшений распространены в одних и тех же говорах, но в перещепновском и краишевском существует только одно, характерное для него наименование. Можем предположить, что либо это

разные виды бус, отличающиеся оттенком значения, а в говорах сохранилось только одно, либо пришло из разных типов говоров, например, лексема *вёрстки* зафиксирована непосредственно в говорах рязанской Мещеры, а жерелки употребляются в других говорах Рязанской области.

Из полученных данных, установлено, что лексемы, употребляемые в обоих селах, распространены в одних и тех же русских говорах: тамбовских, пензенских, рязанских, донских, но наименования элементов народного костюма в каждом селе свои.

3.6 . НАЗВАНИЯ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ТЕСТА И ДРУГИХ БЛЮД

Во все времена человеку необходима была пища. Всеми способами люди старались обеспечить себя всем необходимым, чтобы ее приготовить. Именно поэтому в словарном составе любого языка значительная часть слов представляет собой наименования продуктов, многочисленных разновидностей блюд, способов и действий, связанных с приготовлением пищи.

Наряду с общераспространенными, литературными названиями продуктов питания в русском языке много слов диалектных, местных. Некоторые изделия и блюда в разных местностях называются по-разному, а многие зачастую и готовят по-разному, а потому у них свои, местные наименования [Кудряшова,1997, с. 81].

Русский стол всегда славился обилием пирогов. Народная мудрость гласит: «Не красна изба углами, а красна пирогами». Существует большое количество различных рецептов пирогов. Вариации касаются теста (дрожжевое, бисквитное или слоеное тесто), разнообразных начинок и внешнего вида: пироги бывают открытые, закрытые и слоёные.

Некоторые пироги используются в обрядах (сватовство, поминки). Ниже будут рассмотрены наименования изделий из теста, а также наименования

различных блюд, которые были зафиксированы в рамках диалектологических экспедиций в села Перещепное и Краишево.

3.6.1. НАЗВАНИЯ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ТЕСТА И ДРУГИХ БЛЮД ГОВОРА С. ПЕРЕЩЕПНОГО

В с. Перещепном готовилась простая по своему составу еда. Пирог на столе занимали важное место, они украшали как праздничный, так и будничные столы. Из рассказов местных жителей, пироги готовились с разнообразными начинками: *ПирьякА пиряуОф милиОн. ПиряуОф с тварауОм, с каший малОшной, с тЫклай, с дУлий [грушей]; у ряшОтку пиряуИ с дУлий, с Яблаками* (Прщ.)

Открытый пирог именуется у перещепновцев *загнибушек* (*заунибушки с какОю хош нацЫнкай; заунибушки ис тЫклы, капУсты салОнай; ис тЫклы заунибушки дЕлали: тЫклу папАрим. А ишо Яблаки сушим, талкОм и сЫним у тЫклу, ана дЕлаица кИслинкай; Эткие на сирОтку кладОм натшЫнку, слипАим с двух старОн, заунибАим край и палуцАица читьрОхугольник*).

Приведем пример описания приготовления теста: *вЕцирам малакА лью сОли дрОжы пУстю сё фУкаить Утрам пОсну мАслу лью*. (Перещ).

Лексема *загнибушки* не зафиксирована в словарях. В «Словаре русских народных говоров» дано понятие глагола *загнибать* ср. [СРНГ, вып. 10, с. 12]

Видимо данное наименование пирога *загнибушек* и образовалось от глагола *загнибать*, т.е. загибать края. Следовательно, *загнибушки* – это пирог в виде четырехугольника, отличительной чертой которого являются загнутые края.

Из теста готовились и другие блюда: *варЯнки* ‘вареники’ (*варЯнки с картОшкой и с тварауОм; Эткай крУулаи пЫшки, края заунибАим как сбОрики варИм в варУ вынАим и с мАслом или сухИи едИм*); *вилЮшки*

‘изделие из теста по типу галушек’. Жидкость, в которой варились варянки и вилюшки называется *прихлёбка*, видимо, данная лексема образовалась от глагола *прихлёбывать*; еще один вид жидкого кушанья - *юшка* (*юшки пахлибАим лОжками*). Данная лексическая единица употребляется в донских говорах с тем же значением [СДГВО, 2011, с. 685].

Кипяток именуется в перещепновском говоре *вар*. С подобным значением лексема зафиксирована в рязанских, владимирских, саратовских, донских, смоленских и других говорах [СРНГ, вып. 4, с. 39].

Каши в перещепновском говоре готовились разные: *затирУха* ‘каша, сваренная на воде, с добавлением какой-либо крупы или муки’ (*затирУху мамалЬгуу дЕлали забилЯли у каво карОва есть а у каво нет – без забЕлки*), данная лексема с подобным значением употребляется в тамбовских, пензенских, новосибирских, саратовских говорах [СРНГ, вып. 11, с. 94]; *канУн* ‘рисовая каша для поминовения усопших’ (*канУн бязАтильна на стол стАвили паминАть мармалАт пакрЬишуть тудЫ*), с подобным значением данная лексема зафиксирована в донских, московских, костромских, вятских, свердловских говорах [СРНГ, вып.13, с. 44] и говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 1, с. 162]; *мамалЬга* ‘крутая каша из муки’, зафиксирована данная лексическая единица в донских говорах [СДГВО, 2011, с. 311].

Из напитков, которые употребляют местные жители, зафиксированы следующие: *арьян* ‘напиток из заквашенного молока’, который также распространен в донских говорах [СРНГ, вып. 1, с. 382]; *звар* ‘компот из сухофруктов’, тоже употребляется в донских говорах [СРНГ, вып. 11, с. 210]; хозяйки *затАпливали молоко* ‘зажаривали молоко в печи’, с подобным значением *подтапливать молоко* ‘томить в печи, жарить’ употребляется в донских говорах [СДГВО, 2011, с. 440].

Собственно диалектные наименования процессов, связанных с приготовлением пищи: *вынать* ‘вынимать’; *крЬишать* ‘резать’ (*тЕста пакрЬишуть картОшку и прихлЁнка палуцАица*); *приболтАть* ‘добавить’.

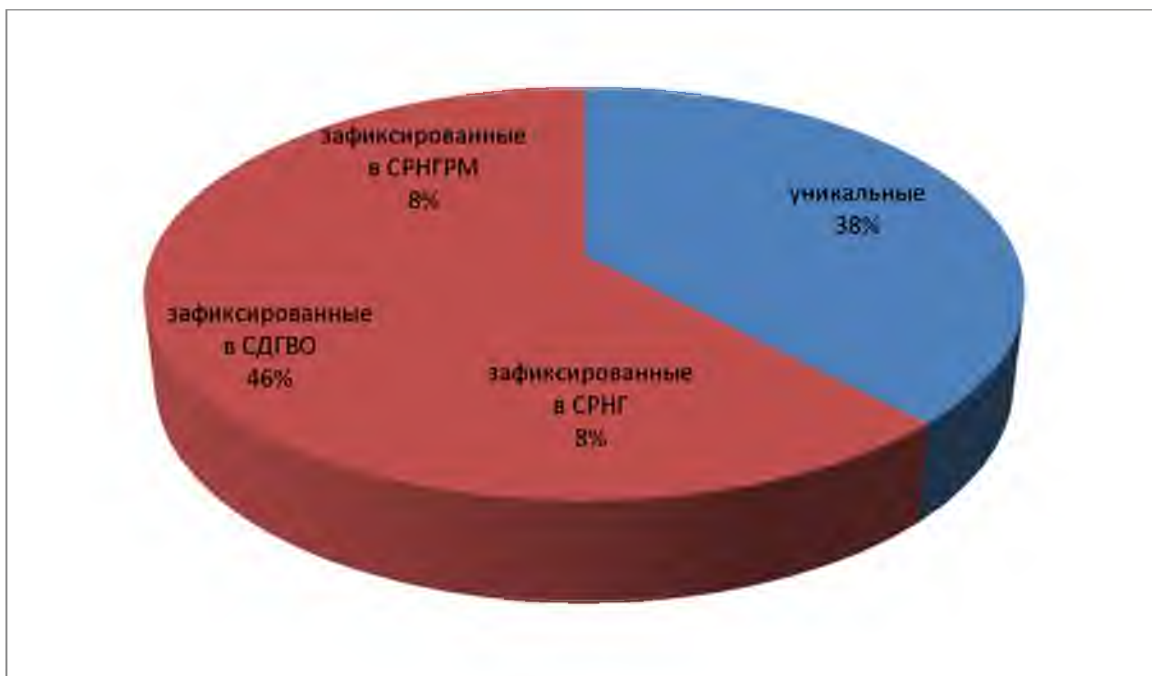
Данное значение зафиксировано в костромских, новгородских говорах с подобным значением [СРНГ, вып. 31, с. 118]; *фУкать* ‘бродить тесту’ (*утрам сё фУкаить*) и качество пищи: *сладИмая* ‘сладкая’ (*сладИмую апАру у хОрмушки разлОжим*);

Из 11 рассмотренных лексических единиц 6 бытуют с подобным значением в донских говорах: *юшка, мамалыга, канун, звар, арьян, канун* – помимо донских, употребляется в московских, костромских, вятских, куршинских говорах рязанской Мещеры; *затуруха* зафиксирована в тамбовских, пензенских, новосибирских, саратовских говорах. Остальные лексические единицы: *загнибушки, варянки, вилюшки, прихлёбка* являются уникальными лексическими единицами.

Из полученных данных процентного соотношения лексических единиц, входящих в тематическую группу «Названия изделий из теста и других блюд» говора с. Перещепного получили 8% лексических единиц употребляемых с подобным значением в других говорах: московских, пензенских, тамбовских, саратовских; 46% - в донских говорах; 8% - в говорах рязанской Мещеры; 38% - уникальных лексических единиц, не зафиксированных в других русских говорах и литературном языке.

Приведем данные процентного соотношения лексических единиц данной тематической группы

Диаграмма №9 «Названия изделий из теста и других блюд говора с. Перещепного»

Из полученных данных видно, что значительное количество рассмотренных лексем распространено с подобным значением в других русских говорах (62 %), преимущественно в донских говорах Волгоградской области (46%). Кроме того, в перещепновском говоре употребляются уникальные наименования блюд, которые не зафиксированы в других русских говорах и литературном языке.

3.6.2. НАЗВАНИЯ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ТЕСТА И ДРУГИХ БЛЮД ГОВОРА С. КРАИШЕВА

В с. Крайшево также как и в с. Перещепном распространенным изделием из теста являются пироги с разными начинками. Только в крайшевском говоре они именуется по-другому: *каньшии*, *копыто*. *Каньши* ‘изделие из теста, пирог’ (*каньши эт пирох с Яблаками, с любОй начИнкай, крУулай*); *каньшии* ‘пирожки’ (*каньшиИ эт пирошкИ ни ис сдОбнава тЕста с*

рАзнай начИнкай), данная лексема зафиксирована в донских говорах с подобным значением [СДГВО, 2011, с. 235]; *копЫто* ‘пирог с молочной кашей’ (*пикЛИ и капЫты эт пирОх в начИнки каша малОшная*). Данная лексема зафиксированна в новосибирских говорах с подобным значением [СРНГ, вып. 14, с. 304].

Были зафиксированы и другие изделия из теста: *мякОтки* ‘блюдо из пресного теста в виде квадратиков, сваренное в кипятке’; *рОзочки* ‘выпечка из сдобного теста’ или ‘вид праздничной выпечки’, с подобным значением употребляется в костромских говорах [СРНГ, вып. 35, с. 164] (*рОзачки пикЛИ у пичЕ, сдОбнае тЕсто и такИи мАнинькии. ЗашимлЯли им края; тада варили ни мноУа а вот пЯкли харашиО рОзачки пОмню; хворост катОрый пикЛИ в фОрми рОзы; издЕлия из сдобнаго теста на свАдьбу рОзы пякли*); *саксОнки* ‘пряники с глазурью’.

Каша также как и в перещепновском говоре имеют разные названия и способ приготовления: *канУн* ‘рисовая каша для поминания усопших’ [СРНГ, вып. 13, с. 44]; *каша сливнАя* ‘приготовленная по особому рецепту’ (*у нас уатОвили кашу сливнУю у пецЕ уатОвили настАвишь анА там тамИца*) с подобным значением зафиксирована в волгоградских, воронежских, уральских, донских говорах [СРНГ, вып. 38, с. 278]; *сухАя каша* ‘каша на воде, без масла и других добавок’.

Кроме того, готовились другие блюда: *кулагА* ‘сладкое блюдо’ или ‘блюдо из теста и яблок’ (*кулауУ дЕлали: ржанУю мукУ затирАли, атваривали кИслые Яблаки и ставили сластИть; ставили на тЕплай вадЕ, станавИлась сладИмая*) [СРНГ, вып. 16, с. 51]; *сухая картОха* ‘неочищенная вареная картошка’, *сухие щи* ‘постные щи без мяса и масла’ (*картОху сухУю варили; у вайнУ што было - сухИи варили ии*). Лексическая единица *сухой* ‘постный, не содержащий мясного и молочного’ [СДГВО, 2011, с. 579]. Кроме того, лексема *сухой* с подобным значением зафиксирована в говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 2, с. 183].

Из молочных продуктов местные жители употребляли *сыр* 'творог' ср. [СДГВО, 2011, с. 581] и *арьян* 'напиток из заквашенного молока' [СРНГ, вып. 1, с. 382].

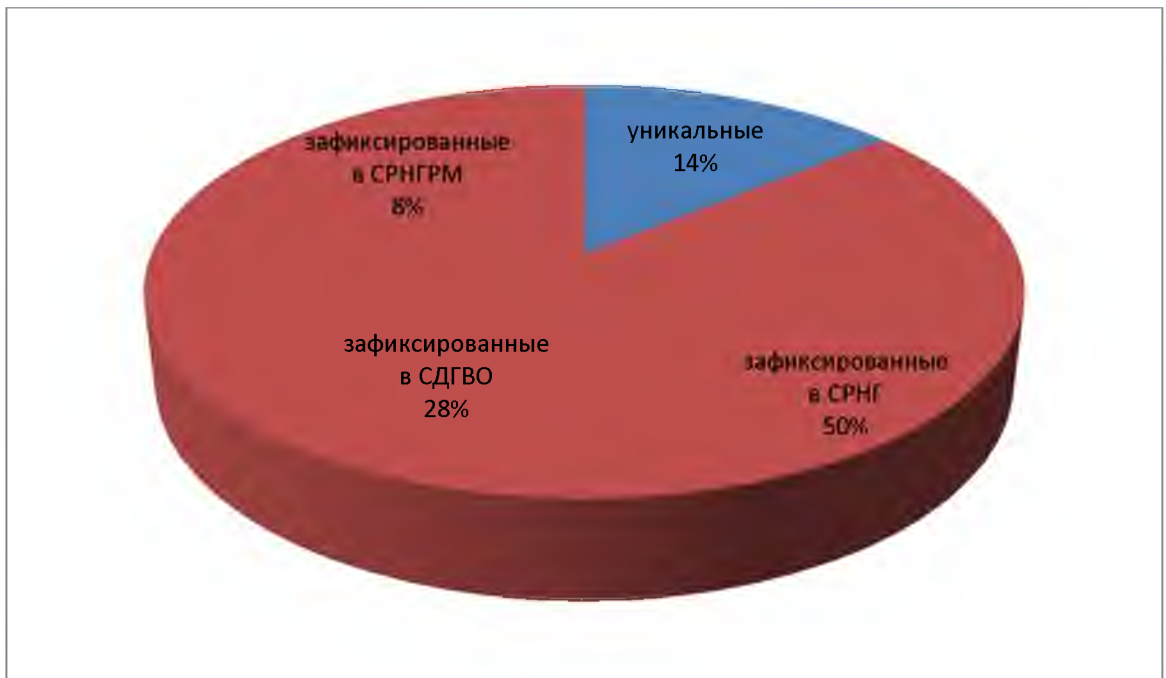
В краишевском говоре действие, связанное с приготовлением пищи, именуется следующим образом: *крЫшати* 'резать' (*крЫшим нОжикам латиУ; у рот ни лЕзитъ, хто линИться крЫшитъ; Лук крЫшим*); *пУститъ* 'добавить' (*мАсло пУстии* у воду и латиА); *развалИть* 'разложить по формам' (*развОлим у хОрмы и у пец*).

Из рассмотренных 13 лексем, только 2 лексемы: *мякотки*, *саксонки* не зафиксированы в словарях с подобным значением, с которым они употребляются в краишевском говоре.

Из полученных данных процентного соотношения лексических единиц тематической группы «Наименования изделий из теста и других блюд» говора с. Краишева видно, что 50% составили лексические единицы, которые бытуют в других говорах с подобным значением, 28% - в донских говорах, 8% - в говорах рязанской Мещеры, 14% уникальные лексические единицы.

Приведем данные процентного соотношения лексических единиц данной тематической группы

Диаграмма №10 «Наименования изделий из теста и других блюд говора с. Краишево»

Из полученных данных видно, что большое количество рассмотренных лексем распространено с подобным значением в других русских говорах (86 %) и только 14% составили уникальные лексические единицы.

Проанализировав лексику тематической группы «Наименования изделий из теста и других видов кушаний», получаем следующее. В обоих селах еда готовилась простая. В основном это пироги с различными начинками и каши, как правило, без молока или каких-либо других вкусовых добавок. В исследуемых нами говорах пироги являются распространенным видом изделий из теста, но имеют разные наименования, например, если в с. Перещепное пироги именуется *заунибушки*, то в с. Краишево – *каньши*. В обоих селах встретились следующие общие наименования с одинаковыми значениями: *канун* и *арьян*.

Из приведенных данных процентного соотношения лексических единиц двух говоров получаем следующее.

Таблица № 8. «Наименования изделий из теста и других блюдговоров двух сел»

	Говор с. Перещепного	Говор с. Краишева

СРНГ	8%	50%
СДГВО	46%	28%
СРНГРМ	8%	8%
Уникальные лексические единицы	38%	14%

В данной тематической группе лексика, описывающая виды кушаний с. Перещепного и с. Краишева, в большинстве своем, разная, но распространена в одних и тех же донских, рязанских, пензенских, московских говорах. В говоре с. Перещепного больше уникальных лексических единиц, чем в говоре с. Краишева. Следовательно, перещепновский говор в большей степени сохраняет самобытность.

3.7. ОБРЯДОВАЯ ЛЕКСИКА

Обрядовая лексика в русских говорах – один из важных аспектов языкового материала, на основе которого можно проанализировать особенности традиций, жизненного уклада, религиозных представлений диалектоносителей. Большинство наиболее важных событий в жизни человека связаны с обрядами: рождение, крещение, свадьбы, проводы на военную службу, смерть. Помимо культурологического содержания всех обрядов, важную роль представляет лингвистический аспект. Диалектная лексика сохраняет в себе веками устоявшиеся названия обрядовых действий, предметов и лиц, участвующих в них.

3.7.1. ОБРЯДОВАЯ ЛЕКСИКА ГОВОРА С. ПЕРЕЩЕПНОГО

В с. Перещепном большинство лексических единиц, входящих в данную тематическую группу, характеризуют свадебный обряд, молодёжные развлечения. Собрание молодёжи, встречи именуются у перещепновцев *шпиль* (на лАвоцку вБудшиь на шпИль). Еще одно название – *ссыпки* (*ссЫпки были витУшки абЫгурывали; на кузьмИнки дЕлали*). Ссыпки имели точную дату – Кузьмин день или Кузьминки.

Кузьминки – народное название праздника, отмечавшегося в честь памяти святых Космы и Дамиана (1/14 ноября), в народной традиции – Кузьмы и Демьяна. В этот день молодые люди делали ссыпки- собирали продукты для гуляния [Этнографическая энциклопедия Волгоградской области, 2017, с. 162].

Следует полагать, что ссыпки, это как раз повод выбрать жениха и невесту. Известно, что в народе св. Косьму и Дамиана считают покровителями свадьбы, поэтому именно в этот день и собиралась молодёжь.

В говоре с. Перещепное зафиксированы такие глаголы, связанные с любовными отношениями: *мурИть* ‘дружить парню с девушкой’, с подобным значением зафиксировано в орловских говорах [СРНГ, вып. 18, с. 355]; *мотАться* ‘быть непостоянным в любовных отношениях’ [СРНГ, вып. 18, с. 296].

Обряд сватовства именуется в перещепновском говоре *запой* (*сватафствО запОй назывАли; кали бУдИть свАдъба, то пЕрвава мАя запОй*); с подобным значением данная лексическая единица употребляется в волжских, тамбовских, пензенских, рязанских, тульских, орловских [СРНГ, вып. 10, с. 336], в донских [СДГВО, 2011, с. 194] и говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 1, с. 138]; *похмЕлье* (*шутл.*) ‘второй день сватовства’, где девушке-невесте задают вопрос: *давОльна* ‘есть желание’ *иттить за няво* ‘вопрос невесте на сватовстве’. После обряда сватовства совершается другое обрядовое действие – *глядеть пец* ‘обрядовое действие перед свадьбой’ (*пеЕцку пайдём үлидЕть к нивести; билёные пЕцки каутЯми*

абдярУть); *корябать пец* ‘царапать печь’ обязательная часть свадебного обряда’ (*на Утро прихадИли карЯбать пец улядЕли умЕить нивЕста билить; пОсле сватафстсвА пашлИ к нивЕсти пец карЯбать*). В назначенный день свадьбы молодые люди *спИсывались* ‘заключали брак’ (*Едим патОм спИсываться у клубе или сильсавЕте*), глагол с подобным значением употребляется в архангельских, свердловских, московских, новосибирских говорах [СРНГ, вып. 40, с. 148] и в говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 2, с. 171]. На торжестве присутствовали родственники *сродство*, данная лексема с подобным значением употребляется в новгородских, красноярских, бурятских говорах [СРНГ, вып. 40, с. 319] и говорах рязанской Мещеры [СРНГРМ, т. 2, с. 172].

Близкий друг жених, как правило, свидетель на свадьбе именуется перещепновцами *свецка*, а подруга невесты – *каряннАя подруга*.

На второй день свадьбы совершался обряд – *битьё горшков*. Данное обрядовое действие совершается и в донских говорах [СДГВО, 2011, с. 601].

Следующее действие - *идти на пирожки* ‘обрядовое действие, совершаемое, после свадьбы молодыми супругами’ (*чириз нидЕлю пОсли свАдьбы на пирашкИ пайдём к радИтилям*).

В говоре с. Перещепное употребляется следующее собственно-диалектное название: *другожЕнец* ‘мужчина, который уже был женат’ (*питухА цап за ноуи за друуажЕнца выйдись*). Данная лексическая единица с подобным значением зафиксирована в тамбовских, курских, воронежских, саратовских, смоленских [СРНГ, вып. 8, с. 208] и донских говорах [СДГВО, 2011, с. 152].

Кроме того, в рассматриваемом говоре распространено понятие *пойти на детей* ‘выйти за мужчину, у которого есть дети от другого брака’ (*в дивятнАтцать лЕт пашла на двух дитЕй*);

Приведем фрагмент записи, связанный с свадебным обрядом:

В сямнАтцать лЕт вБила зАмуш. Сыурали свадьбу интирЕсную. Свадьба привисёлая с уармОнию балалАйками. СвАтались за нидЕлю да свадьбы. ПрЕжди чем за нивЕстай итить падрУуи нада пастЕль атнЕсть стёуанае адиЯла. Посли сватафства идуць пец улядЕть карЯбать пец.

Кроме рассмотренных выше наименований, связанных с подготовкой и проведением свадебного обряда, в перещепновском говоре зафиксированы лексические единицы, характерные для других обрядовых действий: *воровАть кур* (обряд.) ‘игра’ (*мАслина бывАить хОдим кур варавАть*); *мАсляна* ‘масленница’ (*на мАсляну к маёй мАтири на блинЫ хадили*). На праздники местные жители *прибАсывали* ‘пели частушки’; *иурали песни ср.* [СДГВО, 2011, с. 581];

Действия, связанные с религиозными обрядами: *кстить* ‘крестить’ (*снОхи тОже пакшныи*). Зафиксирована данная лексема с подобным значением в нижегородских, рязанских, смоленских, московских, саратовских говорах [СРНГ, вып. 15, с. 373]; *развивать венки* ‘праздничный обряд на Троицу’. Данная лексическая единица употребляется в ростовских, ярославских говорах [СРНГ, вып. 33, с. 287].

В с. Перещепном особо почитается религиозный праздник *Девятая пятница* в честь святой мученицы Параскевы. Местные жители особо почитают этот день. Дата празднования подвижная - девятая пятница после Пасхи. В селе освящен источник в честь мученицы Параскевы.

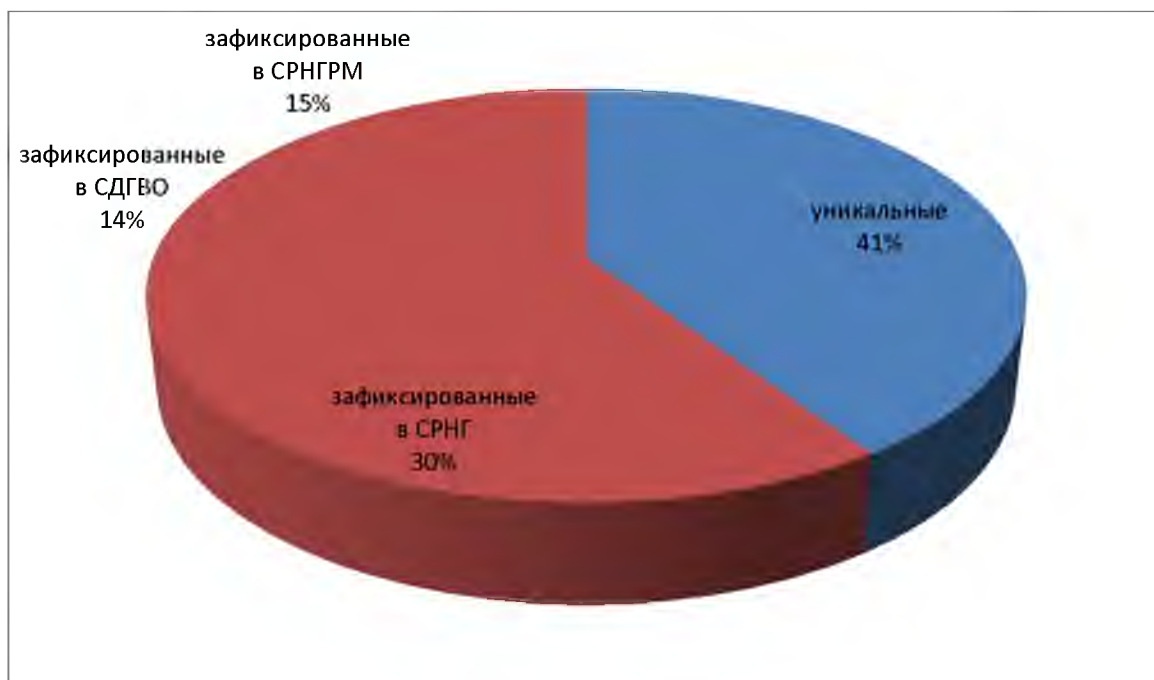
В Словаре русских народных говоров зафиксирован праздник *Девятая пятница* в муромских, владимирских, тверских, вологодских говорах [СРНГ, вып. 7, с. 322].

В данную тематическую группу вошло 19 лексических единиц, из которых 6 зафиксировано в СРНГ с подобным значением в тамбовских, воронежских, новгородских, калужских, саратовских, пензенских, рязанских говорах. В СРНГРМ с подобным значением встретилось 3 лексемы (*запой, списываться, сродство*). Три лексические единицы зафиксированы в

донских говорах (*бить горшки, другоженец, запой*). Лексические единицы *глядеть пец, давольна иттить, идти на пирожки, корябать пец, похмелье, пойти на детей, свеука, шпиль* не зафиксированы в словарях с подобным значением, следовательно, являются собственно лексическими диалектизмами.

Приведем данные процентного соотношения лексических единиц данной тематической группы

Диаграмма №11 «Обрядовая лексика говора с. Перещепного»

Из полученных данных видно, что в данной тематической группе «Обрядовая лексика говора с. Перещепного» чуть больше половины из рассмотренных лексем распространено с подобным значением в других русских говорах (59 %), а другую часть (41%) составляет уникальная лексика. Следовательно, говор с. Перещепного сохраняет на современном этапе развития свои уникальные традиции свадебного и других обрядов.

3.7.2. ОБРЯДОВАЯ ЛЕКСИКА ГОВОРА С. КРАИШЕВА

В говоре с. Краишево зафиксированы следующие лексические единицы, которые были описаны выше, как характерные для перещепновского говора: *шпиль, ссыпки, кузьминки, запои, мурить*. Данные лексические единицы, имеющие одинаковое значение, являются общими для говоров двух сел. Кроме общей лексической единицы, называющей обряд сватовства (*запой*), в говоре с. Краишева зафиксировано и другое название сватовства - *зарученье*. С подобным значением данная лексическая единица употребляется в тихвинских, новгородских, архангельских говорах [СРНГ, вып. 10, с. 336].

Прическа невесты носила название *каблУк* ‘прическа из кос, которую делают невесте на второй день после свадьбы’ (*кОсы сзади просто висять а на фтарОй дЕнь каблУк дЕлають из этих кОсаф пат платОк*);

Фрагмент записи свадебного обряда с. Краишева:

Хрёсный свАтаить а пОсли заручЕнье чириз нидЕлю запОй. РишАють кауда свАдъба. НивЕста пакупАла и расшивАла рубАху сряжАла утИрки на икОны. СначАла жанИх идёт за нивЕстай и идУть ани патом к нимУ Там пасидЯть радИтили баславляли а патОм ууляють. Па три днЯууляли эт у каво какАя срЕдства.

В с. Краишево было зафиксировано название обрядовой песни, которую пели под новый год – *Овсень* или *овсЕнька* (*Авсеньки пЕли пад стАрый нОвый год: Авсень-каляда на уарОде либяда приталОцина, прималОцина*). Данную лексему с подобным значением находим в рязанских [СРНГ, вып.1, с. 199] и донских говорах [СДГВО, 2011, с. 373].

Лексические единицы, связанные с исполнением песен: *вторить* ‘петь вторым голосом’; *петь голосом* ‘причитать’; *петь заслед* ‘петь с кем-то вместе’; *рожаствОкать* ‘петь праздничные песни, прославляя Рождество Христово’; *голосовые песни* ‘протяжные песни’ (*Эт я рАньшэ уласавЛе пЕла пЕсти*).

В с. Краишево также как и в с. Перещепном особо почитают праздник *Девятая пятница*, который отмечается в девятую пятницу после Пасхи. В с. Краишево также освящен источник в честь св. мученицы Параскевы, нареченной Пятницы.

В Словаре русских народных говоров зафиксирован праздник Девятая пятница в муромских, владимирских, тверских, вологодских говорах [СРНГ, вып. 7, с. 322].

В данную тематическую группу вошло 14 лексических единиц, из которых 4 зафиксировано в СРНГ с подобным значением в тамбовских, воронежских, новгородских, калужских, саратовских, пензенских, рязанских говорах. В СРНГРМ с подобным значением встретила лексема *запой*. Одна лексическая единица зафиксирована в СДГВО: *запой*. Лексические единицы: *шпиль, ссыпки, каблук, рожаствокать, вторить, петть заслед, голосовые песни, петть голосом* являются уникальными, то есть не зафиксированы в словарях с подобным значением.

Приведем данные процентного соотношения лексических единиц данной тематической группы

Диаграмма №12 «Обрядовая лексика говора с. Краишево»

Из полученных данных видно, что в данной тематической группе «Обрядовая лексика говора с. Краишево» больше половины из рассмотренных лексем являются уникальными (58 %), а другую часть (42%) составляет общедиалектная лексика.

В тематической группе «Обрядовая лексика» мы рассмотрели 33 лексические единицы. В данной тематической группе говоры рассматриваемых сел имеют общие наименования обрядов и праздников. Жители обоих сел празднуют Кузьминки и Девятую пятницу, следовательно, имеют одинаковые наименования действий и предметов, связанных с данными праздниками. Отметим, что в соседнем окружении эти праздники не известны. Следовательно, цокающие мещерские говоры принесли эти традиции с собой на Волгоградскую землю еще в 18 веке.

Общие лексические единицы данной тематической группы: *шпиль*, *ссыпки*, *кузьминки*, *девятая пятница*, *запой*, *мурить*. В с. Краишево Еланского района обряд сватовства имеет два наименования: *заручение* и *запой*. Второе название сватовства – *запой* - присуще также говору с. Перещепное. Лексема *запой*, бытует преимущественно на территории

южнорусского наречия (рязанские, тамбовские, пензенские говоры), что вполне объяснимо с точки зрения истории формирования рассматриваемых цокающих говоров. Существительное *зарученье*, в отличие от предыдущего, зафиксировано преимущественно в северных и среднерусских говорах (тихвинских, новгородских). Из фрагментов, описывающих свадебный обряд, видно, что в настоящее время и в с. Перещепное и в с. Краишево нет четкой структуры в традиции свадебного обряда. Лишь отдельные его элементы описываются жителями обоих сел. Следовательно, исконные традиции свадебного обряда постепенно утрачиваются как в с. Перещепное, так и в с. Краишево.

В с. Перещепное функционируют лексемы *ипиль*, *свеука*, также устойчивые сочетания *улядеть пеу*, *давольна иттить за ниво*, *идти на тирожки*, *корябать пеу*, *карянная подруга*, *пойти на детей*, которые не зафиксированы в словарях, следовательно, являются уникальными и составляют 41 % от рассмотренной лексики данной тематической группы. В говоре с. Краишево уникальные лексические единицы составили 58% .

Приведем данные процентного соотношения лексических единиц, рассмотренных в данной тематической группе, говоров обоих сел.

Таблица № 9. «Обрядовая лексика говоров двух сел»

	Говор с. Перещепного	Говор с. Краишева
СРНГ	30%	28%
СДГВО	14%	7%
СРНГРМ	15%	7%
Уникальные лексические единицы	41%	58%

По данным исследования тематической группы «Обрядовая лексика» делаем вывод о том, что говоры двух сел сохраняют общие особенности

традиционных обрядовых действий и уникальные лексические единицы, которые не зафиксированы в других русских говорах.

3.7.3. ОБРЯДОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ТЕСТА ГОВОРА С. КРАИШЕВА

Данная тематическая группа «Обрядовые изделия из теста», включает лексику только с. Краишева, так как в с. Перещепном не отмечены изделия из теста, имеющие обрядовое значение, кроме лексемы *витушка*.

Рассмотрим такое изделие из теста, как *витушка*, которое имеет в краишевском говоре несколько значений: *витУшка* – обряд. ‘печенье из пресного теста’, ‘завитое печенье, специально предназначенное для игр молодёжи’, ‘украшения из теста’, ‘праздничное украшение, жгутики из теста, обыгрываемые на ссыпках’ (*ВитУшки тикЛИ, тОнинькай рулЕтик на прОтвени а тут цвитОцки; ссЫнки были витУшки абЫгывали. Мы пичОм, а парни дЕньуи даютъ; витУшки – тЕсто крутОе: Яйца салИцки малЕнько мука; тауда чаУош! каньшИ и крУульй канЬш витУшками украшАли; катАим витУшки украшАим и вЕшаим на стЕнку вЕчэрОм жьынихИ абЫгывали их; витУшки такИми-ти штУками ускими парЕжись такими-ти фОрмами; на кузьМинки дЕлали; тОненькай тЕста у цвитОчэк и тикЕшь*).

С подобным значением лексема *витушка* в зафиксирована в сибирских и донских говорах [СРНГ, вып. 4, с. 302].

Отметим, что в других говорах, например, в донских *витушка* – это сдобная булка, то в краишевском и перещепновском говорах – это печенье или украшение, имеющее обрядовое значение.

Был записан обряд в с. Краишево *обыгывание витушек*. Местные жители рассказывают, что на *ссыпках* ‘собрания молодёжи’ обыгывали витушки.

Обыурывать витушки ‘обрядово-игровое действие молодежи’ (абыурывали витУшки; нидЕлю длИлась; витУшки пякли балалайшник у нас урал. ИдЕм на Ульце хто што даст. ПатОм пАрни выкупАють витУшки у нас дЕньуи за витУшки давали цалУють всех дЕйчат; с Осени да кузьмЫ бЫли сидЕлки: ся маладОшь сабирАлась. А на кузьмУ ссЫнки бЫли. Днём хадИли с уармОней на дварАм яйца сабирАли а вЕчырам жАрили яйИшницу. И вот рибЯт абЫурывали и пЕсню пЕли: «А хто у нас хОласт а хто ни жанАт. Юра у нас хОласт Саша ни жанАт». СкОлька смяхОв – та была. Хто за уши уцЕпить хто за што. А у парнЕй витУшка спрЯтана за пАзухай, а мы лЕзим Ишим пад пЕсни а ани нас цалУють).

В Словаре русских народных говоров зафиксировано значение, которое очень близко по значению, записанному нами обрядовому действию: Обыгрывать, 1. Петь. Ряз., 1903. На девичник ребята ходят, обыгрывают, девки песни поют, а ребята деньги кладут. Ордын. Новосиб. [СРНГ, вып. 22, с. 283].

Обряд *обыурывание витушек* находит свое отражение в СРНГ, как обряд с песнями, выкупами витушек. Этот игровой обряд, который совершался молодыми людьми на ссыпках, имеет точную дату – Кузьмин день – 14 ноября.

Следует полагать, что молодёжные собрания, где и совершался обряд обыгрывания витушек, это как раз повод выбрать жениха и невесту. А т.к. в народе св. Косьму и Дамиана считали покровителями свадьбы, поэтому именно в этот день и собиралась молодёжь.

Витушка как вид изделия из теста зафиксирован не только в говоре с. Краишево, но и в донских говорах Волгоградской области, в сибирских говорах. А лексическая единица – *обыгрывать*, в значении ‘сопровождать песней’ употребляется в рязанских и новосибирских говорах. Но соответствий обряду *обыурывание витушек* в других говорах не найдено. Полагаем, что обряд *обыурывание витушек* имеет аналоги и в других

русских говорах, поскольку лексема *обыгрывать* зафиксирована в рязанских, новосибирских говорах с близким значением, связанным с молодёжными играми, развлечениями.

Далее рассмотрим изделия из теста, которые готовились на православные праздники.

ОрЕхи ‘обрядовая выпечка из пресного теста, выпекалась на малую маслину’ или ‘вид выпечки из пресного теста в форме ореха’ (*мАлинькая мАслина наДа арЕхи пЕц*); *лЕсенки* (*на вазнисЕние Христа пиклИ; кауда Боу на небесах лЕсницы пиклИ эт пирОх в вИде лЕсницы начИнка малОшная кАша*).

В Толковом словаре русского этнографического музея находим более полное и развернутое описание приготовления и значения выпечки *лесенки*.

Лесенки (лесеньки, лестницы, лествицы) - обрядовое печенье в форме лестницы, выпекаемое на Вознесение, в день Иоанна Лествичника, иногда в Лазареву субботу, предшествующую Вербному воскресенью. [URL: <http://www.ethnomuseum.ru/glossary>].

В Словаре донских говоров Волгоградской области дается толкование лексеме *лестнички*.

Лестнички [лѣснички], -ов, ед. не употр. Обряд. Печенье в виде лесенки, которое готовится на православный праздник Вознесения Господня; то же, что лесенка. [СДГВО, 2011, с. 297].

В Словаре русских народных говоров находим следующее определение: «Лестница - то же, что лесенка. Ряз., 1874. Тул., Калужк. Из теста лестницы пекли на Вознесенье. Моск. Костром., Пенз.» [СРНГ, вып. 17, с. 13].

Следовательно, такое изделие из теста, имеющее обрядовое значение, как *лесенки* является общедиалектным, так как встречается в различных говорах с подобным значением.

Следующее наименование обрядового изделия из теста - *онУчки* ‘тоненьки блинчики пекли на праздник Вознесения’ (*анУтки пиклИ Христу*

эт тОненькие блинцЫ на нОуи заварАчывали; анУчки тикли Христу на вазнисЕнье).

В Словаре русских народных говорах дано следующее определение: «Боговы (христовы) онучи – тонкие блины из пшеничной муки, которые пекут на вознесенье, о Боговы онучи. Тонкие обрядовые лепешки из ржаной, гречневой, пшеничной или овсяной муки, которые пекут на вознесенье или в вербную субботу. Костром. Чтобы Христу лучше по лесенке на небо лезть, пекли ему онучки из ржаной муки. Моск. < > Боговы онучки. Аннин. Ворон., 1967. Христовы о н у ч к и. Ряз.» [СРНГ, вып. 23, с. 227].

В Словаре русских народных говорах Рязанской Мещеры встретилась лексема *онуча*, но в ином значении, как кусок домотканной материи, наворачиваемой на ногу при ношении лаптей или сапог [СРНГРМ, т. 2, с. 18].

Если в Словаре русских народных говоров Рязанской Мещеры *онУчи* толкуется как обертка на ногу, то в московских, воронежских, костромских и в краишевском говорах оно толкуется как изделие из теста, имеющее переносное значение.

Рассмотрев наименования обрядовой выпечки краишевского говора: *витушки, орехи, лесенки и анучки*, а также лексическую единицу *обыгрывание витушек*, получили следующие результаты. Поскольку жители с. Краишева не могут в точности передать значение и описание обрядовому действию, связанному с тем или иным изделием из теста, были найдены в литературных источниках и в других говорах описания традиций и действий, связанных с той или иной лексической единицей.

Такие изделия как *витушка* и *лесенки* зафиксированы в соседних для краишевского говора донских диалектах. Обряд *обыгрывание витушек* не найден в других русских говорах, следовательно, является уникальной особенностью. Лексическая единица *обыгрывать* в значении ‘сопровождать песней’ зафиксирована в рязанских говорах. Можем предположить, что

данный обряд *обыгрывание витушек* утратился в других говорах, либо он настолько редкий в употреблении, что не отразился в письменных источниках.

3.8. НАЗВАНИЕ ИГР И РАЗВЛЕЧЕНИЙ

В отдельную группу отнесем название игр и развлечений говоров рассматриваемых сел: Перещепного и Краишева.

Поскольку зафиксировано небольшое количество лексических единиц, связанных с игровой деятельностью, мы рассмотрим особенности двух населенных пунктов в одном параграфе.

В с. Перещепном было зафиксировано только одно наименование игры: *игра по бЕуалки* ‘игра в мяч’ (*у мецЫ иурали эт па бЕуалки*)

В с. Краишево зафиксированы следующие наименования: *игра по застУкалки* ‘вид подвижной игры’; *игра у клякИ*; *игра по красочки* ‘вид игры’ (*па крАски иурАли цветА назывАли*); *игра у прахОжии* ‘вид подвижной игры’ (*две дЕвушки под рукУ прауУливаюца па Ульцэ а пАринь катОрый идёт им на фстрЕцу выбирАить аднУ из них; тадЫ иурАли у прахОжии па крАски*); *игра у прятАлки* (*Адин вАдить, а друуИя прЯцуца каво найдёт тот вАдить*); *игра по цыкАлки* ‘вид игры’ (*прЫуали цЫкали крыцАли*).

Аналогичных названий игр в других говорах и в литературном языке не найдено, следовательно, они являются уникальными.

В с. Краишево были зафиксированы названия разных видов танца: *крукавЯк* ‘танец’ и *матлёт* ‘вид быстрого танца’ (*эт как бЕшиная пОлька прям лётаить*).

Все рассмотренные лексические единицы данной тематической группы являются уникальными, так как не зафиксированны в словарях с подобным значением. В говоре с. Перещепного зафиксирована только одна лексическая единица, называющая игру. Отметим, что форма образования названия игры

в говорах одна и та же: предлог по с существительным в винительном падеже.

3.9. ТЕРМИНЫ РОДСТВА

В говорах обоих сел зафиксированы следующие наименования родственников: *Батя* ‘свекр’. С подобным значением употребляется в донских говорах [СДГВО, 2011, с. 37]; *мама старая* ‘бабушка’

В говоре с. Перещепное зафиксированы следующие наименования, связанные с ребенком: *малый* ‘грудной ребенок’. Зафиксирована данная лексема с подобным значением в пензенских, нижегородских, московских, курских говорах [СРНГ, вып.17, с. 340]; *нагульный ребенок* ‘ребенок, родившийся вне брака’, употребляется с подобным значением в брянских, калужских, пензенских говорах [СРНГ, вып. 19, с. 218]; *пЕрвертень* ‘нагульный ребенок’ (*наУльный паринёк пЕрвертень так назывАли*).

Жителей села Перещепного именуют *цыкуны*, а название села - *цавОкино сילו*.

В говоре с. Краишева зафиксированы следующие наименования, связанные с воспроизведением рода: *зародить* ‘забеременнить, родить ребенка’. С подобным значением употребляется в донских говорах [СДГВО, 2011, с. 198] и в рязанских, вологодских говорах [СРНГ, вып. 10, с. 387]; *найтись* ‘родиться’. С подобным значением зафиксирована в других русских говорах [СРНГ, вып. 19, с. 301]; *бездЕтство* ‘бездетность’ (*за бисдЕтства миня судИли*);

Местных жителей называют *цукАн*, *цукАнка*, *цуканЫ* (*цуканы нас назывАють; цукАн, цукАнка*), а название села – *цукреспублика* (*ЦуканЫ нас уаварЯть; цукриспУблика назывАють*);

В данную тематическую группу вошли собственно диалектные единицы, которые так или иначе связаны с родовой принадлежностью. Общие наименования – *батя* и *мама старая*, которые относятся к терминам родства, остальные лексические единицы характеризуют разные понятия и имеют разные наименования.

В данной тематической группе было рассмотрено 12 лексических единиц, из которых 5 зафиксировано с подобным значением в других русских говорах, следовательно, 7 лексических единиц являются уникальными.

ВЫВОДЫ

1. Из 314 проанализированных лексических единиц (166 лексических единиц и устойчивых сочетаний с. Перещепного и 148 единицы с. Краишева), 120 лексем – уникальные, не обнаруженные в других говорах. Оставшиеся 194 лексические единицы зафиксированы в словарях с подобным значением и употребляются в других русских говорах.

2. Лексическая система говора с. Перещепного в современном состоянии сохраняет собственно диалектную лексику в большинстве своем распространенную в других русских говорах преимущественно в пензенских, нижегородских, владимирских, рязанских, московских, новгородских, архангельских, сибирских, воронежских, донских.

3. Лексические единицы, которые с подобным значением отмечены в материнских говорах рязанской Мещеры, составили 16% от общего количества. Это такие собственно диалектные единицы, как *утирка, нидётка, гарба, шабол, зыбка, мост, дуля, подтёлок, вёрстки и др.*, которые употребляются и в других русских говорах, т.е являются общедиалектными.

4. Собственно диалектные слова, которые с подобным значением зафиксированы в соседних донских говорах, составили 17% от всей рассмотренной лексики. Это следующие лексические единицы: *полудошка, звар, арьян, зыбка, юшка, омшаник, болкун, теплушка и др.*, которые также являются общедиалектными.

5. Уникальные лексические единицы составили 29% от общего количества. Это такие слова, как *катя, матраc, отлив, поперешник, арЫк, завЯлить, свецка, шпиль и др.*, которые не зафиксированы в других говорах и в литературном языке с подобным значением.

Диаграмма № 13 «Процентное соотношение всей рассмотренной лексики говора с. Перещепного»

6. Лексическая система говора с. Краишева в современном состоянии сохраняет собственно диалектную лексику (*босовики, кургузик, галица, кулага, копытечки, канун, ватола, думка и др.*), в большинстве своем распространенную в других русских говорах преимущественно в донских, пензенских, рязанских, нижегородских, свердловских, владимирских, московских, новгородских, архангельских, сибирских, воронежских и др.

7. Лексические единицы, которые с подобным значением зафиксированы в материнских говорах рязанской Мещеры, составили 14% от всей рассмотренной лексики. Большинство из них употребляется и в других говорах, т.е являются общедиалектными.

8. Собственно диалектные единицы (*чакан, утак, арьян, звар, творило, зыбка, журавец и др.*), которые с подобным значением зафиксированы в соседних донских говорах, составили 21% от всей рассмотренной лексики, что обусловлено территориальной близостью села Краишева к соседним казачьим хуторам.

9. Уникальные лексические единицы составили 27% от всей рассмотренной лексики. Это такие слова, как *абёртка, абой, ледвинь, судняя*

акно, жлыга, шпигаль, каблук, которые не зафиксированы в других говорах и в литературном языке с подобным значением.

Диаграмма № 14 «Процентное соотношение всей рассмотренной лексики говора с. Краишева»

10. Лексика говоров двух сел разная, практически не содержащая общих наименований. Как правило, одни и те же предметы в говорах имеют разные названия, например, название буса: *жерелки* – в с. Краишево, *вёрстки* – в с. Перещепном; название пирога: *загнибушек* – в с. Перещепном, *каньш* – в с. Краишево; название каши: *сухая каша, сливная каша* – в с. Краишево, *затуруха, мамулыга* – в с. Перещепном; название верхней одежды: *кулюн, шубняк* – в с. Перещепном, *кургузик, полудошка* – в с. Краишево; название шкафа для посуды: *посудник* – в говоре с. Перещепное, *брус* – в говоре с. Краишева. Всего лишь 23 лексические единицы, из рассмотренных в тематических группах 314 единиц, имеют общие названия, характеризующие преимущественно обрядовую и бытовую сферы (*витушки, кузьминки, девятая пятница, ссыпки, зыбка, мост, шабол, канун, дуля* и др.).

«Процентное соотношение всей рассмотренной лексики говоров
с.Перещепного и с. Краишева»

11. Говоры обоих сел, восходящие к одному пензенскому диалекту, а еще ранее к говору рязанской Мещеры, в своем современном состоянии имеют по большей части разную лексику, то есть расходятся на лексическом уровне языка. Предполагаем, что расхождение говоров на лексическом уровне происходило постепенно под воздействием окружающих донских диалектов и литературного языка.

12. Наряду с общераспространенными, литературными названиями одежды, продуктов питания, бытовых предметов, наименований растительного и животного мира в говорах функционируют местные диалектные слова, так называемые уникальные, которые составляют 36 % от всей рассмотренной лексики (*шуба с хантАми, сапаги с набОрами, загнибушки, обыгрывать витушки, ссыпки, абёртка*). Уникальные лексические единицы в каждом говоре свои.

13. Несмотря на то, что местные жители чувствуют отличие своей речи от литературной, и от говоров соседних населенных пунктов и стесняются вести беседы с приезжими людьми, в говоре сохранились свои не только фонетические и грамматические, но и лексические особенности, которые широко отражают культуру и традиции жителей села Перещепного и села Краишева.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном диссертационном исследовании в результате сопоставительного анализа были выявлены фонетические, грамматические и лексические особенности островных территориально изолированных цокающих мещерских говоров Волгоградской области на современном этапе развития.

В говоре обоих сел сохраняются традиционные фонетические и грамматические особенности: аканье; яканье; цоканье; произношение долгих твердых шипящих [ж], [ш] на месте литературных мягких; произношение фрикативного [γ], оглушающегося в [x]; произношение [и] на месте [а] второго предупредительного слога в начале слова; [ў]-неслоговой на месте [в]; произношение [j] на месте [ф']; замены [ф] на [x]; типичные южнорусские инфинитивы, оканчивающиеся на –ть, на месте литературного – ти; образование возвратных глаголов с добавлением частицы –сь (с) к глаголам, оканчивающимся на гласный; переход существительных среднего рода в женский; особые формы местоимений 2-го лица и возвратного местоимения в дательном и предложном падежах с произношением [j] на месте [б] (тае, сае); употребление постпозитивной частицы –ти после любых частей речи.

Лексическая система говоров двух сел не была изучена ранее в исследованиях ученых-диалектологов. Делать однозначных выводов, о том, сохраняются ли в ней традиционные черты или произошли какие-то изменения, не представляется возможным. Поэтому наши выводы носят предположительный характер, основанный на данных Словаря русских народных говоров Рязанской Мещеры, который представляет диалектную лексику недифференцированно, и данных Словаря русских народных говоров, который фрагментарно фиксирует мещерскую лексику. Опираясь на эти данные, делаем вывод, что в рассматриваемых говорах с. Перещепного и с. Краишева, частично сохраняются традиционные черты (16% от всей лексики

и 14% соответственно), характерные для материнских говоров рязанской Мещеры.

В экспедициях последних лет были зафиксированы фонетические и грамматические особенности, не отмеченные диалектологами ранее: в говоре с.Перещепное - лексикализованный переход ударного [а] между мягкими согласными в [е] в слове мяч; явление, связанное с принципом восходящей звучности: вставка гласного звука между согласными; произношение на месте мягкого литературного [ш'] сочетания твердых звуков [шч]; процесс диссимиляции звуков; выпадение звука [в] в начале слова; полная редукция начального гласного [и]; сочетания звуков [шн] на месте [чн]; «смешение» [р] и [р']; образования формы множественного числа у некоторых существительных – с конечным ударным [а] на месте литературных [и] или [ы]; окончание –ай у прилагательных мужского рода независимо от места ударения (в том числе на месте литературного –ий); унификация окончаний глаголов 1-го и 2-го спряжений. В говоре с. Краишева – выпадение звука [в] в начале слова; наблюдается полная редукция начального гласного [и]; сочетания звуков [шн] на месте [чн]; «смешение» [р] и [р'], которые являются общими для рассматриваемых говоров; энклитические формы местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в родительном и винительном падежах: мя, тя; частицы - та, - ту, которые согласуются в роде и падеже с предшествующим именем.

Говоры обоих сел в современном состоянии сохраняют материнские особенности, характерные для говоров рязанской Мещеры и мещерских пензенских говоров на фонетическом уровне: яканье; цоканье; произношение [и] в начале слова на месте [а]; переход в позиции под ударением [а], между мягкими согласными, в [е]; переход ударного [а] между мягкими согласными в [о]; особое произношение свистящих мягких согласных [з', с']; твердость долгих шипящих [ж], [ш]; выпадение звука [в] в начале слова; переход [к] в [х]; полная ассимиляция в сочетании «шипящая+ свистящая»; произношение

[j] на месте [ф']; замена [ф] на [х], [хв]; «смещение» в произношении [р] и [р]; переход [в] в [ў] либо в [у]-слоговое; существительные мужского и женского рода имеют аналогичную парадигму склонения; существительные среднего рода переходят в женский, отмечены единичные случаи перехода среднего рода в мужской; существительные 3-го склонения приобретают при изменении формы 1-го склонения; образования формы множественного числа у некоторых существительных – с конечным ударным [а] на месте литературных [и] или [ы]; существительных множественного числа образуются путем прибавления суффикса – j – к основе мн.ч.; местоимения тае, сае, мя, тя; глаголы 3-го лица единственного и множественного числа оканчиваются на [т] мягкий; глагольные формы 1-го лица единственного числа произносятся с переносом ударения с окончания на основу; возвратные формы глагола образуются путем присоединения к глаголу частицы –ся, –си, –сь.

Общие фонетические и грамматические особенности для перещепновского и краишевского говоров: переход ударного [а] в [о]; произношение [и] на месте [а] в начале слова; произношение фрикативного [γ], оглушающегося в [х]; переход [в] (и в качестве предлога или приставки, и в середине слова) в [ў], а на месте [в] начале слова перед согласным обычно является [у]; произношение [j] на месте [ф']; замена звука [ф] на [х], [хв]; переход [к] в [х], исключительно, в словах с корнем – крест; долгие твердые шипящие [ш], [ж] на месте литературных мягких; типичные южнорусские инфинитивы, оканчивающиеся на –ть, на месте литературного – ти; образование возвратных глаголов с добавлением частицы –сь (с) к глаголам, оканчивающимся на гласный; глаголы 3-го лица единственного и множественного числа оканчиваются на [т] мягкий; глагольные формы 1-го лица единственного числа произносятся с переносом ударения с окончания на основу; переход существительных среднего рода в женский; существительные 3-го склонения приобретают при изменении формы 1-го

склонения; существительных множественного числа образуются путем прибавления суффикса – j – к основе мн.ч.; особые формы местоимений 2-го лица и возвратного местоимения в дательном и предложном падежах с произношением [j] на месте [б] (тае, сае); употребление постпозитивной частицы –ти после любых частей речи.

На современном этапе развития архаических черт больше на фонетическом уровне в говоре с. Перещепном (твердое цоканье, лексикализованный переход ударного [a] в [e], особое «шепелявое» произношение свистящих мягких согласных [з', с'], полная ассимиляция в сочетании «шипящая+ свистящая»), а в говоре с. Краишева архаические черты претерпевают изменения, переходят в другие звуки, реже употребляются в речи местных жителей, либо совсем утрачиваются (твердое цоканье слышится очень редко, лишь в единичных случаях, а на месте литературного мягкого [ч] слышится твердый звук [ч], а такие черты как «шепелявое» произношение свистящих мягких согласных [з', с'], полная ассимиляция в сочетании «шипящая+ свистящая», совсем утратились). Типы яканья у рассматриваемых говоров разные: в перещепновском говоре – умеренное яканье, а в краишевском говоре – умеренно-ассимилятивное.

На грамматическом уровне в современном состоянии перещепновский и краишевский говоры сохраняют общие типичные особенности, за исключением некоторых: образования формы множественного числа у существительных – с конечным ударным [a] на месте литературных [и] или [ы]; окончание –ай у прилагательных мужского рода независимо от места ударения (в том числе на месте литературного –ий), которые хранит говор с. Перещепное, а в говоре с. Краишева данных черт не обнаружено. В краишевском говоре сохранились энклитические местоимения –мя, тя, а в перещепновском говоре данные формы утратились.

На лексическом уровне в современном состоянии обнаруживается большее расхождение говоров двух сел. Лишь небольшое количество общих

лексических единиц (7%) зафиксировано в перещепновском и краишевском говорах, как правило, это наименования праздников и обрядов, а также названия предметов и явлений бытового характера. Преимущественно лексика общедиалектная, распространенная в других русских говорах (57%), но также значительный процент (36%) составляют лексические единицы, которые не употребляются с подобным значением в других говорах и литературном языке, т.е. являются уникальными.

Говор с. Перещепного и говор с. Краишева, являющиеся в своей основе южнорусскими мещерскими, сохраняют в современном состоянии преимущественно южнорусские черты и типичные материнские особенности. Но говоры рассматриваемых сел, ранее идентичные на всех языковых уровнях, на современном этапе развития имеют расхождение на фонетическом уровне. Говор с. Перещепного хранит больше архаичных черт, чем говор с. Краишева. На грамматическом уровне сохраняют общие традиционные черты, за исключением единичных особенностей.

На лексическом уровне рассматриваемые говоры значительно расходятся, сохраняя лишь небольшой процент общих названий предметов и явлений, преимущественно в бытовой и обрядовой лексике.

Материалы исследования показали, что на современном этапе развития говор села Перещепного оказывается более устойчивым в плане сохранения типичных признаков, в то время как говор села Краишева утрачивает их и развивает тенденцию к постепенной ассимиляции с окружающими его неостровными южнорусскими говорами.

Условные сокращения

вин.пад. – винительный падеж
дат.пад. – дательный падеж
ед. — единственное число
жен. –женский род
им.пад. - именительный падеж
м. — мужской род
мн. — множественное число
несов.— несовершенный вид
род.пад. – родительный падеж
предл.пад. – предложный падеж
прил. — прилагательное
сов. — совершенный вид
ср. р.— средний род
сущ. - существительное
тв. пад. – творительный падеж

Прщ. – с.Перещепное Котовский район Волгоградская область
Крш.- с.Крайшево Еланский район Волгоградская область

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов Р.И. Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей // Известия АН СССР, Отд. литературы и языка. М., 1952. Т. XI. Вып. 2. С. 170–173
2. Аванесов Р.И. Очерки диалектологии рязанской мещеры, М., 1949 С. 135-236.
3. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. – М.: Учпедгиз, 1949. – 336 с.
4. Активные процессы в языке и речи / отв. ред. Л. И. Баранникова. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1991. – 143 с.
5. Алефиренко Н. Ф. Теория языка. Введение в общее языкознание: учеб. пособие для студ. филол. спец. – Волгоград: Перемена, 1998. – 440 с.
6. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. – М.: Флинта, 2005. – 416 с.
7. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: монография. – Волгоград: Перемена, 1999. – 273 с.
8. Апресян Ю.Д. Коннотация как часть прагматики слова. – «Языки русской культуры», 1995. – С. 156 – 177.
9. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания - Вопросы языкознания, №1., 1995. –С. 37-67.
10. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и в словаре. – «Языки русской культуры», 1995. – С. 199 – 218.
11. Арутюнов С.А., Багдасаров А.Р. и др. Язык – культура — этнос. – М., 1994. – 250 с.
12. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка – Проблемы структурной лингвистики, 1982, М., 1984 – С.5-23.
13. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка: образ человека в культуре и языке. Введение. – М., 1999. – С.3-10.

14. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. - М.: Наука, 1988. – 341 с.
15. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
16. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. – Ростов-на-Дону: изд-во Ростовск. ун-та, 1964. – 314 с.
17. Астапенко Г.Д. Быт, обычаи, обряды и праздники донских казаков XVII–XX вв. – Батайск: Батайск. кн. изд-во, 2002. – 248 с.
18. Базилевич Л.И. Типы семантических связей и лексико-семантические группы слов / Л.И. Базилевич, Е.А. Кривченко – Филологические науки, 1977, № 3. – С. 84 – 91.
19. Бакланова И.И. Фразеологизмы сравнения как источник изучения жизни народа (на материале пермских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы исследования) 2011 / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Наука, 2011. – 468 с.
20. Банкевич В.В. К вопросу о соотношении лексико-семантических и тематических групп / В.В. Банкевич // Семантика слова и предложения: межвуз. сб. науч. тр. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та, 1985. – С. 30 – 35.
21. Баранникова Л.И. Закономерности развития диалектов в эпоху существования наций// Вопросы образования восточно-славянских национальных языков. М., 1962 - С.51.
22. Баранникова Л.И. О некоторых особенностях развития диалектов на территории позднего заселения. Саратов, 1977.- С.16-35.
23. Баранникова Л.И. Об устойчивости диалектной системы// Системность в языке, речи, тексте. Н.Новгород, 1991. С.12-21.
24. Баранникова Л.И. Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1974. – 260 с.

25. Батырева Л.П. К вопросу о лексической синонимии в диалекте (На материале лексики природы говоров Ивановской области). // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1995 – СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1998. – С. 203-207.
26. Бахвалова Т.В. Имена существительные со значением качественной характеристики лица в орловских говорах// Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1992. – СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1994. – С. 50-56.
27. Бахвалова Т.В. Оценка внешнего облика человека в литературном языке и говорах// Лексический атлас русских народных говоров. 1994. – СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1994. – С. 40-42.
28. Бережан С.Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц [Текст] / С.Г. Бережан. – Кишинев, 1973. –372 с.
29. Блинова О.И. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии. Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика. – 1971. – С.90
30. Блинова О.И. Мотивология и её аспекты. Изд. 3-е, испр. и доп.. – Москва: КРАСАНД, 2010. – 304 с.
31. Блинова О.И. Русская диалектология. Лексика. Томск, 1985. – 270 с.
32. Блинова О.И. Русская диалектология. Лексика: учеб. пособие / О. И. Блинова - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984г. – 144 с.
33. Блинова О.И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект: учеб. пособие для студ. филол. ун-тов / О. И. Блинова – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984б. – 192 с.
34. Блинова О.И., Арьянова В.Г. К вопросу о лексико-семантическом варьировании слова и омонимии в говорах / О.И. Блинова, В.Г. Арьянова // Вопросы русского языка. – Томск, 1965. – С. 28–35.

35. Богуславский В.М. Человек в зеркале русской культуры, литературы и языка. – М., 1994. – 237с.
36. Бондалетов В. Д. Диалекты территориальные/ Пензенская энциклопедия. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2001, – С. 155
37. Бондалетов В.Д. Русские говоры на территории Пензенской области и их изучение// Вопросы географии Пензенской области и методики географии. Л., 1971 – Выпуск 3 – С.111-123
38. Бородина М.А. Проблемы лингвистической географии (на материале диалектов франц. языка). М-Л: Наука, 1966. – 178 с.
39. Бочкарева Е.В. Наречие в донских говорах (лексико-семантический и структурный аспекты исследования). Канд. дисс. – Волгоград, 2008. – 225 с.
40. Бравичева Э.М. Взаимодействие близкородственных фонетических систем (На материале двух говоров села Канаевки Пензенской области) Ленинград: ЛГПИ им. Герцена, 1975. – С.24
41. Брагина А.А. Синонимы в литературном языке / А.А. Брагина. – М.,1986. – 128 с.
42. Бродский И.В. Названия грибов в прибалтийско-финских языках. – XXXII международная филологическая конференция (СПбГУ), СПб, 2003.- вып. 13 «Уралистика», часть 1. – С. 22-27
43. Бродский И.В. Названия растений в финно-угорских языках / Ин-т лингв. Исслед. – СПб: Наука, 2007. – 210 с.
44. Бромлей С.В., Булатова Л.Н. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972. – 235 с.
45. Брутян Г.А. Языковая картина мира и ее роль в познании// Методологические проблемы анализа языка. – Ереван, 1976. – С.60
46. Брысина Е. В. Код культуры в семантике диалектных фразеологических единиц // В.И. Даль и русская региональная лексикология

и лексикография: материалы Всерос. науч. конф. – Ярославль, 2001. – С. 112–119

47. Брысина Е.В. Антропонимы в составе диалектных фразеологических единиц // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2000 / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Наука, 2003. – С. 162–169.

48. Брысина Е.В. Антропоцентризм фразеологической картины мира диалектоносителей // Русское слово: сб. науч. статей. – Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2007. – С. 12–18

49. Брысина Е.В. Диалектная речь как источник народной мудрости // У чистого источника родного языка: сб. науч. ст. к 60-летию проф. В. И. Супруна / под ред. Е. В. Брысиной. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008. – С. 257–265.

50. Брысина Е.В. Лингвокультурная значимость диалектной фраземики. – Курск, 2006. – С. 86–90.

51. Брысина Е.В. Регионально-этнические аспекты когнитивной лингвокультурологии // Когнитивно-дискурсивные аспекты лингвокультурологии: Кол. монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – С. 54–100

52. Брысина Е.В. Экспрессивно-выразительные средства диалекта: Учеб.пособие по спецкурсу/ ВГПУ. Волгоград: Перемена, 2001. – 92 с.

53. Брысина Е.В. Этнокультурная идиоматика донского казачества: Мо-нография. – Волгоград: Перемена, 2003. – 293 с.

54. Брысина Е.В. Языковая личность и знаковая семантика // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: Тез. докл. науч. конф. – Волгоград, 1997 – С. 24-25.

55. Брысина Е.В., Кудряшова Р.И. Экспрессивная функция диалектных тавтологических оборотов // Вопросы краеведения. Вып. 11. – Волгоград, 2008. – С. 429–431.

56. Брысина Е.В., Шестак Л.А. Лексикология. Лексикография. Фразеология : учеб.-метод. пособие. – Волгоград: Перемена, 2004. – 235 с.
57. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. – М.: Просвещение, 1965 – 492 с.
58. Будде Е. К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань: Типо-литография императорского университета, 1896.- 377 с.
59. Булатова Л.Н., Касаткин Л.Л., Строганова Т.Ю. О русских народных говорах. М., 1975. – 200 с.
60. Бухарева Н.Т. Сибирская лексика и фразеология. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 201–227
61. Быкова Л.А. Современный русский литературный язык. Морфемика и словообразование / Л. А. Быкова. – Харьков: Вища школа, 1974. – 95 с.
62. Васильева В. Ф. Языковая картина мира: миф и реальность (полемиические заметки) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. №3. – 2009. – С. 22-31.
63. Вендина Т.И. Диалектное слово в парадигме этнолингвистических исследований // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1999 / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Наука, 2002. – С. 3–15.
64. Вендина Т.И. Словообразование как способ дискредитации универсума / Т. И. Вендина // Вопросы языкознания. № 2. – 1999. – С. 27
65. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 140-161
66. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания, №5 – 1953. – С. 162-189

67. Виноградов, В. В., В. И. Чернышев как исследователь русского лите-ратурного языка / В.В. Виноградов // Русский язык в школе. № 2. – 1947. – С. 60-65.
68. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – 442 с.
69. Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика: сб. статей. Ред. Ф.П. Филин и Ф.П. Сороколетов. Л.: Наука, Ленинградск. отд-е, 1972. – 185 с.
70. Вопросы русской диалектологии: Межвуз. темат. сб.[Отв. ред. Е.С.Скобликова]. – Куйбышев: Куйб. пед.ин-т, 1982. – 135 с.
71. Воронина Т.М. Интеллектуальная деятельность человека в образном представлении (на материале глагольной метафоры) // Язык. Система. Лич-ность. – Екатеринбург, 2000. – С. 298-306.
72. Высотский С.С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах// Очерки по фонетике севернорусских говоров. М, 1967. – 67 с.
73. Ганцовская Н.С. Лексика говоров Костромского акающего острова: проблемы типологии /Н.С. Ганцовская. – СПб.: Наука; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – 228 с.
74. Гвоздев А.Н. Типы великорусских говоров Пензенской губернии. П., 1925. – 20 с.
75. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия / А.С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – 488 с.
76. Герд А.С. О некоторых суффиксах лиц в псковских говорах // Уч. зап. Пск. пед. инст. Вып. 15. – Псков, 1963. – С. 15-21.
77. Говоры территорий позднего заселения. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1977. – 250 с.

78. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации / Н. Д. Голев; под ред. О. И. Блиновой.– Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. – 252 с.
79. Голев Н.Д. О семантических типах мотивационных отношений / Н. Д. Голев // Вопросы словообразования в индоевропейских языках: Форма и значение / под ред. Г. М. Шатрова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. – С. 31 – 41
80. Гордеев А.А. История казачества. – М.: Культура, 1991. – 342 с.
81. Горюшина Р.И. К вопросу об изучении системных связей в лексике русского языка // Вопросы региональной лингвистики : сб. науч. тр., посвящ. памяти проф. Л.М. Орлова / науч. ред. и сост. Р.И. Кудряшова. – Волгоград : Перемена, 2002. – С. 242–249.
82. Гринкова Н.П. Воронежские диалекты. Докторская диссертация. (Ленингр. госпед. ин-т им. Д.И. Герцена. Учебные записки т. 55. Кафедра русского языка). Л., 1947. – 300 с.
83. Грицкевич Ю.Г. О сложных наименованиях лиц по внутренним признакам в псковских говорах// Русские народные говоры: Проблемы изучения: Тез. докл. межвуз. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Г.Г. Мельниченко (Ярославль, 20-22 окт. 1997). – Ярославль: ЯГПУ, 1997. – С.46-48.
84. Губанова В.А. Мотивировочные признаки. Их разряды. Функционирование // Науч. тр. Курск, пед. ин-та. – Орел, 1974. – Т. 21 (114): Проблемы ономазиологии. – С. 113-128.
85. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем., под ред. и с предисл. Г. В. Рамишвили; послесл.: А. В. Гулыги, В. А. Звегинцева. – изд. 2-е – М.: Прогресс, 2001. – 396 с.
86. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода (извлечения) //

Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX вв. / Сост. В. А. Звегинцев. – М.: Гос. учеб.-пед. Изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1956. – С. 68–88.

87. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.

88. Демидова К.И. О возможностях изучения языковой картины мира в региональном аспекте // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2000. – СПб.: Наука, 2003. – С. 45–51.

89. Диалектологические исследования по русскому языку [Редколлегия: Р.И.Аванесов (отв.ред.) и др.]. – М.: Наука, 1997. – 146 с.

90. Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1979. – 192с.

91. Дмитриева Н.С. О грамматической природе сравнительного оборота // Ученые записки Ярославск. пед. ин-та рус. яз. и лит. Ярославль, 1958. – Вып. 28. – С.48-65.

92. Дмитриева О.А. Об этнокультурной специфике пословиц и афоризмов // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, – 1996. – С. 67-74.

93. Добрыднева Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии: монография / науч. ред. Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2000. – 224 с.

94. Долгих А.И. Семантическая деривация и различные группировки русской лексики / А.И. Долгих. Воронеж: ВГПИ, 1984. – 76 с.

95. Домашнев А.И. Немецкие поселения на Неве (из истории развития островной диалектологии) // Вопросы языкознания. 1996.№1 –С. 24

96. Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. М.: Наука, 1969. – 293 с.

97. Ермакова О.П. Концепт «безумие» с точки зрения языка // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв.ред. Н.Д.Арутюнова. М.: Наука, 1969. – 640 с.
98. Ефремов Л.П. Лексическое и фразеологическое калькирование // Вопросы фразеологии. Новая серия. – Вып. 106. – Самарканд, 1961. – С. 117 – 124.
99. Жирмунский В.М. Проблемы переселенческой диалектологии // Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. Л.: Наука, 1976. – 516 с.
100. Закиев М.З. Об этнониме «мишар» и происхождение мишарей // Советская тюркология, 1978, № 3, – С. 46
101. Залевская А.А. Языковое сознание: вопросы теории Вопросы пси-холингвистики. – 2003. – №1. – С. 30-34.
102. Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Группировка говоров русского языка по данным лингвистической географии. – Вопросы языкознания, 1963, №6, – С.20
103. Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднеязычных согласных. С-Петербург, 1913. – 544 с.
104. Зелепукина Л.А. Севернорусские говоры Сосновоборского района Пензенской области. Пенза – Куйбышев: Куйб. пед. ин-т, 1959. – С. 104-121
105. Иванов В.В. Русские народные говоры. М.: Учпедгиз, 1956. – 80с.
106. Ивашко Л.А. Лексика // Русская диалектология / под ред. проф. Н. А. Мещерского. – М.: Высш. шк., 1972. – С. 262–290.
107. Ивашко Л.А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л., 1981. –110 с.
108. Иссерлин Е.М. Говоры Пензенской области. Л., 1945. – С. 108.

109. История советского языкознания: Некоторые аспекты общей теории языка. Хрестоматия: Для филол. спец. ун-тов / Сост. Березин Ф.М. – М.: Высш. школа, 1981. – 351 с.
110. Калайдович П. Опыт Словаря русских синонимов. – Ч. 1. – М., 1818. – 53 с.
111. Калимуллина Л.А. Эмотивная лексика и фразеология русского ли-тературного языка: автореф. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1999. – 22 с.
112. Калинина М.В. Лексико-семантическое поле «Одежда» в донском казачьем диалекте: этнолингвистический и лингвокультурологический аспекты. Канд. дисс. – Волгоград, 2008. – 210 с.
113. Калиновская В.Н. Некоторые лексико-семантические особенности слов по теме «Человек» (на материале одного русского говора в бассейне Верхней Печоры)// Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1998. – СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2001. – С. 210-215.
114. Калнынь Л.Э. Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика//Вопросы языкознания, 1997. №3. С.115-124.
115. Кандауров И.М. Донские казаки: Литературно-историческая хроника их жизни, подвигов и трагедии. – Волгоград: Станица-2, 2003. – 368 с.
116. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: Культурные концепты: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1996. – С. 3–16.
117. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.
118. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 476 с.
119. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 263 с.

120. Караулов Ю.Н. Языковое сознание, языковая картина мира, менталитет // Вавилонская башня–2: Слово. Текст. Культура. Ежегодные Чтения памяти кн. Н.С. Трубецкого 2002–2003 «Евразия на перекрёстке языков и культур». – М., 2003. – С. 17–28.

121. Касаткина Р.Ф. К этимологии слов болван, балда, балбес // Материалы и исследования по русской диалектологии / [отв. ред. Л. Л. Касаткин]; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М.: Наука, 2008. – С. 352-355.

122. Климкова Л.А. Суффиксальное словообразование имен существительных в говорах южных районов Горьковской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1969. – 19с.

123. Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология. М., 1979. – 335 с.

124. Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология: (состояние и перспективы) / Т. С. Коготкова. – М.: Наука, 1979. – 335 с.

125. Котков С.И. Говоры Орловской области со стороны их вокализма//Ученые записки Орловск. Пединститута, 1951, т.V, вып 2, С.107-108.

126. Котков С.И. К истории носителей курско-орловского диалекта//Орловский альманах. Орел, 1952. – Вып. 3. – 192 с.

127. Кривова Н.И. Лексико-семантические группы имён существительных, характеризующих человека// Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1998. – СПб.: Изд-во НИИ РАН, 2001, – С.200-204.

128. Кудряшова Р.И. Современные процессы в волгоградских говорах // Вопросы краеведения: тез.докл. и сообщ. на Вторых краевед. чтениях. Волгоград, 8 – 9 февр. 1991 г. Волгоград, 1991. – Вып. 1. – С. 203 – 207.

129. Кудряшова Р.И. О переоформлении некоторых существительных среднего рода в донских говорах// Значение в языке и речи. Волгоград, 1975. – С. 120-124.

130. Кудряшова Р.И. О словаре русских донских говоров Волгоградской области // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Междунар. сб. научн. тр. Вып. 27. – Воронеж, 2004. – С.144-150.
131. Кудряшова Р.И. О среднем роде в чирских говорах и утрата категории среднего рода в хоперских говорах (явление перехода среднего рода в мужской)//Диалектная и литературная разговорная речь. Волгоград, 1974. С.85-97.
132. Кудряшова Р.И. Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем: Учеб. пособие. Волгоград: Перемена, 1997.– 124с.
133. Кудряшова Р.И.Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области). Волгоград: Перемена, 1998. – 93 с.
134. Кудряшова, Р.И. Функционирование языковых единиц в разных речевых сферах: факторы, тенденции, модели: Тезисы докладов. Волгоград: Перемена, 1995. – С. 71-72.
135. Кузнецова Е.В, Поддубная А.С. Характеризация человека посредством лексики тематической группы « пища и питание» (на материале донских говоров) //Живое слово севера. Архангельск, 2009. – С.123-126.
136. Кузнецова Е.В. Цокающий волгоградский говор: на материале экспедиции 2009 г.// Вопросы краеведения: Материалы XXI и XXII краеведческих чтений / Волгогр. обл. краеведч. музей, Волгогр. обл. о-во краеведов; [редкол.: И.О. Тюменцев и др.]. - Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. - 600 с. - Вып.13. - С. 521-524
137. Кузнецова Е.В. Мотивационный потенциал диалектного слова (на материале метеорологической лексики донских говоров): автореф. дис. ... канд. филолог.наук (10.02.01). Волгоград: ВГПУ, 2005. – 33 с.
138. Кузнецова Е.В. Современное состояние южнорусского цокающего говора// Лексический атлас русских народных говоров: Матер.

исследования 2010 / Ин-т лингв. исслед. - СПб.: Наука, 2010. - 466 с. - С.209-219.

139. Кузнецова Н.А. Топонимия Пензенской области. Москва: МГПИ им. В.И. Ленина, 1982. – С.45.

140. Кузнецова, Е.В. "А цаво цавокаем?": кто такие цекуны и как им живется // Русская речь. - 2012. - №2. – С.105-111

141. Кузьминки// Российский этнографический музей. URL: <http://www.ethnomuseum.ru/section62/2092/2091/4307.htm> (дата обращения: 20.03.2012).

142. Курбанов И.А. Анализ зоосимволики в русском и английском языках: автореф. дисс. ... канд. Филол. наук. – М., 2000. – 23 с.

143. Лаврова Л.В. Лексико-семантические группы слов, характеризующие человека: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1984. – 226 с.

144. Лазариди М.И. Номинативно-функциональное поле психических состояний в русском языке: дис.д-ра филол. наук. – Волгоград, 2001. – 377с.

145. Лебедева С. В. Близость значения слов в индивидуальном сознании: Дис. ... д-ра филол. наук. Тверь. – 2002. – 311 с.

146. Лексика женских головных уборов// ДиссерКэт.URL: <http://www.dissercat.com/content/leksika-zhenskikh-golovnykh-uborov-v-govorakh-yuga-nizhegorodskoi-oblasti#ixzz2TjHA51pl> (дата обращения: 18.05.2013).

147. Лексика и фразеология севернорусских говоров / под ред. Ю.И. Чайкиной. Вологда, 1980. – 56 с.

148. Леонтьева С.В. Интеллект человека в зеркале русского языка. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01: Екатеринбург, 2003. – 296 с.

149. Леонтьева С.В. Интеллект человека в зеркале русского языка. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01: Екатеринбург, 2003. – 296 с.

150. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
151. Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3-х т., Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. – 479 с.
152. Львов М.Р. К вопросу о типах лексических антонимов / РЯШ. – 1970. – №3. – С. 71-76.
153. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Academia, 2001. – 203 с.
154. Мельниченко Г.Г. О «Материалах для словаря народного языка в Ярославской губернии» Е. Якушкина (1896) // Краеведческие записки – Ярославль, 1956. – Вып. 1. – С. 189-193.
155. Мещерякова Ю. В. Язык и культура – сущность взаимосвязи и взаимовлияния // Языковая личность: проблемы когнитивности и коммуникации: сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Красавского. – Волгоград: Колледж, 2001. – С. 165–171.
156. Миртов А. В. Казачьи говоры. – Ростов н/Д.: Севкавказ, 1926. – 32 с.
157. Моисеев А.И. Мотивированность слов (Мотивированность сложных имён существительных со значением лица в русском языке)// «Уч.зап.ЛГУ», Серия Филол. Наук. Исследования по грамматике русского языка IV. Л., 1963. – Вып. 68. – С. 121-130.
158. Мораховская О.Н. Говоры мещерского края. М.: МГУ, 1951. – С.99.
159. Морозова Т.И. Внешний вид как одна из базовых ценностей донского казачества //Живое слово севера. Архангельск, 2009. – С.126-130.
160. Мызников С.А. Лексика прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Обонежья// Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 1998. СПб, 2001 – С. 105-114.

161. Некоторые проблемы истории казачества Волгоградской области: сб. науч. работ / отв. за вып. В. И. Гомулов, А. А. Бирюков. – Волгоград, 1997. – 102 с.
162. Нефедрев М. В. Заметки о развитии словообразовательных типов / М. В. Нефедрев // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 90 – 91.
163. Новиков Л.А. Семантика русского языка: Учеб. пособие. – М.: Высш. школа, 1982. – 272 с.
164. Новиков Л.А. Типы антонимов в русском языке (структурная классификация). Рус. яз. в шк. – 1973. – №3. – С. 15-21.
165. Онуча//Словопедия. URL: www.slovopedia.com/1/206/745373.html (дата обращения: 18.05.2013).
166. Описание Пензенской губернии//Материалы для географической и статистической России. – Спб.,1867 – С.260-261.
167. Орлов Л.М. Программа собирания материалов для словаря русских донских говоров. Ростов-на-Дону, 1959. – 123с.
168. Орлов Л.М. Русские говоры Волгоградской области: Учеб.пособие. Волгоград: Изд-во ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1984. С.96.
169. Орлов Л.М., Кудряшова Р.И. Русская диалектология: современные процессы в говорах. Волгоград, 1998. – 144 с.
170. Оссовецкий И.А. Исследования в области лексикологии русских народных говоров. – М.: Наука, 1971. – 198 с.
171. Оссовецкий И.А. Лексика современных русских народных говоров. АН СССР, ИРЯ. М.: Наука, 1982. – 203 с.
172. Пашковский А.М. Говоры Лунинского района Пензенской области [Текст]: Автореферат дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. – Казань: КГУ, 1955 – 17 с.
173. Плахин Е. А. Экспрессивность и эмоциональность слова // Русское языкознание. – Алма-Ата, 1973. – Вып. 2. – С. 46–59.

174. Плуноян В.А., Рахилина Е.В. БЕЗУМИЕ как лексикографическая проблема (к анализу прилагательных безумный и сумасшедший) // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. – С. 15-20.
175. Покровская, О.В. Языковой образ человека в синонимических репрезентациях: опыт разработки частной теории (на материале русского и английского языков) Текст.: автореф. .канд.филол.наук: 10.02.19. / Оксана Владимировна Покровская. – Кемерово, – 2008. – 262 с.
176. Полищук Т.И. Концепт глупость в языковой картине мира (на материале русского и французского языков) автореф. дис... Калуга, 2012, – 18 с.
177. Попова З. Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2002. – 59 с.
178. Постовалова В.И., Серебренников Е. С., Кубрякова В. И. и др. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 26–58.
179. Потевня А.А. Из записок по русской грамматике: В 4-х т. – М.: Просвещение, 1958. – 287 с.
180. Потевня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, 1894. – 130 с.
181. Потевня А.А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. – 190 с.
182. Потевня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. – 614 с.
183. Прокошева Н.К. Структура устойчивых сравнительных оборотов в говорах Северного Прикамья // Вопросы лексики, фразеологии и синтаксиса. Пермь, 1974. – С. 103-111.
184. Проценко Б. Н. История духовной культуры донского края. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1993. – 270 с.
185. Радченко О. А., Закуткина Н. А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопр. языкознания. – 2004. – № 6. – С. 25 – 48.

186. Раков Г.А. Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии: семасиологический и ономастический анализ системных отношений в лексике / Г.А. Раков. – Томск, 1988. – 269 с.
187. Резанова З.И. Семантика мотивирующего слова // Вопросы слово-образования в индоевропейских языках: Проблемы семантики. – Томск, 1991. – С. 46-56.
188. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык: Учеб. Пособие для вузов. – М.: Рольф; Айрис-Пресс, 1997. – 448 с.
189. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира : сб. ст. / отв. ред. Б. А. Серебрянников. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
190. Русская диалектология / Под ред. В.В. Колесова. М., 1988. – 207 с.
191. Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. М.: Академия, 2005.–288 с.
192. Русская диалектология / Под ред. Н.А. Мещерского. М., 1972. – 302 с.
193. Русская диалектология / Под ред. П.С. Кузнецова. Госуд. учебно-пед. изд-во мин-ва просвещения РСФСР. М, 1973. – 184 с.
194. Русская диалектология : учеб. пособие для филол. фак-тов ун-тов / В. В. Колесов, Л. А. Ивашко, Л. В. Каропулина и др.; Под ред. В. В. Колесова. – М.: Высш. шк., 1990. – 207 с.
195. Русская диалектология: учебник для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, О. Г. Генцова и др.; Под ред. Л. Л. Касаткина. – М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 288 с.
196. Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. [Отв. Ред. Е.В. Немченко]. М., «Наука», 1975. – 303 с. (АН СССР Ин-т русского языка)

197. Русский народный костюм. Сарафан// Фэмэлихистори. URL: family-history.ru/material/history/kostum/kostum_3.html (датаобращения: 22.05.201).
198. Рут М.Э. Русское диалектное полубелый 'сумасшедший, ненормальный' // Русская диалектная этимология. Тез. докл. межвуз. науч. конф. (1012 октября 1991 года). – Свердловск: УрГУ, 1991. С. 34-35.
199. Семантико-функциональные поля в лексике и грамматике. – М.: Наука, 1990. – 247 с.
200. Семенов П.П. Географический и статистический словарь Российской империи. СПб, 1861. С. 231.
201. Сидоров В.Н. Наблюдения над языком одного из говоров рязанской мешеры. МИРД. Т.1, 1949. С. 93-134.
202. Собинникова В.И. Простое предложение в русских народных говорах. Воронеж, 1961. – 56 с.
203. Современные процессы в русских народных говорах/ Отв. ред. Л.И. Баранникова. Саратов: Изд-во Саратов.ун-та, 1991. – 140 с.
204. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студ. высш. Учеб. заведений. В 2 ч. Ч. 1. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование / [Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин, Н. А. Николина, И. И. Шеболева]; под ред. Е. И. Дибровой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 480 с.
205. Сороколетов Ф.П. Диалектная лексика в ее отношении к словарному составу общенародного языка // Слово в русских народных говорах [сб. ст. Ред. Ф.П. Сороколетов]. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. – С. 181-185.
206. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.–696 с.
207. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. – 170 с.

208. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.
209. Тарасова Н.Е. Особенности концептуализации объекта < крупный рогатый скот > в говорах Архангельской области//Живое слово севера. Архангельск, 2009. – С.91-96.
210. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173–204.
211. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц / В.Н. Телия // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991. – С. 36-66.
212. Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (На материале репрезентации концепта «Труд» в русском языке): Монография. – Волгоград: Перемена, 2003. – 233 с.
213. Толстой Н.И. Диалектология в этнолингвистической перспективе // Системные отношения в лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологодский гос. пед. ин-т, 1982. – С. 3–7.
214. Толстой Н.И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Язык и этнос: Сб. научн. тр. – Л.: Наука, 1983. – С. 180–190.
215. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
216. Ульянова Н.В. Семантические единицы со значением «одежда» в говоре с. Пурнема Онежского района Архангельской //Живое слово севера. Архангельск, 2009. – С.89-91.
217. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль

человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 108-140.

218. Уфимцева Н. В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М., 2000. – С. 135–171.

219. Фёдоров А.И. Сибирская диалектная фразеология. – Новосибирск: Наука, 1980. – 192 с.

220. Федосов Ю.В. Различие синонимов по значению как различие в степени проявления качества, действия // Уровни лингвистического анализа в синхронии и диахронии. Пятигорск: Пятигорск. гос. лингв.ун-т, 1997. – С.57-61.

221. Филин Ф.П. Исследования по лексике русских говоров. М; Л, 1938. – 294 с.

222. Финно-угры и балты в эпоху средневековья [Текст] / В.В. Седов [и др.]; Ин-т археологии АН СССР; под общ.ред. Б.А. Рыбакова; отв.ред. тома В.В. Седов. – М.: Наука, 1987. – 509 с.

223. Флягина М.В. Лингвогеографическое исследование ландшафтной лексики донских говоров: дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д., 2004. – 389

224. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология: Учебник.– 4-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2003. — 415 с.

225. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение. В кн.: «Избр. Труды». Т.1, М., 1956, – С. 173-174.

226. Хохлова Н.В, Смирнова Т.Н. Семантические единицы со значением «растительный мир» в говоре с. Пурнема Онежского района Архангельской области //Живое слово севера. Архангельск, 2009. – С.84-89.

227. Цоллер В. Н. Эмотивные, оценочные и экспрессивные компоненты в структуре лексического значения // Семантика языковых единиц. – М. : Мин-во общ. и проф. образования РФ, 1998. – С. 223–225.

228. Черняк В.Д. Проблема синонимии и лексико-грамматическая классификация слов. Л.: ЛГПИ, 1989. – 79 с.
229. Шанская Т.В. Слова общего рода в литературном языке // Рус. яз. в шк. – 1959 – №5. – С. 13-15.
230. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка: пособие для студ. пед. ин-тов. – изд. 2-е, испр. – М.: Просвещение, 1972. – 328 с.
231. Шапиро А.Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1953. – 317 с.
232. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М., 1941, стр. 274 и сл. Изд. 4. М.: Изд-во ЛКИ/URSS, 2007.
233. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. – Волгоград: Перемена, 2008. – 419 с.
234. Ширшаков Р.В. Диалектные слова с корнем, общим для территориальных говоров и литературного языка (на материале пензенских говоров) // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. № 19 (23) – 2011. – С. 163–167
235. Ширшаков Р.В. Растительный мир в говорах Пензенской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. Ч. 1 / ИЛИ РАН. – СПб.: Наука, 2007. – С. 505 – 509.
236. Ширшаков Р.В. Семантические диалектизмы в пензенских говорах // Диалектная лексика 2009. / ИЛИ РАН. – СПб.: Наука, 2009. – С. 297–314.
237. Ширшаков Р.В. Собственно словарные диалектизмы в пензенских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. / ИЛИ РАН. – СПб.: Наука, 2008. – С. 515 – 523.

238. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – 3-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 280 с. (Из лингвистического наследия Д.Н. Шмелева.)
239. Шумилова А.А. Лексическая синонимия: традиционное и когнитивное видение проблемы. Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22 (160). Филология. Искусствоведение. Вып. 33. – С. 144–148.
240. Шумилова А.А. Синонимия как ментально-языковая категория (на примере лексической и словообразовательной синонимии русского языка): дисс. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2009. – 273 с.
241. Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения. - В кн.: Избранные работы по языкознанию и фонетике, Т.1. Л., 1958, – С.17.
242. Эдельман Д.И. Основные вопросы лингвистической географии. На материале индоевропейских языков. М: Наука, 1968. – 195 с.
243. Эмотивный код языка и его реализация : кол. монография. – Волгоград: Перемена, 2003. – 175 с.
244. Этнографическое обозрение. М., 1915. – №3-4 – с. 149-151
245. Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры / отв. ред. К.В. Чистов. – М.: Наука, 1987. – 457 с.
246. Юрченко С. А. Речь как базовая ценность в языковом сознании донского казачества (на материале донских казачьих говоров): дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 217 с.
247. Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности: сб. науч. трудов. – Волгоград: Перемена, 2004. – 247 с.
248. Язык. Культура. Этнос. М., 1994. – 317с.
249. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.

250. Ямпольская А.Л. Синонимия как средство создания рекламного образа (экспериментальное исследование). – автореф. дисс... Курск, 2009. – 23 с.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Агеева Р.А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. – М., 2000. – 424 с.

2. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: ок. 9000 синонимических рядов / под ред. Л. А. Чешко. – 5-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1986. – 600 с.

3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.

4. Большой толковый психологический словарь / Ребер Артур. Том 1 (А-О): Пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 2000. – 592 с.

5. Большой толковый словарь донского казачества / редкол. В.И. Дегтярёв, Р.И. Кудряшова, Б.Н. Проценко, О.К. Сердюкова. – М.: Астрель» – АСТ, 2003. – 608 с.

6. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / Под ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – 576 с.

7. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 864 с.

8. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. 1998. – 1534 с.

9. Большой энциклопедический словарь: Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Рос. энцикл., 2000. – 682 с.

10. Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. Т 1. А-Н – Воронеж, 1983.- 274 с. (СРНГРМ)
11. Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. Т 2. О-Я. Материалы по русской диалектологии. – Саратов: Научная книга, 2002. – 264 с.(СРНГРМ)
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х т. – М.: Русский язык, 1981-1982. – 779 с.
13. Донской историко-этнографический словарь. Программа. – М., 1998. – 132 с.
14. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: около 1900 словообразовательных единиц / Т.Ф. Ефремова. М.: АСТ: Астрель, 2005. – 636,[4] с.
15. Культура и культурология. Словарь / ред.-сост. А. И. Кравченко. – М., Екатеринбург: Деловая книга. – 2003. – 926 с.
16. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Сов.энциклопедия, 1990. – 685 с.
17. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь: ок. 35000 слов, 70000 словосочетаний. – 5-е изд., стереотип. – М: Русский язык, 1998. – 832 с.
18. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка: более 2500 антонимических пар. – 6-е изд., испр. и доп. – М.: Терра, 1997. – 480 с.
19. Миртов А.В. Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков. – Ростов-на-Дону, 1929. – 416 с.
20. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1 / Авторы: Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон, М. Я. Гловинская, Т. В. Крылова. Под. общ. Ред. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 1999. – 1488 с.

21. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антинимический). – М.: ООО «Русские словари»: «ООО Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 800 с.
22. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
23. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. – М.: ГИС, 1959. – 718 (1), 1284 (2).
24. Русский семантический словарь. Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову / [Ю.Н.Караулов, В.И. Молчанов, отв. ред. С.Г. Бархударов]. – М.: Наука, 1983. – 566 с.
25. Словарь донских говоров Волгоградской области / Сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун. / Под ред. Р. И. Кудряшовой. – Волгоград: Издатель, 2011. – 704 с. (СДГВО)
26. Словарь русских народных говоров. Вып. 1– 44. – Л.–СПб.: Наука, 1965-2011. (СРНГ)
27. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингв. исслед.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1985–1988. (МАС)
28. Словарь современного русского языка: В 17-ти томах. М. – Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950-1965.
29. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наукъ. – СПб., 1847. т.3. – 549 с.
30. Современный психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – СПб. : ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2006. – 490 с.
31. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Акад. Проект, 2004. – 992 с.
32. Толковый словарь русского языка в 4 т. / Под ред.
33. Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка (в 4-х томах). – СПб.: Азбука, 1996. – 2960 с.

34. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. В 2-х т. – М.: Русский язык, 1999.- 624 с.; 560 с.
35. Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителей / под ред. С. Г. Бархударова. – М.: Просвещение, 1975. – 542 с.
36. Этнографическая энциклопедия Волгоградской области [Текст]/ редкол.: М.А. Рыблова (гл. ред.) и [и др.]; Администрация Волгогр. Обл., Волгогр. гос. ун-т, ЮНЦ РАН. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. – 544 с.